

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ГРУЗИИ им. акад. С. Н. Джанашиа

В. Н. Гамрекли

Двалы и Двалетия

в I—XV вв. н. э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ТБИЛИСИ
1961

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

აკად. ს. ჯანაშიას სახ. საქართველოს საბელაშვილო მუზეუმი

Handwritten notes in blue ink, including the date "1961 2/15" and the name "გამრეკელი".

გ. გამრეკელი

დუალები და დუალები

ახ. წ. I—XV სს.

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა

თბილისი

1961

В. Н. Гамрекли

Двалы и Двалетия

в I—XV вв. н. э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ТБИЛИСИ

1961

В монографии младшего научного сотрудника Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа В. Н. Гамрекли «Двалы и Двалетия в I—XV вв н. э.» рассматриваются вопросы локализации, этнической принадлежности, языка и исторических судеб двалов — одного из племен, населявшего до XV в. высокогорную часть центрального Кавказа.

В труде подвергнут критике ряд ранее высказанных взглядов. Поставленные вопросы рассматриваются в тесной связи с историей Грузии.

R2359.909

1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Территория центральной части Кавказского хребта с востока на запад между Дарьяльским ущельем и Мамисонским перевалом, с примыкающими к ним с севера ущельями Нарской котловины и с юга ущельями истоков р. Б. Лиахви в прошлом, в средние века, именовалась по-грузински Двалети и Магран-Двалети, а население, занимавшее эту территорию — двалы. В осетинской речи и по настоящее время именуется Нарская котловина Туалта, а истоки ущелья Б. Лиахви Урс-Туалта, а их жители — туаллаг (Двал и Туал представляют собой две фонетические разновидности одного слова, одного понятия).

Эта территория входила в состав Грузии, согласно грузинской исторической традиции, со времен возникновения грузинского государства, а за последние несколько веков на этой территории засвидетельствовано осетинское население.

Расположение в центре Кавказа и связанность исторических судеб с грузинским и осетинским народами, привлекли внимание ученых к племени двалов уже давно. В трудах исследователей — кавказоведов, изданных на протяжении XVIII—XX вв. (Гюльденштедт, Клапрот, Пфафф, Миллер, Ковалевский, Кипшидзе, Томашек, Ахведиани, Кекелидзе, Меликсетбег, Абаев, Ванеев, Гвретишвили, Скитский и др.), имя племени двалов упоминается неоднократно.

Однако, ни одним из этих исследователей вопрос об этнической племенной принадлежности двалов или вопрос их исторических судеб не подвергался специальному рассмотрению.

Тем не менее в среде ученых высказан ряд утверждений, соображений и предположений выявляющих наличие различных взглядов по вопросу о племенной этнической принадлежности двалов.

Высказываясь об этнической-племенной принадлежности двалов, ученые первым делом определяли их этническую природу по языковому признаку. Установление языкового сродства является важнейшим моментом для решения вопроса этнической — племенной принадлежности, т. к. общность языка, как первейшего средства социального общения, является важнейшим племемоформирующим условием и фактором. Потому-то язык наиболее верно указывает и на племенную принадлеж-

ность данной этнической общности, т. е. с какой группой племен генетически связано данное племя, и точнее, с какой группой племен связан генетически тот этнический элемент, который сыграл формирующую, конструктивную роль в образовании данного исследуемого племени.

До последнего времени в научной среде было широко распространено мнение признающее двалов ираноязычным племенем, одним из осетинских племен или даже отождествляющее их с осетинами-иранцами.

Возникновение и утверждение такого взгляда на двалов можно проследить с начала XIX в., от Клапрота через Пфаффа, Миллера, ряда языковедов и других ученых к Скитскому¹.

Клапрот пишет: «Большая часть осетин в Грузии принадлежит к племени двали или двалети»². «...Согласно часто приводимой географии Грузии, грузины делят народ осетин на два больших племени, которые однако по языку и нравам мало отличаются друг от друга, а именно на собственно осетин и на двалетов или двали»³.

Не вдаваясь в анализ каждой фразы в отдельности, очевидно, что Клапрот в приведенных случаях отождествляет двалов с осетинами.

Не может не обратить на себя внимание внутренняя нелогичность свидетельства Клапрота. Достоверно известно, что осетинский язык состоит из двух диалектов иронского и дигорского, что, соответственно, осетин называет себя ироном или дигорцем, что осетинское население было организовано по обществам — удельям: Тагаурцы, Куртаульды—Куртатинцы, Валлагирцы, Туальцы, Дигорцы. При таком действительном положении и признании Клапротом, что собственно осетинны и двалы—осетинны «по языку и нравам мало отличаются друг от друга» совершенно непонятным и нелогичным представляется его же утверждение, что «грузины делят народ осетин на два больших племени... на собственно осетин и на двалов».

На чем же основано такое деление? Почему же делят грузины таким образом осетинский народ? если нет существенного

¹ Очерки истории осетинского народа с др. времен до 1867 г. Дзауджикау (Орджоникидзе) 1947 г.

² Die mehrsten Osseten in Georgien gehören zu dem Hauptstamme Dwali oder Dwaleti—Reise in den Kaukasus und nach Georgien. II том Berlin. 1814 г. стр. 13.

³ „Nach der öfters angeführten Geographie von Georgien teilen die Georgier das Volk der Osseten in zwei große Stämme die aber der Sprache und den Sitten nach wenig von einander unterschieden sind, nämlich in eigentliche Osseten und in Dwaleti oder Dwali.“—см. там же—„Anhang“, стр. 177; а также стр. 383.

и главрежущего различия между двалами и собственно осетинами. На эти вопросы ответов у Клапрота нет. Ясно, что Клапрот что-то недопонял и потому что-то недосказал.

Во-вторых, неправомерно приписано «Географии Грузии», т. е. географическому труду Вахушти, деление «осетин на два больших племени» — на собственно осетин и двалов.

У Вахушти, как это явствует из предлагаемого ниже анализа его географического описания, нет подобного племенного деления осетинского народа; хотя он и различает двалов и осетин друг от друга, но вовсе не в смысле двух племен одной народности, как это пишет Клапрот. Вахушти различает двалов и осетин друг от друга совершенно в ином смысле, что делает такое этнонимическое размежевание естественным и логичным. Об этом речь подробнее будет дальше.

Таким образом свидетельства Клапрота являются плодом недоразумений, возникших вследствие недостаточно глубокого знакомства с историческими памятниками и действительностью Грузии.

Цитированные высказывания Клапрота явились источником и исходной точкой для ряда последующих кавказоведов в их суждениях о двалах. Тем самым Клапрот ввел в заблуждение всех положившихся на его слова.

Так, Пфафф повторяет⁴ за ним «По географии Вахушти двалеты были осетины»⁵.

Далее, такой выдающийся кавказовед как В. Ф. Миллер тоже пишет: «Осетины... на южном склоне хребта... занимают область известную в грузинской географии под названием Двалети. Сев. Осетины называют их общим именем Туалта»⁶. «В Двалах (упомянутых в Армян. географии VII в. — В. Г.) следует видеть жителей области Двалети, южных осетин, известных до сих пор северным их соплеменником под именем Туалта»⁷. Следовательно, и В. Ф. Миллер отождествляет средневековых

⁴ Мы позволяем себе выразиться „заимствует“, „повторяет“ и вот почему: как ниже я пытаюсь показать, первоисточник — география Вахушти не дает основания для подобных утверждений

Если все же ряд ученых продолжает это утверждать, при полном отсутствии ссылок на конкретный текст Вахушти, без цитирования отдельных мест из географии Вахушти, то мы это объясняем только тем, что названные исследователи не подвергнув вероятно проверке первоисточник, заимствуют друг у друга и повторяют друг за другом некритически положения, впервые встречаемые у Клапрота; при этом раздвигают рамки их значимости на все предыдущие века.

⁵ Сб. Свед. о Кавк. горцах, вып. IV, 1870, стр. 29.

⁶ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 6.

⁷ Цит. соч. стр. 108.

двалов с осетинами и локализует Двалетию по южным склонам Гл. хребта Кавказа. И в данном случае основанием служит ссы- лка на географию Вахушти и на факт употребления северными осетинами этнонима «Туаллаг» — Туалта для обозначения юж- ных осетин.

Слова Пфаффа и Миллера без изменения, повторил⁸ Ван- св: «Юго-Осетия (или Двалетия по старой грузинской географич- еской номенклатуре)»⁹. «По Вахушти двалам—осетинам»¹⁰ и дальше это отождествление распространяет на все средневековье, заключив после превратного толкования Вахушти и не заслужи- вающего научного доверия аргументации, что «двалы—осетины обитают на территории Ю. Осетии с древних времен»¹¹.

От вышепозванных исследователей, видимо, заимствует Скитский, когда он пишет: «Южная Осетия в старой географии Грузии называлась Двалетия. Это название происходит от древ- него самоозначения населявших ее осетин—«Туал»¹².

Такие ученые как И. Кипшидзе, Г. Ахвледиани, К. Кекели- дзе и некоторые другие причисляли двалов к осетинам, не обос- новывая однако, это ничем и не входя в углубленное исследова- ние вопроса; они это делали просто мимоходом, считая это по- ложение само собой разумеющимся и не требующим доказа- тельств.

Так, И. Кипшидзе описывая грузинский литературный па- мятник XIV в. «Мученичество Николая Двала» признает его «интересным материалом по истории... одного из осетинских племен — двалов»¹³. Акад. Г. Ахвледиани¹⁴ готов признать древ- недвальский язык «заметно отличающимся диалектом» осетин- ского языка и опирается в своих суждениях на утверждение Клапрота, что все южные осетины именовались двалами.

Акад. К. Кекелидзе¹⁵ в своих историко-литературных рабо- тах и изысканиях также попутно говорит о тождестве двалов и осетин.

⁸ См. сноску 4.

⁹ Известия ЮОНИИ, вып. III, 1936, стр. 270.

¹⁰ Там же, 272.

¹¹ Там же.

¹² Известия СОНИИ, т. XI, 1947, стр. 139.

¹³ Изв. Кавк. Ист. Археолог. Института, т. II, 1917—1918 гг., стр. 49

¹⁴ ენობის მონაბე, ტ. X, 1941, გვ. 194 და 195.

¹⁵ См. его — «ქველი ქართ. ლიტერ. ისტორია» ტ. I, 1950, გვ. 515; также статью «საქართველო და ნიზამი განჯელი» в газете «საბ. განათლება» № 39 за 1947 г., в которой он пытается под «Дувалом» упомянутым в поэме Низами признать Давида Сослани.

Можно назвать еще ряд ученых высказавшихся в таком же смысле, но мы воздерживаемся от этого, т. к. их суждения ничего существенно нового, отличного в себе не содержат.

Следует заострить внимание на одном моменте содержащемся в цитированных высказываниях ученых: Клапрот описывает коложение сложившееся ко времени конца XVIII в.; причем это фиксация представлена без оглядки на историю края, без сохранения исторической перспективы, без учета прошлого населения данных мест. Последующие же исследователи как Миллер, Кнпшидзэ и др. без каких-либо дополнительных оснований расширили хронологические рамки и отождествление двалов с осетинами произвольно распространяют на все предыдущие века и в их представлении двалы оказываются искони осетинским племенем. Они игнорируют, или упускают из виду, факт миграционных процессов и потому не замечают разность двалов средневековья и двалов XVIII в. Между тем из грузинских письменных памятников и осетинских фамильных преданий в совершенно четкой и утвердительной форме известно о наличии миграционных процессов, о перемещениях населения Центрального Кавказа и изменениях его состава за последние несколько веков, коснувшихся непосредственно и двалов.

Все вышеприведенные выдержки наглядно иллюстрируют насколько распространенным было мнение, причисляющее двалов к осетинским племенам. Одновременно из них со всей несомненностью явствует, что тезис о принадлежности двалов к группе осетинских племен имеет под собой два основания:

- 1) ссылки на грузинские исторические памятники, а именно, на свидетельства Вахушти Багратиони в его «Описании царства Грузинского».
- 2) То обстоятельство, что осетины XIX—XX вв. называют «Туаллаг»-ами (resp.-двалами), осетин, происходящих из Наро-мамисонской котловины, т. е. то обстоятельство, что туаллаг-двалами осетины именуют осетин же, происходящих с территории именованной по средневековой грузинской номенклатуре — Двалетней.

Однако ни один из этих аргументов не подвергался обстоятельному анализу; не исследован подлинный смысл свидетельств Вахушти и не обследована та этническая общность, которая скрывалась под этнонимом Двал-Туал.

Вдумчивое чтение географии Вахушти Багратиони убеждает, что приведенные ссылки вышеназванных авторов на труд Вахушти ошибочны и не соответствуют своему источнику, порою представляя по существу искажение источника.

В грузинской исторической литературе до XIX в. и, в частности, у Вахушти Багратиони, о двалах сохранено много сведений, об их исторических судьбах имеется ряд высказываний —

из коих явствует наличие определенного взгляда по вопросу об этнической принадлежности двалов. Эти данные совершенно не оправдывают ссылок указанных авторов и идут вразрез с их утверждением о тождестве двалов и осетин.

Как это будет показано подробнее ниже, Вахушти действительно различает двалов и осетин; но различает их не как два племени одной народности, не как генетически родственные племена, а как коренных жителей и пришельцев, как аборигенов и иммигрировавших, как покоренных и покорителей.

Относительно факта употребления в современной (и ближайшего прошлого) осетинской речи этнонима «Туаллаг» в применении к осетинскому же населению Нарской котловины следует признать, что целый ряд обстоятельств заставляют полагать, что в данном случае древний этноним закрепился за определенной местностью и механически перенесен на позднейшее население этой территории. Здесь мы наблюдаем такое же явление, какое установлено в отношении ряда областей и народностей Кавказа (балкар, горских татар, карачаевцев и др.), и в отношении которых еще Вс. Миллер констатировал, что этническое «имя прикрепилося к местности и осталось за нею, несмотря на смену народности»¹⁶.

Что осетинское население Ксани—Лиахви—Кударо XVI—XX вв. это не средневековые двалы, а иное, новое население, это явствует с несомненностью из сопоставления грузинских исторических памятников («Памятник Эриставов», продолжение «Картлис Цховреба», истор.-географ. труд Вахушти и др.); то же самое говорят южно-осетинские фамильные предания. З. Н. Ванев в своей статье «К вопросу о времени заселения Юго-Осетии», основываясь на этих фамильных преданиях, пишет «мы пришли к заключению, что современные юго-осетины живут в Юго-Осетии 4--5 столетий, т. е. они переселились сюда в период XV—XVI столетий»¹⁷.

Этой разницы между двалами и двалетскими осетинами, т. е. осетинами населившими Двалетию после XIV в. не учли некоторые из перечисленных выше ученых, что и привело их к отождествлению туаллов-осетин с историческими средневековыми двалами.

Таким образом в вопросе о двалах следует различать два этнических элемента: исторические двалы, двалы до позднего средневековья, т. е. население Двалетии примерно до XV в., это одно, а осетины населяющие Двалетию ряд последних веков и называемые осетинами же «туаллаг»-ами, это этнически нечто другое. Соответственно этому в эти разные эпохи, различна была

¹⁶ Вс. Миллер, Осет. этюды, III часть, стр. 7.

¹⁷ Известия ЮОНИИ, вып. III, 1936, стр. 274.

природа этнической массы населявшей Двалетию и именовавшейся двали-туал.

Таким образом концепция не делающая разницы между населением Двалетии до XV в. и его населением в XVIII в., концепция признающая двалов средневековья и двалов XVIII в. в равной мере осетичским племенем оказывается лишенной фактического основания, лишенной объективной научной опоры и остается повисшей в воздухе. В силу такого положения, эта концепция теряет силу убедительности и не может быть разделяема.

Расширением и углублением исследовательской работы в области кавказоведения следует объяснить возникновение в среде кавказоведов XX в. другого мнения о племенно-этнической принадлежности двалов. Сущность этого нового мнения заключается в признании генетической связи древних двалов с иберо-кавказскими племенами. Эта точка зрения именно различает исконных двалов от осетино-двалов XVIII и последующих веков.

Так еще в 1905 г. в своей короткой статье в *Real-Encyclop. d. class. Altertumswissenschaft* Томашек причислил двалов к вейнахоязычным племенам. Он писал «Двалы первоначально особое племя, широко распространенное с собственным (родственным тушскому?) языком»¹⁸, следовательно Томашек с некоторым колебанием и не уверенно, на что указывает вопросительный знак, предполагает родство двальского языка с тушским — вейнахским.

Хотя мне не ясны послышки послужившие основанием для такого утверждения Томашека, что лишает меня возможности судить о степени обоснованности и соответствия вывода своим посылкам, тем не менее, само по себе, это утверждение заслуживает быть отмеченным, как некая новая точка зрения по вопросу двалов.

Несколько позже, в 20-х годах текущего столетия лингвист В. И. Абаев обратил внимание на осетинскую этнонимистику и высказался так: «действительный научный историко-этнологический интерес осетинской этнической номенклатуры, в том числе и термина иг в том, что она вскрывает связи кавказского народа осетин с их кавказскими же соседями. В таких терминах как *ig*, *digor*, *tuäl* и пр., бесполезно было бы искать каких-нибудь иранских реминисценций. Они уходят корнями в кавказский этнокультурный мир и только в рамках этого мира могут найти себе истолкование»¹⁹.

¹⁸ „Ursprünglich ein Sonderstamm von grosser Ausdehnung und mit eigener (dem Thuši verwandten?) Sprache...“

Paulys—R. E. d. class. Altertumswiss. V B. 1905 стр.1231.

¹⁹ Н. И. Абаев, Осетинские термины *igon*, *allon*. см. в Яфетич. сборнике X. 1927, стр. 108.

Еще более определенно и с большим убеждением высказался проф. В. И. Абаев поэтому же вопросу позже. В 1949 г. он писал: «племенные самоназвания различных ветвей осетинского народа: *ir, digor, tual* (resp. двал. — В. Г.) и др. не могут быть объяснены из иранского. Они восходят, по-видимому, к этническим самоназваниям до—осетинского населения, удержавшимся и после иранизации»²⁰ и далее—«что это были за народы и языки, которые бытовали на территории Осетии до иранизации и послужили субстратом при образовании кавказского осетинского народа. На этот вопрос мы не можем ответить.... Можно только предполагать, что они были близки по типу к ныне соседящим с осетинами кавказским языкам: грузинскому, черкесскому и др.»²¹ «старое население (до-осетинское, на территории Осетии. В. Г.), по языку, надо полагать, родственное другим коренным народам Кавказа: вейнахам, черкесам, сванам, грузинам, абхазам»²².

Таким образом проф. В. И. Абаев представляет себе древних двалов племенно-этнически принадлежащими к иберо-кавказским племенам. Свои выводы он строит на данных осетинского языка и данных топо-этнонимии.

По этим данным восстановить строй исчезнувшего языка и его основной лексический фонд, конечно, невозможно. Но при широкой постановке исследовательской работы они могут оказаться достаточными для определения—с каким из живых языков состоит в генетической связи этот исчезнувший бесписьменный языксоздатель данной топо-этнонимии и пр. оставшийся как след в осетинском языке.

Выводы проф. В. И. Абаева, по признанию самого ученого будучи недостаточно аргументированы еще не окончательны и не решают пока вопроса. Однако, они весьма показательны и подлежат учету при дальнейшей исследовательской работе.

Не ясно также в изложении В. И. Абаева, каковы хронологические рамки проникновения ирано-осетин в Двалетию.

Принадлежность двалов к осетинским племенам отрицает в прямой форме и проф. Д. Гвретишвили, что он обосновывает рядом доводов в своей статье²³. Одновременно он высказался за иберокавказскую языковую принадлежность двалов.

Старый двальский язык он склонен причислить к группе черкесских языков, основываясь при этом на показании Вахушти²⁴.

²⁰ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор. I, 1949, стр. 79.

²¹ Там же, стр. 80.

²² Там же, стр. 78.

²³ დ. გვრიტიშვილი, დვალთა ვინაობის და მათა ჩამოსახლების საკითხისათვის, „მომზადებული“, I, 1949.

²⁴ „დვალური ძეგლი ენა, ვახუშტის გაგებით, არ არის მსურთ ენა, იგი (დვალური ენა) ჩერქეზულ ენათა თჯახს ეყუთვნის“. Там же, стр. 114.

Нам представляется, что источник, в данном случае география Вахушти, не дает основания для такого вывода, т. е. для признания стародзальского языка именно черкесским, а общий контекст исторического прошлого Кавказа делает его маловероятным, хотя и не вполне исключенным. Но при недостаточности аргументации, составляющей недостаток работы А. Гвритишвили, ценным является преодоление им старого, неверного взгляда и поиски нового решения вопроса этнической принадлежности двалов.

Таким образом ряд ученых XX в. предполагает наличие генетической связи двалов с окружающими иберо-кавказскими племенами; причем поиски этих связей идут в разных направлениях, не выходя однако за пределы иберо-кавказского мира. Ценность высказанной ими совокупно точки зрения состоит в новизне аспекта, в искании генетических связей двалов в плоскости местных кавказских реально-исторических связей; но их общее слабое место—отсутствие широкой аргументации. Поэтому высказанные ими мнения есть скорее предположения, чем последовательно обоснованные гипотезы. В итоге вопрос—именно с которой из групп иберо-кавказских племен следует связать генетически двалов—остается открытым.

Таково современное положение в вопросе о племенной этнической принадлежности двалов. Совершенно неразработанным является и вопрос об исторических судьбах двалов до XV в., если не считать того, что нам сообщает об этом Вахушти.

Неизученность высокогорной зоны Центрального Кавказа древних и средних веков представляет собой значительный пробел в кавказоведении. Неудовлетворительность такого положения ясна сама собой и выявляется необходимость исследовательской работы в этом направлении.

Поскольку в утверждении существующего взгляда об осетинской этнической принадлежности двалов решающее значение сыграли ссылки на свидетельства географического труда Вахушти, необходимо, прежде всего, ближе ознакомиться со взглядами Вахушти на двалов и установить точно, что же собственно сообщает нам Вахушти о двалах и Двалетии.

Но мы не ограничиваемся этим. Свидетельств одного Вахушти недостаточно для определенных и убедительных суждений о двалах. Поэтому мы ставим своей задачей—учесть все имеющиеся свидетельства о двалах, почерпнуть из них элементы, характеризующие так или иначе двалов, выяснить соотношения двалов с окружающими их другими этническими единицами и, тем самым, выявить этнический характер двалов, уточнить до некоторой степени наши представления о них.

Такой широкий охват вопроса о двалах диктуется интересами общего кавказоведения. Ибо, слившись частью с грузина-

ми, частью с осетинами двалы вошли в состав обоих этих народов и, следовательно, входят в их историю.

Мы отдаем себе отчет в сложности и трудностях выполнения поставленной задачи, обусловленных, во-первых, центральным расположением Двалетии между сванами, вейнахами, осетинами и картами, во-вторых, ограниченностью имеющихся материалов и, в-третьих, трудностью обнаружения новых фактов, могущих способствовать достижению нашей цели. Поэтому мы не предполагаем одной исследовательской работой выполнить намеченную работу целиком, а намечаем для этого ряд самостоятельных исследований: по данным письменных исторических памятников, по языковым данным, по данным матер. культуры.

И лишь в итоге такого комплексного исследования можно будет охарактеризовать двалов более или менее определенно.

2. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ О ДВАЛАХ

Начать свою исследовательскую работу с Вахушти мы сочли необходимым по двум соображениям: 1. Вахушти — венец грузинской средневековой историографии; грузинская средневековая историография в нем нашла свое завершение, суммирование всех данных. Поэтому через Вахушти мы приобщаемся к грузинской средневековой историографической традиции. В ее наиболее обстоятельном и последовательном виде. Это необходимо в первую очередь, ибо грузинская историография — ближайшее письменное свидетельство о двалах и Двалетии. 2. Установление подлинного смысла высказываний Вахушти о двалах и Двалетии покажет насколько правильно опираясь на авторитет Вахушти объявлять двалами южных осетин и Двалетией «Южную Осетию».

Чтобы можно было судить с полным основанием о действительных взглядах Вахушти Багратиони по интересующему нас вопросу и о подлинном смысле его свидетельств попытаемся обстоятельнее проверить, что же написано в действительности в «Описании царства Грузинского» или в так называемой географии Вахушти.

При этом мы воздерживаемся от оценки свидетельств Вахушти с точки зрения их соответствия исторической действительности.

Нас интересует пока только содержание свидетельств Вахушти, только вопрос, что сказал Вахушти о средневековых двалах. Поэтому мы будем анализировать само содержание свидетельств независимо от степени его верности.

Касаясь древнейшего доисторического периода, периода первоначального заселения Кавказа, Вахушти пишет:

«Кавкасос занял страну от границ Лекана до Понтийского моря, север горы Кавказа со степью и от этого назвали гору Кавкас, а степь, или, конечный отрывок Кавкасоса, якобы его, до выхода хазар; а царь хазаров отдал сыну своему Урбаносу страну Кавкасоса и пленников Картло-Армении: этот перебил потомков Кавкасоса и поселился здесь сам (со своими) и теми пленными и назвал страну Овсети». Кавкасцы и Дзурдзуки, самый знатный из потомков Кавкасоса, бежали и укрылись в Кавказских горах и «назвали край к востоку от Арагви (т. е. Терек. — В. Г.) до границ Лекети (т. е. Дагестана. — В. Г.) Дзурдзукетий, а на запад от Арагви, которая есть Ломекн, а выше Терек, которая течет из Хеви, внутренним Кавказом, Двалетий»¹.

«Когда пришел Кавкасос в свой удел и поселился в этой стране, и завладел он и сыновья его и сыновья сыновей его. Размножились они и были в подчинении у старшины Мцхетского, а иногда отступниками и врагами как мы описывали, до выхода царя хазар; а когда вышел царь хазаров, отдал он страну эту сыну своему Урбаносу (который назвал ее Овсетий) и пленных Рана и Армении; тогда пришел Урбанос с пленными теми и поселился сам и поселил тех пленных здесь, на этой степи, а Дзурдзук, сын Тинениса, который был самым знатным среди сыновей Кавкасоса, вошел этот Дзурдзук во внутрь Кавказа и нашел место весьма крепкое и построил город и назвал своим именем Дзурдзуки, и давал дань хазарам; и называли после этого Дзурдзукеи восточные ущелья от Хеви, а западные от Хеви Кав-

¹ «კავკასოსი დაიპყრა ქვეყანა ლეკანის საზღვრიდან ვიდრე პონტოს ზღვამდე კავკასოს მთის ჩრდილოთი ველითურთ და ამისაგან ეწოდა მთასა კავკასი და ველსა ოსი, ბოლოს მონაწევრტი კავკასოსი, ვითმ მისი, გამოსეკლამდე ზახართა; არამედ ზახართა მეფემან მისტა ქვეყანა კავკასოსი ძესა. თვისსა ურბანოსს და ტყვენი ქართლ-სომხეთისანი; ამან მოსწევრტა ნათესავი კავკასოსი და დაეშენა აქ თვისით და ტყვეთა მით და ეწოდა ოვსეთი... გახიზნული კავკასნი და ძურძუკოს შეეხიზნენ კავკასიის მთებს და ეწოდა არაგვს აღმოსავლეთის კროსს, ლეკეთის საზღვრამდე ძურძუკეთი, ხოლო არაგვს დასავლეთით რომელ არს მდინარე ლომეტი, და აწ თურგი, რომელი დის ქვეიდან, კავკასთა შინათა დედალეთი».

ვახუშტი ი., ლეოპოლდ. აღწერა საქართველოსა. იзд. Броссе. 1842, стр. 424—426.

казом или Двалети, в которых поселились сыновья и потомки Кавкасоса»².

В приведенных выдержках Вахушти касается вопроса этногенеза двалов и осетин.

Вахушти разделяет общую концепцию Л. Мровели о происхождении кавказских племен и народов и первоначальном заселении Кавказа и целиком следует за ним. Но в отношении двалов и Двалетии Вахушти рассказывает больше, подробнее и конкретнее, чем Л. Мровели. Он повторяет за Мровели имя одного из отпрысков Яфета, имя этнарха Кавкасоса, который признается пришельцем с юга и первоначальником на территории, прилегающей с севера к центральной части Главного Кавказского хребта, в первую очередь на территории бассейна рек Терек-Ардон и является эпонимом населения среднего Кавказа. Ущелья к западу от Терека названы Кавказом или Двалетией, в них поселены потомки Кавкасоса и там же нашли себе убежище те из потомков Кавкасоса, которых вытеснили с низменных мест «хазары».

Следовательно, по Вахушти, древнейшее население Двалетии происходит от Яфетида Кавкасоса, является племенем южного происхождения, и генетически ближайшим им племенем являются Дурдзуки. Но наличие специального топо- и этнонима Двалети—двали, не позволяет их просто отождествить с дурдзуками и указывает на то, что двалами представляли своеобразную этническую общность, несмотря на генетическую связь с дурдзуками.

Обращает на себя внимание факт, что Вахушти Багратиони в главу «Описание теперешней Осетии или внутреннего Кавказа» включил и параграфы описания Кистии, Дзурдзуков и Галгаевцев. Переход к описанию занимаемых ими ущелий он предвзряет фразой «а теперь начинаем (описывать.—В. Г.) кав-

² „ოდეს მოვიდა კავკასოს წილხდომილსა თვისსა და დაეშენა ამათ ქვეყანათა, და დაიპყრა მან და ძეთა მისთა და ძის ძეთა მისთა. ჯანმრავლდნენ ესენი და იუუნენ შორილუბასა შინა მცხეთელ მამასახლისოსა და ოდესმე ჯანდგომილნი და მტერნი ვითარცა აღესწერენით, გამოსულამდე ხაზართა მეფისა; ხოლო ოდეს ჯამოვიდა ხაზართა მეფე, მისცა ქვეყანა ესე ურბანოსს. ძესთა თვისსა (რომელმან უწოდა ოცეთი) და ტყვენი რანისანი და სომხითისანი; მაშინ მოვიდა ურბანოს ტყვეთა მით და დაეშენა თვით და ტყვენი იგინი დაამენა, აქა, ველსა ამს; არამედ ძორძეკოს, ძემან ტინენისამან, რომელი უწარჩინებულეს იყო ყოველთა ძეთა შორის კავკასოსათა, შემოვიდა ესე ძორძეკოს კავკასიასა შინა და მხოვა ადგილი ჭრიად მაგარი და აღაშენა ქალაქი და უწოდა საბელი თვისი ძორძეკი და ხარკსა მისცემდა ხაზართა და ეწოდა შემდგომად მისსა ძორძეკეთი ხელის აღმოსავლეთთა ქეობათა; ხოლო ქვეის დასავლეთისათა კავკასნი ანუ დვალეთი, რომელთა შინა დაეშენნეს კავკასის ძეთაგანი და ნათესავთაგანი“. Там же, стр. 458—460.

насцев восточной стороны хеви (ущелье р. Терека—В. Г.), так как закончили западную часть»³.

Этим Вахушти Багратиони еще раз подчеркнул генетическую взаимосвязь и общность древнейшего населения и территории примыкающих непосредственно к ущелью Терека с Запада и Востока.

Этим Вахушти Багратиони признает генетическую связь между населением западных и населением восточных, от Терека, ущелий не только в далеком прошлом, но и в настоящем (XVII—XVIII вв.).

Вахушти пытается раскрыть этимологию слова «Двалети»⁴ с помощью русского языка так: Двалети от два-лети, т. е. два года. Это имя возникло якобы в связи с тем, что «хазары» взымали дань с них только на второй год, взывая годовую дань с Двалов и Дзурдзуков поочередно: один год с жителей к востоку от Терека, другой год с жителей к западу от Терека. Этимология, конечно, ошибочная; но это толкование Вахушти иллюстрирует его представление об этнической принадлежности древнейшего населения Двалетии, как потомков Кавкасоса и данников «хазар» — осетин.

В приведенных выдержках повествуется одновременно и о происхождении осетин. Их этногенез изображен у Вахушти также согласно концепции Л. Мровеля. А именно: Царь «хазарский» после победоносных походов на юг отдал «хазарскому» царевичу — своему сыну Уобосу — гегр. Урбаносу пленных грузин и армян и равнинную территорию Северного Кавказа, занимаемую дотоле потомками Кавкасоса. Уобос-Урбанос поселился на этой территории с пленными грузинами и армянами и от этого смешения разных этнических элементов произошла осетина.

Под социально-политическим господством и давлением «хазар» собственно произошло смешение пленных Закавказья с аборигенами — с потомками Кавкасоса (также покоренных «хазарами»), и в результате такого процесса возникла новая этническая общность — осетина.

Следовательно, по представлению Вахушти древнейшее население Двалетии более раннего и целиком южного происхождения, а осетина более позднего происхождения и результат смешения — скрещения господствующих «хазаров» (северный элемент) с пленными закавказцами и потомками Кавкасоса (южный элемент).

³ „ხოლო აწ ვიწყებთ ჴევის აღმოსავლეთის კერძოთ კავკასიელთა, ვინაიფიან შვეასრულეთ დასავლეთის წილი“. ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსა თბ. 1941., стр. 117.

⁴ Там же, стр. 106.

2. В. Н. Гамрекли

Следовательно, между двалами и осетинами нет прямого генетического родства, эти два народа не связаны между собой общностью происхождения. Процессы генезиса этих двух раз-^{სადავო}личных народностей различны. Можно говорить лишь о наличии двальского этнического элемента в осетинском этносе, о двальском субстрате осетинского.

Но не только первоначальное население Двалетии было генетически связано с дурдзуками, но и позднейшее население являлось таковым. В этом смысле Грузинская средневековая историография содержит еще одно, заслуживающее внимания, сообщение, прямо относящееся к вопросу об этнической принадлежности двалов. Мы имеем в виду сохранившиеся у А. Мровели предание о том, что второй царь Грузии Саурмаг переселил половину дурдзуков — кавказианин из Дурдзукети в Грузию и поселил их между Дидоети и Сванети⁵.

Это есть именно территория Центрального Кавказа, она включает в себя Двалетию, Магран-Двалетию и территорию, занимаемую тушами и шшав-хевсурами, т. е. пховцами по древнегрузинской номенклатуре.

В этом предании важным для нас моментом является признание населения высокогорной зоны Центрального Кавказа этнически принадлежащим к дурдзукам, т. е. к вейнахскому племени.

Двалы названы в высокогорной зоне Центрального Кавказа античными писателями еще в I веке н. э. В VII веке армянская анонимная география тоже называет двалов в Центральном Кавказе. Двалов же называет грузинский историк эпохи Тамары (начало XIII века). Следовательно в X—XI вв., в эпоху современную А. Мровели, двалы же населяли высокогорную зону Центрального Кавказа.

Русская епархия, пастырем которой состоял А. Мровели, соседит с Никозской и Самтависской епархиями, которые непосредственно включали в себя далекие, глубинные ущелья Большого Кавказа, в том числе и Двалетию и Магран-Двалетию. Поэтому А. Мровели легко мог быть осведомлен о двалах и Двалети. Если при этом А. Мровели пишет о заселении в древние века дурдзуками гор и ущелий между Дидоети и Сванети, то видимо современные ему данные о двалах не противоречили этому древнему преданию. Поэтому мы считаем вполне основательным вывод, что А. Мровели считал двалов этнически принадлежащими к дурдзукам, т. е. к вейнахским племенам.

⁵ „ამან საურმაგ წარმოიყენა იგინი (დურძუკნი.—ვ. ჯ.) ყოველთა კავკასიის წითესაგება ნახევარნი, და რომელნიმე მათგანნი წარჩინებულ ყუნა, და სტანი მითვალეს დიდოეთითგან ვიდრე ვგრისადმდე, რომელ არს სვანეთი“. ქართლის ცხოვრება, თბ., 1942, სტრ. 19.

Вахუშტი в связи с толкованием этимологии названия местности «Сванети» тоже приводит сообщение о переселении Саурмагом дурдзуков до Сванетии⁶. В данном случае Вахушტი очевидно зависит от Л. Мровели и он поэтому не имеет ценности как источник исторического свидетельства. Зато это сообщение служит показателем взглядов самого Вахушტი на вопрос об этнической принадлежности древнего населения высокогорной зоны Центрального Кавказа в пределах Грузии и в этом ценность факта наличия этого сообщения в труде Вахушტი.

Таким образом данное сообщение Вахушტი тоже дает нам прямое основание утверждать, что Вахушტი население последних веков до н. э. (время царя Саурмага и после) высокогорной зоны Центрального Кавказа в пределах Грузии, следовательно и двалов, этногенетически связывал с дурдзуками, т. е. с вейнахскими племенами.

Таково свидетельство Вахушტი и всей средневековой грузинской историографии о происхождении и этническо-племенной принадлежности древнейшего населения Двалетии, т. е. собственно двалов.

Мы сказали таково свидетельство всей средневековой грузинской историографии, т. к. зависимость Вахушტი от Леонти Мровели несомненно, а Леонти Мровели сообщенные им факты древнейшего периода истории Грузии в свою очередь не сочинял, а черпал из более ранних (VII—VIII вв.) источников, заслуживающих доверия (таково мнение К. Кекелидзе, П. Ингорква, Г. Меликишвили и др.).

Таким образом высказанный взгляд об этнической принадлежности населения последних веков до н. э. высокогорной зоны Центрального Кавказа в пределах Грузии имеет давность по меньшей мере десяти столетий. При этом Леонти Мровели и его источник выразители этого взгляда, были современниками средневековых двалов, а Вахушტი, повторивший сообщение Мровели через семь столетий, тоже знал не только грузинскую историографию, но и непосредственно был хорошо знаком с Центральным Кавказом. Если при таких условиях этот взгляд Грузинской историографии сохранил столь длительно стабильность, то это конечно показатель того, что реальная действительность Центрального Кавказа средних веков не противоречила, не опровергала его своими фактами.

ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕРРИТОРИИ ДВАЛЕТИИ

Вахушტი не ограничивается повторением предания о заселении потомками Кавкасоса вообще ущелий западнее Терска. В

⁶ „ოფსი ვერტარა იტაღუა მტრძეკეთი კაცთა, ბ. მეფემან საურმაგ აპყარა მუნდამ და მისცა აქა. (სვანეთში—გ. ზ.) სვანე და დასხნა სულნი დიდძალნი“ ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსა, 1941, სტრ. 173.

своим географическом труде он дает значительно более конкретное описание территории, именуемой Двалетией. Точность и конкретность, порой поражающая подробность описания, убеждает, что географические данные почерпнуты из собственных наблюдений или из хорошо осведомленных источников (устных и письменных).

Из вышеприведенных выписок видно, что после первого появления хазар-овсов потомки Кавкасова потеряли степную полосу Сев. Кавказа и ушли в горы. Они заняли западную от Терека сторону, которую Вахушти назвал Двалети, не уточняя ее границ. Сторону же к востоку от Терека назвал Дзурдзукеи. Позже «остались Фарнаозу Дзурдзуки и Двалети, а другие те ущелья остались осетинским царям, и названы были те ущелья Осетией, заселением и подчинением их ими же», т. е. другие ущелья вследствие заселения и подчинения их осетинами, названы были Осетией.

Здесь же дается конкретный перечень ущелий, на которые делились эти территории. Двалети состояла из: Кассарского ущелья, Зрамага, Жгеле, Нар, Зрого, Зана, а ущелья занятые овскими царями были: Чими, Тагаури, Куртаули, Валагири, Дигори и Баснани⁸. В древнее время к Двалети принадлежали по Вахушти, еще ущелья Трусо и Хеви⁹. Наконец, к Двалетии Вахушти относит и истоки Б. Лнахви — Магран-Двалетию¹⁰. Далее он очерчивает внешние границы современной ему Двалетии. Двалетию граничит с востока: гора между Трусо и Хеви и гора между Кассарским ущельем и Валагири; с юга: Кавкас Магран-Двальский, Захский, Брут-Сабдзели, Зекарский и Кедельский; с севера гора Хохского Кавказа и Черкесские горы; с запада: гора Кавкас, идущая от Кедели и между Кедели и Рача-Глола, затем между ним и Дигори до Черкесских гор¹¹. Эта Двалетия включает следовательно, ущелье Трусо и Нарскую котловину с Кассарским ущельем; а Хеви и ущелья от Чими до Валагири здесь не разумеются.

Вдумываясь во все эти свидетельства географии Вахушти становится ясно, что по его представлению в древние века Двалетией обозначалась более значительная территория, чем в эпо-

⁸ „დარჩა ფარნაოზს ძურძუკი და დვალეთი, და სხვანი ჯეგნი იგინი დასთენ მეფეთა ოვსთასა; და იწოდნენ ჯეგნი იგინი ოვსეთად, შუმოსახლებითა და დამონებითა მათითა მათგანე“. ვახუშტი, იმტ. соч. 1941, стр. 107.

⁹ См. там же, стр. 107.

¹⁰ „არამედ ჯეგი. არს დვალეთისავე... არმედ თრუსო კვალად არს დვალეთისავე.“ там же, стр. 107.

¹¹ „არამედ ჯეობანი ესენი, რომელნი აღესწერეთ მალრანდვალეთითურთ, არიან დვალეთი“. там же, стр. 115.

¹² Там же, стр. 115—116.

Деление. С карты Пакуши (XVIII в.) (микроворстка)

x^т позднего средневековья. Двалетия, помимо Нарской котловины включала первоначально еще ущелья Трусо и Хеви и территорию севернее Нарской котловины.

Распространялся ли топоним Двалети и на ущелья Чими-Балагири, по представлению Вахушти?

Определенно ответить затруднительно. Можно сказать только, что по Вахушти эти ущелья были заселены первоначально двалами или племенем близко родственным двалам. И еще: Вахушти в одном месте выразился так: «Кассарское ущелье... и теперь еще именуется Двалетией»¹². На это место обратил внимание еще акад. Г. Ахвледиани¹³ и данное им толкование представляется нам правильным. Выражением «и теперь еще» видимо Вахушти противопоставляет Кассарское ущелье перед тем описанным Чими-Куртат-Балагирскому ущельям. Если это действительно так, тогда выходит, что эти ущелья первоначально принадлежали тоже к Двалетии, но после перестали именоваться Двалетией.

Некоторое основание разуместь наличие Двалетии и ниже, т. е. севернее Кассарского ущелья, дает также выражение Вахушти «выше Кассаро-ущельная Двалетия»¹⁴. Раз, применительно к древней эпохе (царя Фарнаоза) топоним Двалети снабжен определением «выше Кассаро-ущельная», следовательно, для того времени можно предполагать наличие и «ниже Кассаро-ущельной Двалетии», т. е. распространенность Двалетии севернее Кассарской теснины; каковая Двалетия и «осталась царям овским». Но одних таких умозаключений все-таки недостаточно. Текст Вахушти допускает в данном случае двойственное толкование и постольку категорически не исключает ни утвердительный ни отрицательный ответы на поставленный вопрос.

Для средневековья Вахушти различает собственно Двалетию и Двалетию в широком смысле. Собственно Двалетия это Нарская котловина с Кассарским ущельем; в широком смысле Двалетия включала в себя помимо собственно Двалетии, еще Магран-Двалетию и Трусо.

На географической карте, составленной самим Вахушти, наименованием Двалети помечена Нарская Котловина с Кассарским ущельем.

Следовательно, основная часть Двалетии находится севернее Гл. хребта Б. Кавказа, а значительно меньшая часть, только Магран-Двалетия (истоки р. Б. Алахви), переходила на его южные склоны. Первоначально, в древние века, Двалетия граничи-

¹² „ქასრისებობა—იწოდების აწეა დვალეთად“ там же, стр. 119.

¹³ გ. ახვლედიანი, ისტორიული ცნობა დვალეთისა და დვალების შესახებ. ვნიშეთი მოამბე ტ. X, 1941.

¹⁴ „დვალეთი ქასრის-კარს ზეითი“, там же, изд. 1941, стр. 107.

ла на севере с Осетией, на востоке — с Дзурдзукетией (вейнахскими племенами), на юге и на западе — с Картли и Сванетией (грузинскими племенами).

Вот географические границы Двалетии и территории Двалетии как они представлены у Вахушти.

ОБ ЭТНОНИМЕ «КАВКАСИАНИ»

Прежде чем перейти к вопросу об исторических судьбах двалов необходимо разъяснить один вопрос.

В грузинских исторических памятниках, — «Обращение Картли», история Л. Мровели, сочинение Джуаншера, Хронограф (ქრონოლოგია), сочинения Вахушти и др., неоднократно употреблен этноним «Кавкасиани» — კავკასიანი, т. е. «Кавкасы», с неизменным приурочиванием его к центральной части гл. хребта Кавказа. Какие же племена, какая этническая общность или масса разумелась грузинской средневековой историографией под этим этнонимом?

По господствующей средневековой грузинской этногенетической концепции (Л. Мровели) известны восемь этнархов кавказских народов; каждый из них определенно локализован, так что территория Кавказа оказывается полностью размежеванной; нет вакуума, так же, как нет нарушения пределов одного границами другого. При этом размежевание не произвольное, а соответствует этническим границам. Таким образом имена этнархов служат эпонимами.

Это означает, что как за спиной этнархов Картлоса, Эгреса, Бардоса, Лекоса и др. стоят реально исторически существовавшие племена, так же точно и за спиной этнарха Кавкасоса следует разуметь какие-то реально-исторически существовавшие племена.

Имя этнарха Кавкасоса служит эпонимом аборигенного населения центральной части Большого Кавказа. Наименование это, как и имена некоторых других этнархов (Бардос, Мовакан, Эгрос) производное от географического названия, от топонима; в данном случае — от топонима Кавказ, которым обозначалась центральная часть Большого Кавказа: между Эльбрусом и Казбеком, или шире, между Эльбрусом и р. Аргун.

Следовательно, этноним «кавказиани» содержит понятие локальности и потому прежде всего говорит о географическом распространении разумеемых племен.

Но в силу господствующей в средневековой грузинской историографии этногенетической концепции, этноним «кавказиани» будучи увязанным с этнархом Кавкасос приобретает и некоторое этнологическое содержание. Согласно этой этногенетиче-

своей концепции «кавказиани» как потомки Кавкасоса, этнически должны были быть родственными другим собственно кавказским народам — группам племен: потомкам Эгроса — эгрисцам, Картлоса — картам, Бардоса — албанцам, Лекоса — дагестанцам и др., но одновременно в их среде образующими особую своеобразную группу племен.

Таким образом, употребляя этноним «кавказиани» грузинская средневековая историография разумела исторически реально существовавшие в древности племена — общины центральной части гл. хребта Кавказа генетически родственные остальному кавказскому этно-культурному миру; и наименованием «Кавказиани» так же, как и наименованиями эгрисцы, карты, леки, обозначала не мифические этносы, а реально-исторически существовавший этнос.

Что употребление этнонима «кавказиани» было выражением, не теоретизирования, а практического опыта, это явствует из того, что этноним «кавказиани» употреблен многократно не только при изложении этногенетической концепции Л. Мровели, но и в описаниях конкретных исторических случаев, с конкретным значением.

Приведем этому примеры:

Оставим мифологический период и коснемся уже периода исторического. По Л. Мровели сын первого царя Картли Фарнаваза Саурмаг для борьбы с внутренними врагами попросил помощи у царя овсов, сына сестры его отца, и «собрал также дурдзукцев» (родню матери)¹⁵. Тут же говорится что «дурдзукцы, суть потомки Кавкаса»¹⁶. Далее, он расселил «половину всех потомков Кавкаса» между Дидоэти и Сванети, т. к. в Дурдзукети им было тесно¹⁷. При третьем царе Мирване «все кавкасцы, которых переселил царь Саурмаг, были верны в подчинении Мирвана, кроме чартальских»¹⁸. Далее о союзе дурдзуков с чартальскими «кавказцами» и борьба с ними Мирвана, его победа и вступление в Дурдзукети.

Несколькими веками позже царь Персии прежде чем послать в Грузию своего сына, будущего царя Мириана (первого крещеного христианина-царя Картли), навел справки о Мухета. Ему сообщили о «крепости города и близости хазар и

¹⁵ „საურმაგ ეზრახა ოვსთა მეფესა... და ფთხოვა შეწევნა... და საურმაგ შეიკრიბა დურძუკეთიკა“.—ქართლის ცხოვრება, თბ, 1955, სტრ. 27.

¹⁶ „დურძუკნი, ნათესაენი კავკასისნი“, там же, სტრ. 27.

¹⁷ „წარმოყვენა ყოველთა კავკასის ნათესაეთა ნაბეგარნი, რადგანაც ვერლარა იტევდა ძურძუკეთი“, там же, სტრ. 27.

¹⁸ „ყოველნი კავკასიანნი იყვნეს სარწმუნოთ მოზიილებასა ზედა მირვანისსარომელნი გარდამოვლინებულ იყვნეს საურმაგ მეფისაგან, თვინიერ ქართალთასა“, там же, სტრ. 28.

овсов»¹⁹; и он из всех городов Закавказья избрал для резиденции своего сына именно Мухета. Одно из соображений диктующих дать предпочтение Мухета была «близость северных врагов (т. е. хазар и овсов.—В. Г.), чтобы отсюда (удобнее) с ними бороться и держать в подчинении всех кавкасцев»²⁰. Таким образом здесь размежеваны «северные враги», т. е. «хазары и овсы», с которыми предполагается воевать, от «всех кавкасцев», которых предполагается иметь подвластными.

Так мы убеждаемся, что А. Мровели при описании конкретных исторических фактов выделяет особую этническую группу «кавказцы» (კავკასიანები), отличную от грузин, осетин, хазар и др., но, одновременно, родственную дурдзукам и населяющую высокогорную зону центрального Кавказа.

Этот взгляд выраженный вполне ясно, недвусмысленно и последовательно у А. Мровели нам представляется выражением более древних (чем XI в.) мнений и сведений и отголоском далекого (для XI в.) прошлого.

С подобным фактом встречаемся мы и у Джуаншера. Описывая поход царя Вахтанга Горгасала (2 пол. V в.) против «овсов». Джуаншер несколько раз называет «царей (старшин) кавкасцев»²¹ с их войском. Эти «кавказцы» выступают вассалами и союзниками царя Вахтанга Горгасала в войне против «овсов», позже и против персов. Из контекста ясно, что эти «кавказцы» не были ни «овсы» ни «леки».

Хроника «Обращение Картли», в своем повествовании попутно касается и событий VI в.: ликвидации царского института в Картли, господства персов, занятия персами горных кавказских проходов для пресечения набегов с Сев. Кавказа и т. д.

Тех именно событий, которые подробнее и в ином контексте описаны у Прокопия Кесарийского; из повествования Прокопия Кесарийского мы знаем, ясно, что вопрос шел об охране кавказских проходов от нашествий алан и гуннов. «Обращение Картли» пишет «как кончилось царствование в Картли услалились персы и покорили Эрети и Сомхети. Но Картли сильнее покорили и вступили к кавкасцам и взяли овские врата (т. е. врата ведущие в Овсетию.—В. Г.), одни большие ворота в Овсетию же и двое в Двалетии и один в Парчуане Дордзокетском и тех горцев

¹⁹ „უფროეს სივრცე და სიმაგრე მისი (მცხეთისა,—ვ. გ.) და მახლობელობა ხაზართა და თესთა“; там же, стр. 63.

²⁰ სპარსთა მეფემ მცხეთა „ყოველისა უფროსსად და უმაგროსად გამოარჩია და მახლობელად ჩრდილოთა მტერთა, რათა პბრძოდის მათ მუნით და იპყრობდეს ყოველთა კავკასიანთა“, там же, стр. 64.

²¹ „წარვიდა ვახტანგ და ნიადუა თიანეთს, მუნ მიერთნეს ყოველნი მეფენი ქავკასიანნი ორმოცდაათი ათასი მხედარი... განვლო კარი დარიალანისა, შესლევასა მისსა თესეთად...“, там же, стр. 151, см. так же стр. 153, 179.

поставили сторожевыми»²². Ясно, что выражение «тех горцев» разумеет «кавказцев» и что «кавказцы» не аланы-овсы или гунны, от которых именно приходилось обороняться и против которых ставили сторожевых. Итак мы видим, что применительно к эпохе с древних веков до начала средневековья этноним «кавказцы» применялся часто различными летописцами. С наступлением позднего средневековья этот этноним встречается редко, а после и совсем исчезает.

Историк первой четверти XIII в., описывая восстание царевича Деметра и Орбелани против царя Георгия, пишет: «пришли эретский эристав и все эретцы со всеми (со многими) леками и кавкасцами»²³.

Под «кавказцами» нельзя разуметь грузин-горцев или осетин, так как в этом же памятнике осетины названы своим именем многократно, а для грузин-горцев имелись другие этнонимы (мтиули, мохеве, пхови, мтеули). Естественно в них видеть ближайших западных соседей Дагестана, т. е. чечено-ингушские племена, соседящих с севера с Кахет-Эрети.

Упоминание «кавказцев» имеется у Хронографа (XV в.). Он пишет про Георгия Блистательного «после опять рассмотрел царь дела мтиулов и кавкасцев, ибо много беспорядков творилось... и подчинил पुще прежнего находящихся в Кавкасе (т. е. в высокогорной зоне)»²⁴.

В данном случае интересно выражение «კავკასის შინა მყოფნი», «находящиеся в Кавкасе». Точно такое выражение употребляет Вахушти несколько раз в отношении двалов и Двалетин. Одновременно из «Памятника Эриставов» мы знаем достоверно, что в XIV в. в верховьях Б. Алахви находятся двалы, которые занимались частыми разбоями. Поэтому мы имеем достаточно оснований признать, что в сообщении «Хронографа» под «находящимися в Кавкасе» и под названными рядом с мтиулами-горцами кавкасцами разумелись именно двалы.

К эпохе грани XIV—XV вв. относятся сообщения в I части «Истории Грузии» Вахушти, где говорится, что «царь Георгий

²² „ერთა მეფობაი დაქარულა... ქართლს შინა სპარსნი განძლიერდეს და ერეთი და სომხითი დაიპყრეს. შოლღ ქართლი უმეტესად დაიპყრეს და კავკასიანთა შევიდეს და კარნი ოვსეთისნი აიგნეს და ერთი დიდი კარი ოვსეთივე და ორნი დვალეთსა, და ერთი პარტლანს დოზოქეთისასა, და იგი მთიოლნი გომარდად დაადგინეს.“ — см. В изд. Е. Такайшвили, Описание рукописей „Общ. распр. грам.“ II т. III в. стр. 723, 1908.

²³ „მოვიდეს ჰერეთის ერისთავი და ყოველნი ჰერნი სრულითა ლეკითა და კავკასითა“ — „ისტორიანი და ასმანი შარაგანედეთანი“, გ. კეკელიძის გამოცემა 1941, სტრ. 68.

²⁴ „მერე კვალად განიზილა მეფემან მთიულთა და კავკასთა საქმენი, რამეთუ მრავალნი უჯურონი იქნებოდნენ... და დაიმორჩილა ყოველნი უმეტეს პირველისა კავკასის შინა მყოფნი“, „ქართლის ცხოვრება“, 1897, სტრ. 658.

(VII)... вывел через Дарьял много овсов и кавкасцев... царь Георгий... опять вывел овсов, кавкасцев и дзурдзуков»²⁵.

К Дарьялу помимо овсов по местонахождению наиболее близкими являлись чечено-ингушские племена и двалы. Поэтому вполне естественно, предположить, что в цитированных случаях у Вахушги разумелись двалы и чечено-ингушские племена.

Употребление Вахуштием этнонима «кавказцы» в таком смысле соответствует и его этногенетической концепции и смыслу, в котором он обычно пользуется этнонимической номенклатурой.

К этой же эпохе относится сообщение Эгнаташвили в «Новой Картлис Цховреба», что к войскам Тамерлана в Шахе (Азербайджане) «присоединились все жители тех мест, великие и малые, кавкасиани и леки, ширванцы и гилан-мазаидеранцы»²⁶.

В данном случае наиболее вероятно, предполагать в «кавказианах» чечено-ингушские племена.

Наконец, автор второго «Продолжения Картлис-Цховреба» пишет: «в царствование царя царей Баграта было большое отхождение грузин... он (Баграт.—В. Г.) имел Картли, Сомхети... и имел имеретин, одишцев (т. е. мегрел.—В. Г.), гурийцев, абхазов, сванов, джиков и мтиулов, кавкасцев»²⁷.

Это же самое место встречается в «Новой Картлис-Цховреба» Бери Эгнаташвили, причем оно им почерпнуто из раннего источника, как это он сам указывает²⁸. Это сообщение относится к середине XV в.

В данном случае трудно определить, какое конкретное содержание вложено в этноним «кавказцы».

Но одно представляется несомненным: факт употребления термина «кавказцы» в таком контексте, при перечне этнических единиц, указывает на то, что в грузинской этнонимической номенклатуре, периода предшествующего позднему средневековью, этнонимом «кавказиани» обозначалась некая особая этническая масса, населявшая Центральный Кавказ.

²⁵ „გიორგი მეფემან... გამოიყვანა დარიალიდამ ოვსნი დიდძალნი და კავკასნი... გიორგი მეფემან... გამოიყვანა კვალად ოვსნი, კავკასნი და ძურდუკნი“, ვახუშტი, საქართ ისტორია გამოც. დ. ბაქრაძის მიერ, 1885, სტრ. 291.

²⁶ „მეგრეთნეს ყოველნივე მკვიდრნი მის ადგილისანი, დიდებულნი და მცირენი კავკასიანი და ლეკნი, შირვანელნი და გილან-მაზანდარელნი“.

ბერი ეგნატაშვილი, ახალი კართლის ცხოვრება, სტრ 11, 1940.

²⁷ „იყო მეფობასა შინა მეფეთ მეფისა ბაგრატისა დიდი მოსვენება ქართველთა... ამას (ბაგრატსა.—ვ. გ.) ჰქონდა ქართლი, სომხეთი... და ჰყვე იმერელნი, ოდიშარნი, გურგელნი, აფხაზნი, სვანნი, ჯიქნი და მთიულნი, კავკასნი“ (ვარ.—კავკასიანნი): ქართ. ცხოვრ. მ რიამ დედოფლისეული, 1906, სტრ 892.

²⁸ ვახუშტი ბერი, ახალი კართლის ცხოვრება, 1940, სტრ. 35.

Применительно к событиям XVI — XVIII вв. упоминание «Кавкас(иан)ни» уже не встречается.

Во всех приведенных случаях этноним «кавказ(иан)ни» употреблен рядом с этнонимами «овси», «аски», «мтиули». Это ясно указывает, что в высокогорной зоне Бол. Кавказа еще в эпоху раннего средневековья была этническая группа не отождествимая ни с осетинами или дагестанцами, ни с грузинскими «мтиулами», что в центральном Кавказе до середины средних веков реально существовали какие-то своеобразные племена — общины, объединяемые общим этнонимом «кавказ(иан)ни». Из исторически известных и реально существующих до настоящего времени племенных групп центрального Кавказа помимо «овсов» и грузин горцев (сванов, мтиулов и др.) известны лишь чечено-ингушские племена. А эти племена и выражающий их этноним «дурдзукни» не фигурируют параллельно с «кавказ(иан)ни», и в известных случаях перечисления племен мы встречаем в одних случаях наименование «дурдзукни» в других случаях наименование кавкас(иан)ни²⁹. Таким образом эти два этнонима кавкас(иан)ни и «дурдзукни» в некоторых случаях заменяют друг друга, а следовательно и покрывают друг друга, но не полностью.

«Дурдзук» — определенно и, при всех его упоминаниях, единообразно локализованный этноним, между Дидоэт-Дагестаном на Востоке и ущельем р. Терека, на западе.

«Кавкас(иан)ни» — не столь определенно и единообразно локализованный этноним; он локализуется иногда в верховьях ущелья Арагви, иногда в ущельи Терека, а иногда и западнее. Поэтому нельзя считать их синонимами. Учитывая всю совокупность свидетельств о «кавказ(иан)нах» и «дурдзуках», правильнее представить их взаимоотношение как целого и части.

При этом «кавказ(иан)ни» является более широким понятием, а «дурдзукни» понятием самой значительной части этого целого «кавказ(иан)ни».

²⁹ Исключение составляет лишь один случай цитированный из «Истории Грузии» — Вахушти (см. выше), где «кавказцы» и «дурдзуки» названы параллельно. Принимая во внимание, что в грузинских источниках встречаются, как исключения, отдельные примеры непоследовательного употребления и некоторых других этнонимов (напр. «мтиули»), мы считаем данный случай резким примером (нам известен лишь этот один пример) непоследовательного употребления терминов «кавказиан-дурдзуки».

В названном случае под «кавказцами», видимо, подразумевались родственные дурдзукам другие вейнахские племена. В том числе, возможно и двалы, а сами «дурдзуки» названы отдельно от «кавказцев», чтобы тем самым подчеркнуть множество и нестроту состава призванных царем горцев.

Это дает нам основание заключить, что под этнонимом «кавказ(нан)ни» разумелась именно группа чечено-ингушских и других, родственных им, племен. К числу этих последних ³ должны были принадлежать горные племена — общины к западу и юго-западу от современного расположения Чечено-Ингушетии, ибо восточные соседи обычно назывались поименно: дидо и леки. Непосредственно к западу от Чечено-Ингушетии находятся Хевы—Трусо—Двалетия. Поэтому следует заключить, что по средневековой грузинской традиции «кавказянами» именовались племена населявшие в древности ущелья центральной части Большого Кавказа западнее Чечено-Ингушетии. В состав этих племен входили совместно с чечено-ингушскими племенами еще двалы и некоторые другие племена; в своей совокупности они являлись своеобразной группой племен аборигенно-кавказского характера и отличной от племен ираноязычных осетин. Таковым представляется нам то реально-историческое содержание этнонима «кавказяни», которое разумела грузинская средневековая историография под данным этнонимом.

Мы склонны принять такое понимание этнонима «кавказяни» и будем его употреблять в дальнейшем именно в этом смысле.

Употребление этнонима «кавказяни» в эпоху развитого феодализма становится редким; одновременно и более узким по своим масштабам. Это легко объяснить фактом ассимиляции, растворения их основной массы соседними этническими единицами грузинами и ираноязычными осетинами еще в течение 1-го тысячелетия н. э.

Наличие все же в позднее средневековье единичных случаев упоминания этого этнонима может быть объяснено частично тем, что часть «кавказяни» в лице двалов (как мы дальше выявляем, хотя и значительно огрузиневшимися) сохранялась по крайней мере до XV века, а в лице чечено-ингушских племен сохранилась до настоящего времени; с другой стороны оно может быть понято как проявление, хотя уже не соответствующей действительности, но еще не полностью преодоленной отмирающей этнонимической традиции.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ДВАЛОВ

На основании всего вышесказанного и цитированного касательно двалов и «кавказцев» исторические судьбы двалов в изложении Валушты (а через него и в изложении господствующей концепции предыдущей средневековой грузинской историографии) представляются в следующем виде:

Первое упоминание Двалетии у Валушты встречается после разгрома Уобос—«хазарами» потомков «кавказоса», когда разбитые потомки «кавказоса» укрылись в ущельях к западу от Те-

река и эта территория назвалась Двалетией. Это первый значительный поворот в истории потомков Кавкасоса. Вторая важная веха в истории потомков Кавкасоса — двалов приходится примерно на III в. до н. э. Вахушти по этому поводу пишет: «а после воцарения Фарнаоза (первый царь Картли.—В. Г.) остались за Фарнаозом Дурдзуки и Двалети; а другие те ущелья остались за царями овскими»³⁰.

Итак, Двалетия, как Трусо-Хеви, так и Нарская котловина, до Кассарской теснины, оказалась в составе грузинского государства со времени его возникновения.

После этого история собственно Двалетии входит в общую историю Грузии и она рассматривается как одна из провинций Грузии. Так, например, царь Саурмаг расселил на территории Двалетии, в широком смысле, многих дурдзуков.

Третий царь Картли Мирван в Дарьяльском ущельи повесил врата и укрепил это ущелье против хазар и овсов, чтобы оградиться от нашествий³¹. В Кассарской теснине цари Грузии также возвели укрепления для ограждения своего государства от нападений овсов³².

Двалы подразумеваются участникам в ряде исторических событий Грузии в собирательном этнониме «Кавкасиანი» — ქავკასიანნი, а иногда они названы и собственным именем — «двалы». Такое положение длится до середины XIII в.

Третья важная веха в истории Двалетии наступила в XIII — XIV вв.

Вахушти пишет так: «а в приход татар от Чингизовых ханов и больше всего от Батыя и Орхана уничтожена и разорена была» Осетия, «и бежали овсы сюда во внутрь Кавказа»; «и вновь после прихода Тамерлана и взятия Константинополя одолели осетии с одной стороны Татар-хан, а с другой—Тамерлановы кочевники (элы) магометане и бежали (осетины.—В. Г.) во внутрь Кавказа и покорили племена кавказцев, которые суть двалы»³³.

Из цитированного явствует, что Осетия потерпела от монголов два сокрушительных удара: 1) в 40—50-ых годах XIII ст.

³⁰ „ხოლო შემდგომად ფარნაოზის გამეფებისა, დარჩა ფარნაოზს ძურძუკი და დვალეთი, ხოლო სტუანი ჯეგნი იგინი დარჩნენ მეფეთა ოვსთასა“. ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა, საქართველოსა, 1941, სტრ. 107.

³¹ Там же, სტრ. 67.

³² Там же, სტრ. 114.

³³ „ხოლო მოსვლასა თათართა ჩინგიზ ჯეგნთაგან და ჯმეტეს ბათოსა და ორზანი საგან მოიხრა და მოაჭრდა“ ოსეთი და შემოივლტოდნენ ოვსნი ამ კავკასიათა შინა“, „და კვალად შემდგომად მოსვლისა ლანგთემურისა და აღებისა კონსტანტინოპოლისა ემძლავრნენ ოვსთა იქით თათარზანი და აქეთ ლანგთემურის ელნი მოჰმადიანნი და შემოივლტოდნენ კავკასიასა შინა, და დაიპყრეს კავკასთა ნათესავნი, რომელნი არიან დვალნი“. ვახუშტი, ციტ. სოჩ. 1842; სტრ. 460.

(«Чингизовы ханы и—Батый») и 2) в конце XIV в. и 1-м пол. XV в. (после прихода Тамерлана и взятия Константинополя). Соответственно были две волны миграции осетин вглубь ущелий Б. Кавказа, двукратное внедрение осетин в Двалетию и в конечном итоге покорение двалов осетинами.

Начавшийся с установлением монгольского ига процесс политической дезорганизации Грузии прогрессировал, несмотря на отдельные, порой удачные попытки (Георгий V, Александр I) реставрации и стабилизации политического могущества и престижа государственной власти Грузии. В силу этого грузинское государство не смогло оказать сопротивление напору осетин. Двалетия в значительной мере была предоставлена самой себе так же, как и ряд других провинций Грузии. Тем самым облегчалась частью осетинизация двалов, а частью их вытеснение из родных ущелий. Тогда должен был начаться и переход двалов с северных склонов хребта на южные и спускание с южных склонов в низины Картли и Имерети.

Наконец, уже в эпоху непосредственно предшествовавшую Вахушти Багратиони, в эпоху XV—XVII вв. вероятно под давлением монголов, феодальной Кабарды, неурожая и голода в конце XVI столетия и естественного роста населения, осетины постепенно распространились и по южным склонам центрального Кавказа. Что осетины заселив Двалетию заняли по отношению к двалам господствующее положение, это совершенно определено и вытекает из описания Вахушти современного ему населения Двалетии.

Помимо уже сказанного и цитированного, Вахушти это описание сопровождает замечанием «они знают роды и более знатные родом являются осетинами... а двалы являются родом низшими»³¹. Еще в бытность Вахушти в Грузии, в I-ой четверти XVIII столетия, ощущалась разница между двалами и осетинами. Она выражалась в некоторой разности культуры — религии и социального положения³², хотя из описания Вахушти видно, что I-ая четверть XVIII в. это момент, когда уже была завершена окончательная ассимиляция двалов осетинами и было уже общность ряда важнейших черт.

Таким образом на протяжении всей истории племени двалов, на протяжении всего его существования Вахушти различает двалов и осетин, порой даже противопоставляет их друг другу, и лишь применительно к эпохе непосредственно ему предшествующей Вахушти свидетельствует о слиянии части двалов с осетинами в результате занятия территории Двалетии осетинами.

³¹ «უწყვიან გვარსი და უწარჩინებულესნი გვარითა არიან თესნი... არამედ დვალთ უმდაბლესნი არიან გვარითა». ვახუშტი, იმ. სოც., 1941, სტ. 110—111.

³² Там же, стр. 107, 110.

возобладания осетин над двалами и ассимиляции первыми вто-
рых.

Следует обратить внимание еще на один факт.

Как видно из «Описания царства Грузинского» Вахушти Багратиони хорошо осведомлен о внутреннем племенном и родовом дроблении осетин; он знает различные ущелья Осетии и различные осетинские роды, знает все их местные названия и вместе с тем он их объединяет единым этническим термином — «осетины»; следовательно он считает их всех одной народностью. Также и территория перечисленных ущелий, от Чими до Баснани, несмотря на множество частных названий, носит у него и единое общее название — «Осетия».

У него нет нигде противопоставления или параллельного упоминания в одном ряду терминов «дигорцы» и «осетины», «Дигория» и «Осетия» или «тагауры» и «осетины», «Тагаурия» и «Осетия».

Вахушти употребляет термины «Дигория», «Тагаурия» и др., как части «Осетии».

Называя осетинские роды, он, например, дигорские фамилии перечисляет наравне с другими осетинскими фамилиями в одном ряду³⁶.

В общем, соотношение между понятиями «Дигория» и «Тагаурия», с одной стороны, и «Осетия», с другой, — таково как соотношение между частью и целым. Термин «Осетины» является для Вахушти общим собирательным понятием для данной этнической общности, тогда как «дигорцы» или «тагаурцы» понятиями родоплеменного масштаба внутри этой этнической общности.

Совершенно иначе представлено соотношение между понятиями — терминами «Двалетия» и «Осетия», «двалы» и «осетины» при описании древнейшей эпохи.

Он систематически противопоставляет или упоминает в одном ряду, параллельно, как различные этнические понятия равной категории имена «двалы» и «осетины». Примеров этому достаточно в уже приведенных выше выдержках³⁷.

В перечне древних осетинских фамилий (на стр. 107) не названо ни одной двальской (или двалетской) фамилии.

Возникает вопрос, почему Вахушти, а заодно и другие грузинские литературно-исторические источники, несмотря на отсутствие единой социально-политической организации у населения от Чими до Баснани, несмотря на наличие значительно раз-

³⁶ ვახუშტი, цит. соч., 1941, стр. 107.

³⁷ „გარნა თუ განდიდნეს ანუ განდიდრეს ოცსი ანუ დვალსი. ანუ შვირთავს ორ ხაშს ოთლსა, ანუ აღაგებს კოშკსა...“ там же, стр. 111.

нящихся диалектов (дигорский и иронский), и деления на общества по ущельям, называют их все же одним общим этническим именем «Осетины», но в это понятие — одновременно не включают двалов? Почему нет противопоставления дигорцев и осетин и одновременно есть противопоставление двалов и осетин?

Если бы двалы признавались Вахушти Багратионом осетинским племенем, тогда в его описаниях территории и населения центральной части Кавказского хребта понятие «осетин» должно было бы покрывать собою и вмещать в себя понятие «двал». Но этого нет в описаниях Вахушти Багратиони. Этот факт может быть понят только как выражение представления, что двалы не есть осетины, что двалы особая этническая общность.

Наконец, в отношении современной себе эпохи Вахушти включает Двалетию в описание Осетии; Двалетия представлена в позднейшую эпоху частью Осетии, но тем не менее Вахушти продолжает употреблять этноним «двалы» параллельно с этнонимом «осетины». Следовательно, ко времени Вахушти историческая традиция различия двалов от осетин не была еще изжита, хотя территория двалов была уже занята осетинами и Двалетия причислялась этнографически к Осетии.

*
* *

Специального разъяснения требует одно место географии Вахушти, которое, вероятно, и дало собственно повод к неправильному толкованию взгляда Вахушти об этнической принадлежности двалов. Вот это место: В главе «Описание теперешней Осетии или внутреннего Кавказа» после описания всех ущелий Двалетии: Кассри, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Трусо он заключает «ущелья эти, которые мы описали, совместно с Маграи-Двалети составляют Двалетию; и ныне жители Большой Лиахви, Малой Лиахви, Ксанского ущелья и Кударо суть двалы же, переселившиеся из этой Двалетии (т. е. из ущелий Кассри, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Трусо.—В. Г.) верой, обычаями и нравами одни и теперь еще родственные между собой»³⁸.

Если взять эту цитату изолированно, то из нее непосредственно следует, что по Вахушти южные осетины есть двалы и это звучит противоречием выщепитированному из трудов Вахушти, противоречием всему вышесказанному.

³⁸ „ქობანი ესენი, რომელნი აღწერეთ მალხანდვალეთითურთ, არიან დვალეთი. და კვალად დიდის-ლიახვისა, ბატარა-ლიახვისა, ქსნისწყვისა და კუდაროს მოსახლენიცა არიან დვალნივე, ამ დვალეთიდან გარდასულნი, სჯულთა, წესითა და ზნითა ერთნი და დღესაც მონათესავენი ურთიერთთა“. там же, стр. 115.

Но разберемся в высказываниях Вахушти внимательнее и возьмем его повествование свяжо.

О каком населении собственно здесь речь и как понять, что они названы двалами? Проверка географии Вахушти в различных направлениях привела меня к выводу, что в данном месте Вахушти разумел современных ему (выражение «и ныне жители... суть») осетин живущих по ущельям Ксани—Лиахви—Кударо и упомянутых им много раз, при описании Картли и Имеретии (Рача). Описывая Картли он по порядку касается Ксанского ущелья, Колоти — Квиткири, Мал. Лиахви, Магран-Двалетии и в ряде случаев говоря о наличном населении называет «осетины» или «осетины, двалы»³⁹. В заключении описания этих ущелий Вахушти говорит: «Но скольких осетин мы назвали в этих местах, (там) первоначально жили оказывается грузины крестьяне. После их владетелями (патронами) были переселены сюда осетины, а грузины спустились на низменности, потому что от врагов сократились жители (мужчины). Но об обычаях этих осетин напишем в своем месте, в описании Осетии»⁴⁰. (к. н. — В. Г.).

Так, из ущелий Ксани-Лиахви много грузин-крестьян переселились на низменность Картли, а на их места поселились осетины. О нравах и обычаях этих осетин Вахушти на этой странице ничего не говорит, обещая это сделать при описании Осетии. После этого на страницах 106—116 (издание 1941 г.), помещена глава «Описание теперешней Осетии или внутреннего Кавказа», в которой он должен выполнить обещанное на стр. 71. Дав описание населения, его истории, нравов, обычаев и т. д., он переходит к описанию местностей Чими, Тагаури, Куртаули, Валагир-Пайкоме, а затем и к описанию ущелий Двалетии (Касара, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Трусо). Описание Двалетии Вахушти заключает цитированной⁴¹ уже нами фразой, что «и ныне жители Большой Лиахви, Малой Лиахви, Ксанского ущелья и Кударо суть двалы же, переселившиеся из этой Два-

³⁹ ვახუშტი, там же, стр. 69—71.

⁴⁰ „ხოლო რაოდენნი ოსნი დაწვერეთ ამ ადგილთა შინა, პირველად სახლებულან ქართველნი გლეხნი, შემდგომად მეპატრონეთა მათთაგან გარდმოსახლებულან ოსნი, და ქართველნი ბართა შინა ჩამოსულან, ვინადგან მტერთაგან ბარს შინა კაცნი შემციირებულან. არამედ ჩვეულებასა ამ ოსთასა დაესწერთ მის ადგილს, ოსეთის აღწერასა შინა“. там же, стр. 71.

⁴¹ Там же, стр. 115

летни (т. е. из ущелий Касри, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Трусо.—В. Г.) верой, обычаями и правами одни и теперь еще родственные между собой». Этой фразой Вахушти указывает на общность веры, обычаев и прав современного ему населения Ксани—Анахви—Кударо с населением «теперешней Осетии или внутреннего Кавказа». Тем самым он распространяет все ранее⁴² сказанное о нравах и обычаях осетин и на переселившихся на юг двалетских осетин и обещание, данное Вахуштием на стр. 71 оказывается выполненным.

Поставив цитату со стр. 115 в связь с цитатой стр. 71, повествование Вахушти приобретает единый смысл и логическую последовательность.

Но почему же Вахушти осетин, переселившихся на юг, называет в одном данном случае «двалами»? Главное разъясняет здесь же сам Вахушти «жители (Ксани—Анахви—Кударо — В. Г.) суть двалы, переселившиеся из этой Двалетии» (с севера, к. и. — В. Г.), т. е. они названы двалами потому, что переселенцы из Двалетии. Кроме того, ведь и в самой осетинизированной Двалетии еще называли незнатную часть населения двалами, и переселенцы если и не все, то в значительной своей части должны были быть незнатными.

Следовательно, из Двалетии на юг переселились не природные двалы, а осетинизированные двалы.

Этим должно быть объясняется тот факт, что Вахушти население ущелий Б. Анахви и Трусо называет одновременно двумя этнонимами «осетины, двалы»⁴³.

Таким образом, Вахушти знает, что южные осетины пришли с севера, из Двалетии; переселилась менее знатная часть и потому называет их одновременно и двалами и осетинами. Подмена одного этнонима другим (этнонима «осетины» этнонимом «двалы») вовсе не означает изначального тождества осетин и двалов, а показатель их общности, возникшей лишь в последние века. Что это лишь вновь возникшая общность отражена у Вахушти четко и в топонимике.

Применительно к эпохе Уобоса—Хазар он выразился так «внутренность Кавказа—Двалетия», а применительно к современной себе эпохе Вахушти в ряде случаев употребил выражения «теперешняя Осетия или внутренний Кавказ»⁴⁴. «Двалетия или теперешняя Осетия»⁴⁵ и др. Указывает на это Вахушти и

⁴² Там же, стр. 109—112.

⁴³ Там же, стр. 66, 78.

⁴⁴ ვახუშტი, აღწერა სამეგრეოს საქართველოს, 1941, стр. 100.

⁴⁵ Там же, стр. 173.

в повествовании: о разгроме осетин монголами и отступлении осетин вглубь Кавказа.

В итоге мы приходим к выводу, что и цитата со стр. 115 по существу не может служить основанием для отождествления древних средневековых двалов с осетинами.

Итак в последние века позднего средневековья на южных склонах центрального Кавказа положение по Вахушти рисуется нам следующим образом: с территории Ксани-Анахвских ущелий много грузин-крестьян переселилось в низменность Картли, а на их селища, в ущельях Ксани—Анахви, пришли из-за хребта двалетские осетины и осетинизированные двалы. Этот вновь появившийся этнический элемент в значительной своей части является *Nachkommenchaft* средневековых двалов, но по языку и нравам обосетинившимся.

Считаю, что приведенные выдержки из историко-географического труда Вахушти Багратиони дают вполне достаточное основание, чтобы сделать следующее резюме: по Вахушти Багратиони, во-первых, двалы не осетины и не осетинского племени, двалы особая народность, своеобразное коренное кавказское племя, родственное дзурдзукам, т. е. чечено-ингушам, с которыми они первоначально непосредственно и граничили в Дарьальском ущельи.

Во-вторых, Двалетия в основном находилась на север от Главного Кавказского хребта; она простиралась с востока на запад от р. Терека до Баснани, по параллели, и с юга на север от Главного Кавказского хребта до Кабарды, в ее границах XVIII в., по меридиану.

В-третьих, Двалетия (южнее Кассарской теснины) с древнейших времен до монгольского нашествия входила в состав грузинского государства и двалы в некоторой части слились с грузинским народом. Позже Двалетию занимают осетины, теснимые, в свою очередь, с севера монголами.

В-четвертых, двалы частью вошли в состав осетинской народности в процессе ее конституирования, частью же в последующие эпохи, в результате внедрения осетин в ущелья Кавказа и возобладания их над двалами.

В-пятых, значительно позже, после монгольского ига и катастрофических опустошений Картли двалетские осетины и осетинизированные двалы начинают селиться по ущельям Ксани — Анахви — Кударо.

ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ О ЯЗЫКЕ ДВАЛОВ

В историко-географическом труде Вахушти Багратиони содержится одно сообщение привлекающее еще ранее внимание исследователей (Ахвледиани, Гвритишвили) и важное для этнической характеристики двалов.

Хотя мысль автора и выражена не вполне четко и оставляет место для некоторого двусмыслия, тем не менее оно заслуживает внимания, так как касается важного вопроса — вопроса языка двалов.

Вахушти Багратиони говоря о населении «теперешней Осетии или внутреннего Кавказа», т. е. Двалетии пишет: «язык они имеют старый, двальский, а ныне говорят осетинским собственно (собственно осетинским), так как язык черкесов иной»⁴⁶.

Одно несомненно, что Вахушти здесь говорит о языковом различии двалов и осетин. Подчеркивается, что это высокогорное население, двалы, прежде говорило на отличном двальском языке, а ныне — в начале XVIII века — говорит уже на осетинском, т. е. в языковом отношении ассимилировано осетинами.

Что Вахушти Багратиони здесь свидетельствует о различии двальского и осетинского языков, это несомненно и вполне ясно; но вопрос — какова степень этого различия и что представлял собою этот «старый двальский» язык? К какой группе языков следует его отнести по генетической классификации языков?

По поводу этого свидетельства Вахушти Багратиони еще в 1941 г. акад. Ахвледиани заключал так: «Это означает, по нашему мнению, что двалы говорящие на довольно-таки отличном диалекте (а не на другом языке, сравн. «язык черкесов иной») усваивают иронский диалект («собственно осетинский»)»⁴⁷.

Акад. Ахвледиани, видимо, считает, что Вахушти Багратиони «собственно осетинский» и «старый двальский» в равной мере противопоставляет черкесскому языку и из этого заключает, что «старый двальский», и «собственно осетинский» Вахушти Багратиони считал «довольно-таки отличными диалектами» одного языка.

При таком толковании фразы Вахушти Багратиони она представляется внутренне алогичной; остается непонятным для чего собственно понадобилось Вахушти Багратиони упомянуть черкесский язык.

Иначе трактует это место проф. Гвритишвили.

Гвритишвили также по отношению к черкесскому пытается объяснить соотношение между «старым двальским» и «собственно осетинским». Гвритишвили склонен считать двальский язык

⁴⁶ „ენა აქეთ ძველი, დვალური და აწ უბნობენ თსურსა საკუთრად, ენათგან ჩერქესთა ენა სხვა არის“. Там же, стр. 110.

⁴⁷ „ეს იმას მოწმობს, ჩვენი აზრით, რომ დვალები საკმაოდ განსხვავებულ დიალექტზე (და არა სხვა ენაზე, შიად. „ჩერქეზული ენა სხვა არის“) მოლაპარაკენი ითვისებენ ირონულ დიალექტს („ოსურსა საკუთრად“). გ. ახვლედიანი, ისტორიული ცნობა დვალეთისა და დვალების შესახებ, ენიმეცის შრომებ, ტ. X, 1941, стр. 195.

черкесским. Он пишет: «На основании сего сообщения говорить можно лишь о том, что: а)... б) двалы имеют самостоятельный язык, старый двальский, но во времена Вахушти («ныне») двалы говорят на осетинском языке (или осетинский считают своим?); г) старый двальский язык, в понимании Вахушти, не есть осетинский язык, он (двальский язык) принадлежит к семье черкесских языков»⁴⁸.

Мы считаем, что для такого толкования текста Вахушти нет достаточного основания в труде самого Вахушти Багратиони; а фраза Вахушти Багратиони следующая в его труде за уже цитированным сообщением прямо противоречит такому пониманию.

Вахушти Багратиони пишет далее так: «некоторые из главарей и ходоков в Картли и в Рачу знают грузинский (язык.— В. Г.), а ходоки в Черкесию знают черкесский и татарский джугатарский»⁴⁹.

Указание на то, что «некоторые главари... ходоки в Черкесию знают черкесский» означает, конечно, что для массы двалов черкесский язык был незнаком и непонятен; поэтому старый двальский не может быть признан черкесским языком.

Конечно, при сопоставлении двух языков, двальского и осетинского, упоминание третьего черкесского имеет смысл дать ориентир для более точного размежевания двальского и осетинского. Но помимо этого важным является и прямое определение самих этих двух языков.

Двальский язык определен как «старый двальский»; под этим разумеется язык двалов до заселения Двалетии осетинами, как это правильно признают и более ранние исследователи этого вопроса — Ахвледиани, Гвретишвили; «старый двальский» т. е. язык на котором говорили двалы до их ассимиляции осетинами.

Сложнее с определением осетинского языка: почему он назван «собственно осетинским», почему добавлено слово «собственно»? Мы считаем, что ключ к правильному пониманию такого определения, такой дефиниции дает нам обстоятельство упо-

⁴⁸ „ამ ცნობის მიხედვით ლაპარაკი მხოლოდ იმის შესახებ შეიძლება, რომ: ა) . . . ბ) დვალელებს აქვთ დამოუკიდებელი ენა ძველი დვალური, მაგრამ ვახუშტის დროს („აწ“) დვალელები იყვნენ ენაზე ლაპარაკობდნენ (თუ ოსურს სთვლიან თავისად?), გ) დვალური ძველი ენა, ვახუშტის გაგებით, არ არის ოსური ენა, იგი (დვალური ენა) ჩერქეზულ ენათა ოჯახს ეკუთვნის“.

დ. გვრიტიშვილი, დვალთა ენაობისა და ოსთა ჩამოსახლების საკითხისათვის. „მიმოხილველი“, 1, 1949, სტრ. 113—114.

⁴⁹ „ვიეთთა მოთავეთა და ქართლს და რაქას მსველელთა უწყიან ქართულნი, ხოლო ჩერქებსა შინა მსველელთა უწყიან ჩერქეზული და თათრული ჯალათისი“. ვახუშტი, Цитир. соч., 1941, სტრ. 110.

мянутое у Вахушти Багратиони несколько раньше: что прежнее Осетию заняли черкесы, а осетины встроились вглубь Кавказских гор; и с тех пор называется Осетия Черкессией, а внутренняя область Кавказа — Осетией. Мы понимаем фразу о языках «старом двальском», «собственно осетинском» и черкесском с оговоркой на это сообщение Вахушти Багратиони о переименовании прежней Осетины в Черкессию. Это переименование и изменения на Северном Кавказе, за свежестью этих событий могли вызвать в грузинском обществе двойственное понимание терминов: «Осетия» и «Осетинский».

Если бы было написано просто «осетинский язык», то под этим выражением можно было понимать: 1) и собственно осетинский язык и 2) черкесский язык, который занял территорию осетинского и по традиционным представлениям о территориальном распространении языков мог тоже называться «осетинским языком»; или, наконец, вследствие преобладания и господства черкесов над осетинами под осетинским опять-таки можно было разуметь черкесский язык.

Выражение «собственно осетинский», видимо, должно служить указанием для предупреждения смешения его с черкесским. При таком понимании вполне логичным является и окончание всей фразы придаточным предложением — «так как черкесский язык иной».

Итак фразу Вахушти Багратиони о языках мы понимаем так: двалы имеют язык старый двальский, а ныне говорят собственно осетинским, который не есть черкесский язык.

Таким образом, Вахушти Багратиони различает и противопоставляет двальский и осетинский языки; но черкесский здесь не может служить для определения степени различия между ними; черкесский служит лишь для уточнения понятия «осетинский язык».

О степени различия между старо-двальским и собственно осетинским мы судим по другим высказываниям Вахушти Багратиони. А именно:

1. Вахушти Багратиони описывает и иронцев и дигорцев в равной мере под общим наименованием осетин; ущелья занимаемые иронами и занимаемые дигорцами в равной мере являются по Вахушти Осетией; он не делает различия между дигорцами и иронами и в языке; считает их носителями одной речи, одного языка — осетинского. То есть ни этнически, ни территориально, ни лингвистически Вахушти Багратиони не размежевывает иронцев и дигорцев.

А двалов и осетин Вахушти Багратиони размежевывает во всех отношениях — и территориально, и социально, и культурно, и этнически, наконец, и по языку. Это соотношение (обобщение и объединение иронов и дигорцев, с одной стороны и их

совместное противопоставление двалам, с другой), зафиксированное у Вахушти Багратиони, дает достаточное основание заключить, что по представлению Вахушти Багратиони в языковом отношении между осетинами (ирон-дигорцами) и двалами было больше разницы чем между иронами и дигорцами, что двальский язык стоит дальше от иронского, чем дигорский диалект. С этим вполне согласуется и соображение логического порядка: раз Вахушти Багратиони нашел нужным указать на смену языков, на замену двальского осетинским, следовательно, по его представлениям, между этими языками была существенная разница.

2. Чтобы определить представления Вахушти Багратиони о соотношении осетинского и двальского языков, проверим еще как представляет себе Вахушти Багратиони соотношение между собой разных диалектов и языков Грузии и внутреннего Кавказа.

Так про имеретин и гурийцев, пшавов и хевсуров он пишет, что язык у них общий с грузинами⁵⁰, что они «грузинского же языка, а не другого»⁵¹; мегрелы — «по языку большие и знатные грузинского языка, но имеют и свой язык, однако испорченный грузинский же»⁵².

Чапы «по вере ныне полностью магометане, однако кое-кто немногие встречаются христиане, но еще знают некоторые грузинский язык»⁵³.

О сванах сказано «язык имеют свой собственный, но знают и грузинский»⁵⁴, и абхазцы также «язык собственный свой имеют, но знают знатные грузинский»⁵⁵.

Из этих заметок Вахушти Багратиони видно, что несмотря на диалектные различия он не только имеретинский, гурийский, пшавский, хевсурский диалекты, но и мегрельский и чапский причислял к грузинскому языку; хотя относительно большая отдаленность мегрельского от грузинского им отмечена и только

⁵⁰ про имеретин— „სარწმუნოებითა და ენითა არიან ქართველთა თანა“, აღწარმებულნი, არამედ უცხო ტყუად მოგზარნი“, там же, стр. 146.

про пшаво-хевсур - „არიან ესენი სარწმუნოებითა და ენითა ქართველთა“, там же, стр. 92.

⁵¹ про гурийцев— „ქართულისავე ენისანი და არა სხვისა“, там же, стр. 176.

⁵² ენით არიან— დიდნი და წარჩინებულნი ქართულის ენითა, არამედ აქუსთ თვისცა ენა, გარნა წამბდარი ქართულიე“, там же, стр. 170.

⁵³ სარწმუნოებით ან სრულიად მოპანდიანნი, გარნა მცირედნი ენმე მოიპოვებანიან ქრისტეანენი არამედ იციან კვალად ქართული ენა ევითთამე“, там же, стр. 142.

⁵⁴ ენა თვისი აქუსთ საკუთარი, გ. რნა უწყიან ქართულიცა“, там же, стр. 173.

⁵⁵ ენა საკუთარი თვისი აქუსთ, არამედ უწყიან წარჩინებულთა ქართული“, там же, стр. 172.

сванский и абхазский он признает особыми, самостоятельными, по отношению к грузинскому, языками.

Описывая и характеризуя население нескольких ущелий к востоку от р. Терека, а именно Кистинов, Галгаевцев и Дзурдзуков он уподобляет их по нравам, обычаям, религии осетинам, однако добавляет «но имеют язык свой собственный»⁵⁶.

На этом примере опять-таки видно, что Вахушти Багратиони несмотря на некоторые различия понимал этническую и языковую общность разных родственных племен; диалектальные различия не скрыли от него общность основы языка, и он признает, вполне правомерно, различные диалекты Кистин-Галгаевцев-Дзурдзуков одним языком.

К этому же языку относит он и часть тушин. Тушины, «которые находятся в областях — краях кистин и галгаевцев знают больше их языки. Но жители Парсманского ущелья, являясь кистинами, по вере и языку смешаны»⁵⁷.

Таким образом, у Вахушти Багратиони нет выражения «гурийский» или «имеретинский язык», даже мегрельский он называет «испорченным грузинским языком»; так же речь Кистин, Галгаевцев, Дзурдзуков он объединяет в один язык и к ним же относит по языку цова-тушин; нет также у Вахушти Багратиони «дигорского» или «тагаурского языка», а есть лишь общий осетинский язык. Следовательно, различия диалектов и наречий он игнорирует.

Из приведенных выше примеров употребления Вахушти Багратиони выражения «язык» мы видим, что «языком» он обозначает не наречия и диалекты, а языки, признаваемые лингвистикой, самостоятельными языками. И если при этом Вахушти Багратиони называет старый двальский язык особым языком, это убеждает нас в том, что старый двальский язык не был диалектом осетинского или черкесского языков; что старый двальский был самостоятельным языком.

Конечно, это не означает категорического отрицания его родства с соседними языками — черкесским, осетинским, бацбийско-кистинским, картвельскими. Мы допускаем и даже предполагаем его родственность какому-либо соседнему языку — бацбийско-кистинскому, осетинскому, черкесскому или картвельским; но имеющиеся у Вахушти Багратиони данные не дают основания связать его генетически с каким-либо одним конкретным известным языком или судить о степени родственности.

⁵⁶ „არამედ აქუსთ ენა თვისი საკუთარი“, там же, стр. 119.

⁵⁷ „ზოლო რომელნი არიან მხარეთა ქისტთა და ღლიღეთა, უწიან ენანი უფროს მათნი. გარნა ფარსმანის ხევისანი სარწმუნოებით და ენით შერეულნი არიან, ვითარცა ქისტნი“. .. там же, стр. 105.

Данные содержащиеся у Вахушти Багратиони дают основание утверждать только то, что старо-дзвальский язык был настолько своеобразен и отличен от всех окружающих его языков, что являлся не диалектом одного из них, а самостоятельным языком.

3. СВИДЕТЕЛЬСТВА АНТИЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ О ДВАЛАХ

Для обоснованных суждений о древних двалах и определения их этнического характера важно выявить наиболее раннее их упоминание и проанализировать содержание этого самого раннего свидетельства.

Самым ранним упоминанием двалов в грузинских письменных памятниках следует считать упоминание двалетских ворот (т. е. горных проходов) в «Обращении Картли» «მთაბრუნველთა» VIII—IX вв.

Наиболее ранний армянский письменный памятник, в котором упомянуты двалы в форме «дуалк» — это анонимная география VII в. «Двалетские горные проходы» и «дуалы» локализованы в высокогорной зоне Центрального Кавказа и подразумевают наличие там особой этнической единицы. Более раннее упоминание Двалетии и двалов в грузинской и армянской исторической литературе неизвестно. Но VII—IX вв. н. э. очень поздняя эпоха для двалов, причисленных Вахушти Багратионом к аборигенам Кавказа. Естественно попытаться обнаружить более раннее свидетельство о двалах и Двалетии в более древних, чем грузино-армянские, письменных источниках, содержащих описание Кавказа. Таким, намного более древним письменным источником о Кавказе является античная (греко-римская) историко-географическая литература. К ней мы и обратились.

Из писателей античного мира по вопросу двалов в первую очередь следует назвать Плиния Секунда писателя I в. н. э. (24—79 гг.) и Клавдия Птолемея знаменитого географа середины II века н. э.

У обоих этих писателей упоминаются такие этнонимы: «Талы (Thalos)», «Валлы (Valli)», «Уалы (Οὐζλοί)» и их живые носители. Учитывая представленную у самих же этих писателей локализацию этих имен, мы считаем возможным отождествить их с племенным именем «Двали» грузинских хроник и летописей.

Разберемся в сведениях упомянутых античных писателей ближе. Начнем с более древнего источника.

Плиний Секунд в своей высокоценной энциклопедии «Естественная История» пишет: «В тылу его (города—Питиун-

та. — В. Г.) в Кавказских горах живет сарматский народ Ерагериты, а за ним — Савроматы. К последним бежал Митридат (Боспорский, начало 40-х годов I в. н. э. — В. Г.) при императоре Клавдии, он рассказывал, что в соседстве с ними (Кавказскими савроматами — В. Г.) живут Талы (Thalos), которые с востока доходят до устья Каспийского моря, и что устье высыхает во время морского отлива¹.

В этом эссе важно: 1. Упоминание племенного имени Тал — Thalos и 2. Определение его местонахождения.

Этническое имя Тал — Thalos своим общим обликом напоминает осетинское «Туал» равнозначное грузинскому «Двал». Помня, что Митридат жил и слышал это имя «Тал» от западного северо-кавказского племени (может быть даже от ираноязычного племени), то вполне логично видеть в имени «Тал» форму идентичную осетинскому «Туал», являющегося в свою очередь параллелью грузинской формы этнонима «Двали».

Замечательно, что у Плиния сохраняется даже такая фонетическая тонкость, как придыхательное Т-Ть, точно соответствующее осетинской форме «Туал» — $\text{ṭ}ṭ\text{al}$. Отсутствие гласного «у» в имени «Тал» в сравнении с осетинским «Туал» не мешает отождествлению Тал-Туал, ибо у античных писателей неоднократно случаи выпадения отдельных гласных: Соан-Суан и Сан, Амодохи—Имадохи и Модохи, Инапен и Напен.

Затем, Митридат мог встретиться и сообщить Плинию эти сведения проживая в Риме, т. е. много позже того, как он жил в соседстве талов и после ряда важных событий в его личной жизни. Естественно, что он мог передать Плинию имя племени не совсем точно, мог пропустить гласную «у», сохраняя однако общий облик и форму верно.

Разумеется отождествление на основании только фонетических соображений мало убедительно если оно не будет подкреплено другими объективными данными. Такие данные есть.

Приведенная цитата содержит еще данные, локализующие этноним «Тал». Эта локализация является важным обстоятельством, подкрепляющим наше убеждение в тождественности Тал-Туал-Двал. Конечно, нет оснований ожидать от Митридата точного указания границ расселения племени талов, так как географическая наука в то время была далека от точности своих понятий и данных, часто имело место значительное несоответствие между географическим представлением и действительностью; и данных, говорящих за то, что Митридат сам посетил территорию

¹ В. В. Латышев, Известия др. писат. греч. и латин. о Скифии и Кавказе, т. 2, в. 1, СПб, 1904, стр. 183

талов нет. Поэтому представленная у Плиния Секунда локализация племени талов может быть признана лишь приблизительно, как дающая только общее направление — ориентир местонахождения племени талов. Плиний указывает на территорию между западной частью Кавказского хребта («в тылу Питиунта») и Каспийским морем.

Чтобы более уточнить локализацию талов следует использовать и другие данные, сообщаемые Плинием о Кавказе, и затем действовать методом исключения. В частности мы находим у Плиния специальное описание побережья Каспийского моря², однако среди населяющих его племен талы не упомянуты. Следовательно территория талов до побережья Каспия не доходила³. Главный хребет большого Кавказа и населяющие его племена также специально рассмотрены Плинием⁴, причем талы здесь также не упомянуты; следовательно территория талов разумелась Плинием где-то севернее хребта, т. е. в предгорьях и равнине Северного Кавказа.

С запада *terminus post quem* — предельной границей территории талов является территория сармато-савроматских племен западного Северного Кавказа; если судить по меридиану — то западная граница талов проходила где-то восточнее Питиунта. Непосредственно определить северную границу талов невозможно. Здесь руководствоваться можно тем соображением, во-первых, что раз «талы» не упоминаются (другими писателями) часто, это означает, что они не были большим племенем и не занимали большой площади; во-вторых, что они упоминаются в пределах Северного Кавказа, в соседстве с горными племенами Северного Кавказа. Следовательно, территория занимаемая талами не могла простирается далеко на север от Главного Кавказского хребта и северную границу талов следует разуметь проходящей где-то по северо-кавказской равнине, непосредственно примыкающей к северным отрогам Главного Кавказского хребта.

² В. В. Латышев, цит. соч. стр. 184.

³ Это подтверждается и компиляцией Юлиана Солина (1 половина III века н. э.), который так передает соответствующее место из «Естественной Истории» Плиния С. «талы граничат с теми племенами, которые на востоке достигают устьев Каспийского моря» (Латышев — цит. соч., 2 том, 2 вып. 278 стр.). Поскольку племена побережья Каспия были кочующими, есть основание предполагать, что они занимали широкое пространство и следовательно территория талов находилась много западнее берега Каспийского моря.

⁴ В. В. Латышев, там же, стр. 182.

Таким образом местонахождение племени талов представляется так: по равнине и предгорьям Северного Кавказа от западно-кавказских племен, у которых находился Митридат, к востоку — в сторону побережья Каспия, не доходя однако до самого берега моря, до племен населявших самый берег моря.

Короче, согласно общего контекста сведений Плиния С. о Северном Кавказе, территорию талов следует разуместь где-то в средней полосе Северного Кавказа.

Если вспомнить данное Вахушти Багратионом определение территории занятой этнархом двалов — Кавкасом «Кавкасом занял страну от границ Лекана до Понтийского моря, север горы Кавказа со степью» (к. н.—В. Г.)⁵, или определение территории Двалетии «имеет длину Двалети от Зекарского Кавказа до Черкез» (к. н.—В. Г.)⁶, то станет несомненным, что территория талов по Плинию частью совпадает, частью является смежной с территорией двалов, указанной Вахушти Багратионом. После этого уже отождествление талов с туал-двалами представляется нам допустимым.

В «Естественной Истории» Плиния С. есть еще одно место заслуживающее серьезного внимания в интересах исследуемого нами вопроса. Плиний пишет: «Начиная от границ Албании, по всему челу гор (Главного Кавказского хребта. — В. Г.) живут дикие племена сальвов, а ниже—Лупенин, затем Дидуры и Соды... От⁷ Кавказских ворот в Гурдийских горах живут Валлы (Valli) и свавы⁸, племена незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках»⁹.

Немного дальше, говоря о «Кавказских воротах», Плиний упоминает «присланные оттуда ситуационные карты»¹⁰. Следовательно, Плиний С. располагал для центральной части Кавказского хребта военными «ситуационными картами». Тем самым его сведения в данном пункте заслуживают особого доверия.

Приведенная выдержка содержит интересное для нас сообщение, что на Запад от Дарьяльского ущелья («Кавказских ворот») по отрогам Кавказского хребта в 1 в. н. э. жило племя «валлов» — „Valli“. Племя валлов локализовано точнее на

⁵ ვახუშტი ვახუშტი, საქართველოს გეოგრაფია. ვახუშტი. თ. ბონიფი, 1842, стр. 424

⁶ Там же, стр. 444.

⁷ По книге проф. Боднарского «Античная география» это место переведено так: «За Кавказским горным проходом...» (стр. 261).

⁸ Проф. Боднарский (цит. соч.) читает не «свавы», а «свани» (стр. 261), также и Томашек ем. Paulys—Real—Encyclop., V т., 1231 стр. вместо «свавы» читает сваны—suani.

⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. 2, вып. 1, стр. 182.

¹⁰ Там же, стр. 184.

территории между Дарьялом и сванами, в Гурдийских горах. Поэтому важно уточнить, что соответствовало в натуре Гурдийским горам (montes Gurdinios).

Топонимика территории между Дарьялом и Сванетией предлагает ряд имен с корнем Горд-Гурд-Курт. Самое значительное из них Курт-атское (гесп. курт-атинское, კურთათ-ელს უშელე к Северу от Главного хребта и на запад от р. Терека, содержащие к тому же и серебряно-свинцовую руду.

Вполне возможно, что наименование Куртатские — Куртинские в то время распространялось не только на один отрог главного хребта Кавказа, а обнимало более широкую территорию. Во всяком случае и своим местонахождением между Дарьялом и Сванетией и своим наименованием — с корнем Курт — Гурд и содержанием руды — Куртатское ущелье легко отождествимо с Гурдийскими горами Плиния С.

Само этническое имя «Валли» — ассоциируется у нас с этническим именем «Двали». Обращает на себя внимание исключительно точное совпадение локализации. Согласно грузинских хроник потомки Кавкасоса, двалы заняли горные ущелья Кавказа к западу от Дарьяла («Кавказских ворот»); а по Плинию к западу от Дарьяла по ущельям Кавказских гор жили валли.

Общий облик этнонимов (Valli и დვალთ) Валли и Двали явно напрашивается на отождествление. Плиний сохранил даже туземное окончание *i* (Valli) и не видоизменил его на обычные латинские суффиксы *os*, *us*, *es* и т. п.

Отсутствие начальной «Д» не может служить препятствием для отождествления имен валли — двали, так как известен ряд случаев параллельного употребления двух вариантов имен для обозначения одних и тех же племен. Например, ореты и тореты (Ὀρέται и Τορέται), санны и тдзаны (Σαννοί и Τζάνος), зиги и зихи (Σίγιοί и Ζύχχοι) дан и даки, канец и в грузинских памятниках встречается форма урдзуки и дурдзуки (ურძუკო и დურძუკო).

Наконец, упоминание Плинием рядом с Валлами племен «Дидуры и Соды» (предположительно Цоры или Цовы), и сванов¹¹ укрепляет убеждение, что под валлами следует разуметь племя двалов.

¹¹ Упоминание Плинием С. сванов в соседстве с двалами является вполне правильным. Предполагать это дает нам основание сообщение Страбона (рубеж старой и новой эр), что на западном Кавказе сваны занимающие вершины Кавказа являются самым могущественным племенем. Следовательно, они могли быть распространены до Мамисонского перевала, т. е. до Двалетии. Это не только домысел и предположение, оно

Сказанное в обоснование тождества талов и туал — двалов не противоречит и вполне согласуется со сказанным относительно тождества валлов и двалов.

Нам представляется так, что талы это те же валлы. Thalos и Валлы — Valli два варианта, две формы имени одного и того же племени, подобно позднейшим туал (осетинская форма) и двал (грузинская форма).

Правда сам Плиний не отмечает тождества талов и валлов; это мы объясняем тем, что Плиний получил сведения о талах из одного источника (через Митридата и Савроматов, живших с запада от двалов), а о валлах из другого источника (ситуационные карты или туземно-грузинский источник, находящийся к югу от двалов); поэтому он не мог их отождествить, не располагая другими дополнительными сведениями и не будучи с ними знакомым непосредственно, тем более, что о территории Северного Кавказа у Плиния С. не могло быть точного представления. Происхождение сведений из двух совершенно различных и друг от друга независимых источников обусловило употребление двух различных форм одного и того же этнонима; а две различные формулировки локализации племени, еще более затемняли вопрос о взаимной связи талов и валлов. В результате Плиний С., очевидно, не подозревал и не понимал общности фонетического содержания имен тал и валл, происходивших от туал—дуал—двал; в одном случае туал перешел в форму тал, а в другом случае двал перешел в форму валл.

На отождествление талов и валлов мы решаемся еще потому, что текстуально различная локализация этих двух имен в

находит себе прямое подтверждение в одном из сванских письменных памятников 1490—1503 гг. (Ингороква—Историч. памятники Сванетии вып. II, 1941 г., стр. 31—34). В нём повествуется о вражде между рачульхумским князем Джапаридзе и вольными сванами (Мулах-Латар-Ушкульского общества). По этому документу сваны передали во владение Джапаридзе ряд сел и церквей с их территорией, расположенных до с. Глола, т. е. почти до самого Мамисонского перевала. Следовательно, территория от истоков р. Ингури (общество Ушкуль) до самого Мамисонского перевала, в том числе и верховья р. Риони (с. с. Геби, Чиора до с. Глола), юридически-традиционно считалась сванской—принадлежащей сванам и фактически являлась таковой еще в XV в.

В этом же документе повествуется, что сваны минуя Рачу шли в Кахетию через с. Глола и Двалетию. Итак, Двалетия оказывается действительно сопредельной со сванами. Также знаменательно, что племя валл названо непосредственно за Дарьяльским проходом. Мы вспоминаем в этой связи, что согласно Вахушти Труссо и Хеви некогда были частью Двалетии и были населены двалами. Нет основания это совпадение в согласии в исторических свидетельствах считать случайным.

натуре, фактически не является уже настолько взаимно отдаленной. Талы населяли предгорья и равнины центральной области Северного Кавказа, а валлы населяли северные склоны центральной же части Главного Кавказского хребта. Таким образом территории талов и валлов в действительности оказываются смежными.

Такая смежность территории талов и валлов вполне согласуется с их этнической тождественностью и находит себе точное подтверждение у грузинских летописцев — историков Л. Мровели и Вахушти Багратиони, которые сообщают, что Кавкасос и его потомки, следовательно и двалы, поселились на запад от ущелья р. Терека по горам главного хребта Кавказа и в низменности (см. вышеприведенные цитаты).

Таким образом территория занимаемая по Плинию талами и валлами вместе взятыми та же, что территория занимаемая двалами, согласно преданий сохраненных у Л. Мровели и Вахушти Багратиони; и племенные названия «Тал» и «Валли», совместно тождественны грузинскому «Двали».

Следовательно, на основании «Естественной Истории» Плиния можно сделать такое заключение: племя двалов известно было уже в первой половине 1 века н. э. и оно в это время занимало именно ту территорию, которая указана Вахушти Багратиони как первоначальная Двалетия.

Вторым античным источником, упоминающим о двалах, является «Географическое руководство» Клавдия Птолемея. Переходя к описанию азиатской Сарматии Птолемей пишет: «Сарматии (Азиатскую—В. Г.) занимают... (перечень племен по восточному берегу Танаида)... между рекою Ра и Иппийскими горами... (перечень племен)... между Керавскими горами и рекою Ра — оривен, уалы (Ὀυαλοὶ) и сербы, а между горою Кавказом и Керавскими горами — туски и дидуры; вдоль Понта—ахэн, керкеты, иннохи, сванокоахи»¹².

Наше внимание привлекло к себе этническое имя Уалы Ὀυαλοὶ. Не подлежит сомнению, что уалы — Ὀυαλοὶ Птолемея фонетически равнозначуще Плиниевскому валли — Valli. Вся разница только в том, что за отсутствием в древне-греческом буквы «в», она заменена у Птолемея гласной «у». Показательно, что Плиний С. восточнее валлов упомянул дидуров и содов, а Птолемей восточнее уалов называет тусков и дидур же.

Руководствуясь теми же соображениями, которые мною высказаны по поводу отождествления имени Валли — Valli Плиния с именем Двали — დვალთა грузинских летописей, я счи-

¹² В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1., стр. 238—239.

таю и этническое имя Уалы — Οὐαλοί. Птолемея также только вариантом грузинского «Двали». Несомненным кажется мне, что «Уалы — Οὐαλοί» восходит к «Двали» и генетически с ним связано.

Кроме фонетического созвучия имен двали — валли — уалы, мы имеем и совпадение в локализации этих племенных имен.

Местонахождение уалов Птолемей определяет между р. Ра и Керавнскими горами. Керавнские горы¹³, это Кавказские горы на Восток от горы Казбек, а р. Ра это—Волга или какая-нибудь река южнее, но впадающая также в Каспийское море.

Побережье Каспийского моря описанное Птолемеем немного дальше, оказывается населенным многими разными племенами, среди которых отсутствуют «Ориней, Уалы и Сербы». Это означает, что уалы — Οὐαλοί не доходили до берега Каспия.

Поскольку после имен ориней, уалы, сербы Птолемей называет племена «туски и дидуры», т. е. туши и дидо, следует полагать, что уалы жили западнее тусков и дидур. Следовательно уалы были значительно отдалены от Каспийского моря.

Из представленного анализа сведений Птолемея вытекает, что уалы — Οὐαλοί населяли среднюю часть Северо-Кавказской равнины и предгорий. Конечно, эта средняя часть Северного Кавказа тоже пространна, имеет более восточный и более западный край, более южный и более северный, но придется этим ограничиться, ибо более точная локализация уалов не удается.

Следовательно, локализация уалов Птолемея если и не полностью совпадает то все же близка к локализации талов Плиния и к локализации Плиниевских же валлов.

Общий контекст, формулировки локализаций и формы этнических имен у Плиния одни, а у Птолемея иные: поэтому следует считать Птолемея в данном случае независимым от Плиния С.

Затем, античные писатели могли определить территорию отдаленных, как Северный Кавказ, областей, лишь приблизительно, могли давать только общее направление местонахождения того или иного племени; наконец, Плиний локализовал талов и валлов по параллели с Запада на Восток и обратно, а Птолемей локализовал уалов по меридиану с юга на Север. Вследствие всех этих моментов естественно, что между локализациями Плиния и Птолемея нет точного совпадения.

¹³ Об ошибочной локализации Иппийских и Керавнских гор. Птолемеем—его неверном представлении о Каспийском море и территории Северного Кавказа см. Paulys—Real Encyclop. VIII т. и XXI подutum; см. также проф. Боднарского „Античная география“, 1953, стр. 285.

Некоторый разрыв между ними вполне допустим. Этот разрыв незначителен и потому не может явиться препятствием для признания, что в действительности местонахождение Птолемея то же самое, что и местонахождение талов — валлов Плиния.

Таким образом, талы (Talos) и валлы (Vall) Плиния С. и уаллы (Ουαλλοι) Птолемея должны быть признаны одним и тем же племенем, называемым в грузинских летописях двалами (დვალნი); а наличные у Плиния и Птолемея три локализации этих этнонимов в действительности означают одну и ту же территорию или смежные территории, в общем соответствующие территории первоначально занятой двалами согласно Вахушти Багратиони.

Третьим из наиболее ранних античных свидетельств о двалах представляется нам этноним Divali обозначенный в т. н. Пейтингеровой таблице или карте Касториуса. Карта именуемая Пейтингеровой таблицей возникла в середине IV в. (по определению К. Миллера в 365 г. н. э.), но составитель пользуясь более ранними источниками, для столь отдаленной области как Кавказ, отражает несомненно еще более раннюю ситуацию.

Правда, по общему признанию Пейтингерова таблица в целом содержит ряд грубых географических ошибок, пространственные соотношения — пропорции вообще нарушены, вследствие специфичности ее формы, и т. д., тем не менее долго глубоко и обстоятельно изучавший эту карту Конрад Миллер признает ее географические данные «не лишенными ценности», признает карту содержащей даже «весьма ценный материал»¹⁴. Учитывая существующее в кругах соответствующих специалистов критическое и осторожное отношение к данным содержащимся в названной карте, мы считаем недопустимым как полное игнорирование ее данных, так и построение только на их основе каких-либо далеко идущих выводов. И мы ограничиваемся, в данном случае, лишь констатацией весьма интересного факта; на

¹⁴ „Der Hauptwert der Ta liegt in dem Material, welches sie als Itinerarium bietet, in den Entfernungszahlen, Namen, der Schreibweise und der Bedeutung der Orte. Die physische und politische Geographie kommt erst in zweiter Linie, doch enthält die Karte auch für diese wertvolles Material, welches noch nicht genügend erkannt ist“.

„Das er (Castorius—В. Г.)... die verschiedenen Länder, Provinzen, Flüsse, Gebirge zur Anschauung bringt, ist eine Beigabe, keineswegs so wertlos, wie gewisse Forscher es hinstellen wollten“... (к. н.—В. Г.) Miller K.—Itineraria Romana, Stuttgart, 1916, стр. XL и XXXIX.

карте середины IV в. н. э. на одной горизонтали (параллели) с аванами, сванами, сарматами и к востоку от них, указано Divali; одновременно, южнее Divali указаны Pi. Surtas, Sarsas, Ragnachis, Colchi и др. Такое расположение надписей дает нам основание признать, что в Пейтингеровой таблице Divali локализовано в центре Главного Кавказского хребта. Эта локализация Divali соответствует локализации двалов — удалов Плиния С. и Птолемея Кл., а также «двалов» грузинских и армянских источников. Поэтому мы полностью разделяем выраженное Томашеком¹⁵ мнение о тождестве Divali с «двалами».

Таким образом Пейтингерова таблица в унисон со свидетельствами других исторических памятников содержит датированное серединой IV в. н. э. ценное подтверждение наличия двалов в центре Кавказа уже в первых веках новой эры.

Недоумение вызывает встречаемое на этой же карте наименование Divali Musetice, указанное много юго-западнее от наименования Divali. Юго-Западное нахождение надписи Divali Musetice — многозначительный, двусмысленный факт и рождает ряд вопросов, на рассмотрение коих в настоящей работе мы не отваживаемся. Мы тем более воздерживаемся пока от постановки этих вопросов, что это отвлекло бы нас далеко от темы. Во всяком случае наличие Divali Musetice не снижает и не ставит под сомнение значения наличия Divali в центре Кавказа.

Тезис о наличии двалов в центре Северного Кавказа уже с начала I века н. э. увязывается и с общим контекстом исторического процесса заселения Кавказа без всяких натяжек.

Согласно множеству свидетельств античных писателей в начале I в. н. э. и восточная часть главного Кавказского хребта и западная его часть были уже заселены племенами известными на данной территории еще в средние и новые века (восточнее: туски, дидуры, леги, албанцы и др.; западнее: сваны, иншохи, веркетты, зиги и др.). При таком положении, вполне естественно, и центральная часть Главного Кавказского хребта могла быть заселена племенем, которое засвидетельствовано там в средние века, т. е. двалами.

¹⁵ Наличие этнонима Divali в Пейтингеровой таблице отметил еще Томашек в своей статье в Paulys—R.-E и он же первый правильно отождествил его с грузинским «двалами». Но он неверно толкует локализацию Divali в Пейтингеровой Таблице, говоря будто Divali указано в истоках р. Куры.

Как видно из свидетельств Плиния С. и Кл. Птолема она и была фактически заселена «тал—валл—уалами», т. е. двалами¹⁶.

Вслед за этим возникает вопрос: какие данные можно подчеркнуть у Плиния, Птолема и других античных писателей для определения этнической принадлежности «тал-валл-уалов», — т. е. двалов?

¹⁶ Этот материал был уже мной проработан и вывод о тождестве тал-валл-уал-двал был уже формулирован, когда я столкнулся с фактом, что два самостоятельных научных исследователя высказали еще раньше мысль о тождестве и внутренней связи между этими этническими именами. Я имею в виду Томашек и проф. Мишулин.

Правда, свои мнения они высказали попутно и без специального обоснования; и их положения не так широки как выводы предлагаемой мною работы; все же в ряде пунктов их положения поддерживают выводы, сделанные мною и потому эти положения, как мнение специалистов, заслуживают быть отмеченными.

Перезданный в журнале «Вестник Древн. Истории» сборник Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» проф. Мишулин снабдил подстрочными примечаниями. В этих примечаниях, не вдаваясь в подробный анализ текста, он высказал попутно несколько положений по интересующему нас вопросу. По поводу племени талов (Thalos) проф. Мишулин пишет: «Ближе неизвестны. Их имя должно быть сопоставлено с именем уалов (Ὀυάλοι), помещаемых Птолемеем на пространстве...» (В. Д. И. № 2 (28), 1949, стр. 292).

По поводу валлов упомянутых также Плинием С. проф. Мишулин пишет, что их упоминает также Птолемей, называя их уалами (Ὀυάλοι); он помещает их между Волгой и Кавказом...» (Там же, стр. 299).

А в примечании к тексту Птолема по поводу уалов (Ὀυάλοι) Мишулин считает их «кавказской народностью, локализуемой на Северном Кавказе» (В. Д. И. № 2 (24), 1948, стр. 248).

Таким образом проф. Мишулин признает внутреннюю связь и даже тождество между тал-валлами Плиния и уалами Птолема и признает их кавказской народностью, локализуемой на Северном Кавказе.

Томашек в статье о Двалах пишет: «Дивалы, кавказский народ... Валлов знает Плиний VI, 30 к западу от Кавказских ворот около сванов, как жителей Горднейских гор; Птолемей V, 9, 21 не точно помещает этих Ὀυάλοι на северной стороне центрального Кавказа, вместо южной стороны» (Paulys—Real-Encyclop., т. V, стр. 1231).

Независимо от несколько другой локализации, принимаемой Томашеком, из приведенной цитаты ясно, что он был убежден в тождестве валлов Плиния и уалов Птолема с двалами грузинских летописей.

Если проф. Мишулин не сделал вывод и не высказал мысли, как это сделал Томашек, о тождестве тал-валл-уалов с двалами, то это я склонен объяснить только его недостаточной осведомленностью в Кавказской этно-топонимике, что сказывается и на его некоторых других подстрочных примечаниях к изданным текстам.

Античные авторы, перечисляя многочисленные племена Северного Кавказа, Юга России, вдоль Танаида, побережий Мелитиды и Каспия обычно указывают к какой основной группе племен—скифы, сарматы, савроматы, массагеты — принадлежит каждое из них. Когда же в перечне племен встречаются собственно кавказские племена, то такие дополнительные определения опускаются.

В отношении тал—валл—уалов ни Плиний Секунд, ни Птолемей Клавдий ни единым словом не обмолвились о их принадлежности к скифам, сарматам, савроматам и массагетам. Нет никаких прямых или косвенных указаний о их принадлежности к ираноязычным племенам.

Единственное значимое, что мы находим в этом смысле это упоминание в соседстве талов «сарматского народа Епагеритов, а за ним —Савроматов» (Плиний С.). При этом Плиний сообщает, что «сарматы по преданию потомки Мидия»¹⁷, а компилятор «Естественной Истории» Юлий Солин (1 полов. III в. н. э.), добавляет в этой связи, что «савроматы, которые дали убежище Митридату, происходят от Мидия»¹⁸.

Итак есть только предание, что соседнее сарматское или савроматское племя было мидийского происхождения.

То обстоятельство, что Птолемей включил двалов в пределы Азиатской Сарматии не служит показателем этнической принадлежности, так как в пределы Азиатской Сарматии включены им также и туски, дидуры, керкеты, иннохи, сваноколхи, зинхи и другие заведомо кавказские народности. Даже если бы было засвидетельствована принадлежность валов — талов к савроматским племенам и это не решило бы окончательно вопроса, ибо ираноязычие отдельных савроматских племен является весьма сомнительным и спорным.

Таким образом есть только указание на предание о мидийском происхождении западных соседей талов. Конечно, одного предания о соседнем племени совершенно недостаточно, чтобы причислить и тал—двалов к ираноязычным племенам, независимо от степени достоверности этого предания.

К сожалению, приходится признать, что античные источники мало обнадеживающи для решения вопроса об этнической принадлежности тал—валл—уалов—двалов.

Знакомство с античной историко-географической литературой убеждает, что античные писатели к 1 в. н. э. вообще не могли еще дать обстоятельную и убедительную характеристику отдельных мелких племен Северного Кавказа по их языку и этнографическим признакам.

¹⁷ В. В. Латышев, цит. соч., т. 2, вып. 1, стр. 180.

¹⁸ Там же, т. 2, вып. II, стр. 278.

Все их свидетельства в этой области часто лишены реально-го основания; основаны не на непосредственном знакомстве фактами и описываемыми объектами, а имеют своим источником домыслы авторов или устные рассказы некомпетентных третьих лиц.

Это откровенно признает неоднократно, например, и Страбон, живший на грани старой и новой эры лично побывавший в Закавказьи. Так он пишет: «Современники наши могут сообщить кое-что достоверное о том, что касается британцев, германцев и народов обитающих по Истру..., а также и народов Кавказских, как например, Албанцев и Иверов»¹⁹ (к. н. — В. Г.) «Неизвестность господствует и относительно прочих северных стран, лежащих далее, ибо мы не знаем ни Вастарнов, ни Савроматов и вообще никого из живущих выше Понта» (к. н. — В. Г.)²⁰. «Древние эллинские писатели называли все вообще северные народы Скифами и Кельтоскифами... называли Иперборейями, Савроматами и Армиаспами... Саками... Массагетами, не имея возможности сказать о них ничего достоверного... вообще (ни) об этих народах не добыто исследованиями ничего достоверного».. (к. н. — В. Г.)²¹.

Следовательно, о народах «выше (т. е. севернее—В. Г.) Понта», о «северных странах» и «северных народах», в частности о скифах, савроматах и массагетах ни древними писателями не сказано «ничего достоверного», и, по настоящее время, Страбону время, «не добыто исследованиями ничего достоверного»; «Современники наши (т. е. Страбона, грань старой и новой эры—В. Г.) могут сообщить кое-что достоверное о том, что касается... народов кавказских, как например, Албанцев и Иверов».

С такими заявлениями авторитетного географа следует серьезно считаться. Оказывается, что о Северо-Кавказских народах Страбон не располагал конкретными достоверными

¹⁹ В. В. Латышев, лит. соч., т. 1, вып. 1, стр. 102.

²⁰ там же, стр. 109.

²¹ там же, стр. 148—149.

сведениями и кое-что достоверное мог сообщить только об албанцах и иверах.

Поэтому не найдя прямых указаний об этнической принадлежности двалов и будучи вынужденными исследовать вопрос косвенным путем, мы должны сначала идти от известного к неизвестному, т. е. от Закавказских народов и племен к Северо-Кавказским; и с этой стороны найти элементы для определения двалов. Затем эти элементы сопоставить с теми данными о северных народах и племен, которые можно признать за достоверные, и уже после формулировать вывод.

О горцах Кавказа у Страбона есть такие высказывания «мелкие народцы у Кавказа»²², соседние сванам «народцы живущие у Кавказа бедны и малоземельны»²³. «Диоскуриада служит... общим торговым центром для народов живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами»²⁴ (к. и. — В. Г.).

Здесь Страбон, касаясь вообще Кавказских горцев, а именно жителей северной стороны Кавказского хребта, констатирует многоплеменность и многоязычие населения. Отсутствие одного или нескольких больших племен и народностей и дробление населения на мелкие «народцы», конечно, многозначительный факт.

Одновременно он делает оговорку, что «большая часть их (племен—В. Г.) принадлежит к сарматскому племени и все они называются Кавказцами».

Употребление общего имени «Кавказцы» говорит о причислении указанных племен к коренному населению Кавказа. А. одновременная принадлежность их к сарматскому племени ничуть этому не противоречит, наоборот даже подкрепляет, так как широко известно, что античные писатели, в том

²² В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1, стр. 135.

²³ Там же, стр. 138.

²⁴ Там же, стр. 136; см. также стр. 147.

числе и Страбон, не имея достоверных и достаточных знаний о племенах Северокавказских равнин и гор, ряд собственно кавказских племен также причисляли к сарматам.

Это положение находит убедительное подтверждение в следующем: Описывая Иберию, Страбон пишет, что «горную часть (Иберии — В. Г.) занимает воинственное большинство (Иберов — В. Г.), в образе жизни сходное со Скифами и Сарматами, с которыми они находятся и в соседстве и в родстве»²⁵.

Это предложение Страбона должно быть прочитано так: «в образе жизни сходное со Скифами и Сарматами, с которыми (т. е. с сарматами.—В. Г.) они находятся и в соседстве и в родстве». Такое чтение, что «соседство и родство» горцев Иберии Страбон разумел только с сарматами может вызвать возражение, поэтому приведу несколько доводов и соображений в обоснование такого понимания текста Страбона.

Во-первых, формально, нормы языка вполне приемлют такое понимание текста; синтаксис не препятствует такому толкованию фразы и мысли Страбона²⁶.

Во-вторых, по существу, никто из античных писателей не дает убедительного свидетельства о наличии в соседстве с Иберией с севера скифских племен; засвидетельствованные племена горцев Иберии дидуры (дидо), туски (туши), соды (доры)—чартальцы, пховцы, цилканцы, гудамакарцы (о последних трех см. древнюю грузинскую хронику «Обращение Грузии», а также армянскую анонимную географию VII в.²⁷) и др. до настоящего времени единодушно признаются собственно Кавказскими племенами и не возникало даже вопроса о причислении их к ираноязычным—скифским племенам.

Северо-кавказские племена и народности в первых веках старой и новой эр у античных писателей в основном причисляются к сарматским племенам, а не к скифским. Северный Кавказ в целом в эту эпоху тоже причисляют к азиатской Сарматии или просто с Сарматии, а к скифам относят территории к востоку от Каспия и территории от Меотиды до Истра.

Наконец, это подтверждается повторными конкретными и прямыми указаниями в тексте Страбона же: «Большая часть

²⁵ «τὴν δὲ ὄρεινὴν οἱ πλείους καὶ μάχιμοι κατέχουσι. Σαρμάτων δίκην ζῶντες καὶ Σαρματῶν, ὡς περ καὶ ὄμοροι καὶ συγγενεῖς εἰσιν.» В. В. Латышев, инт. соч. т. 1, вып. 1, стр. 139.

²⁶ Ср. фразу у Аммиана Марцелина аналогично построенную: «земли албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами.» т. 2, вып., 2, стр. 331.

²⁷ «Մեծ ԹառնքաՅի Գրութեան Երկրագրութիւն, 1 Գ. 1892, стр. 32—33; и Патканов К., «Армянская география VII в.» СПб. 1877, стр. 36—38.

ца (народов живущих по горам и ущельям Кавказского хребта.—В. Г.) принадлежит к сарматскому племени»: «К югу он (Кавказский хребет.—В. Г.) отделяет Албанию и Иберию, а к Северу—Сарматские равнины»²⁸.

В силу всего вышесказанного вполне логично понять фразу Страбона именно так, что он считал соседями и родственниками горцам Иберии одних сарматов и исключал при этом скифов. В дальнейшем мы будем исходить из такого понимания текста Страбона. Разберем содержание характеристики горцев Иберии данное Страбоном.

«Сходство образа жизни» у горцев и оседлых, с одной стороны, у степняков и кочующих, с другой, может быть только общим, обусловленным общим им низким уровнем развития и культуры. Что Страбон разумел именно такое общее сходство явствует из его же слов: горные и равнинные массагеты живут «подобно кочевникам и скифам. У всех таких народов есть сходство в образе жизни, о котором мне часто приходится говорить, их погребальные обряды, нравы и весь образ жизни сходны; каждый народ в отдельности коварен, дик и воинственен...» (к. н. — В. Г.)²⁹.

Следовательно, для характеристики этнической принадлежности северокавказских горцев и горцев Иберии фраза о «сходстве образа жизни» ничего не дает.

Что касается «соседства» с сарматами, то это сообщение вполне реальное. Страбон и другие античные писатели к сарматам причисляли многочисленные племена Северного Кавказа и постольку это известие о «соседстве» отражает несомненный факт соседства племен южного и северного склонов Кавказа; но также еще ничего не говорит о этнической принадлежности северо-кавказских горцев, или горцев, Иберии.

Наконец, о «родстве» с сарматами. Горную часть Иберии в эти века заселяли помимо собственно горцев-иберов т. е. картов, племена тушин, дидойцев, пховцев, чарцев, чартальцев — цорцев, карсанцев, цилканцев, гудамакарцев и др.³⁰, основная часть коих принадлежала к грузинской и чечено-ингушской народностям.

Как обычно в познании мы познаем неизвестное через известное, так и в данном случае исходя из утверждения Страбона о родстве горцев Иберии с сарматами мы можем и должны

²⁸ В. В. Латышев, цит. соч., т. I, вып. 1., стр. 135.

²⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. I, вып. 1., стр. 152—153.

³⁰ См. Грузинскую хронику «Обращение Грузии» (საქართველოს აღწერა) и Армянскую аноним. географию VII в., издан. Патканов, СПб. 1877.

утверждать не принадлежность горцев Иберии к неизвестным сарматским племенам Северного Кавказа, а наоборот, что ряд неизвестных сарматских племен населявших горы и равнины Северного Кавказа, будучи родственны горцам Иберии, следовательно были родственны грузинской или чечено-ингушской народностям. Раз Сарматы соседящие с Иберией с севера имели образ жизни сходный образу жизни горцев-иберов и были с ними в родстве, следовательно эти сарматские племена Северного Кавказа не были осколками северных кочевников—скифов, а были оседлыми, собственно кавказскими племенами. «Кавказцами», как их и называет сам Страбон³¹.

Несколько раньше Страбон писал, что «большая часть (горских кавказских племен) принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами»³². Следовательно, родство горцев Иберии с сарматами означает родство горцев Иберии с северо-кавказскими горскими племенами. Такое толкование сообщения Страбона является реалистичным — родство северо-кавказских горцев с грузинскими и вейнахскими горскими племенами, племенами населявшими горную часть Иберии, не вызывает сомнений. Оно вполне согласуется и с распространенным в научных кавказоведческих кругах мнением, что понятие «сарматы», в употреблении античных писателей, покрывает собою много совершенно различных племен, в том числе аборигенные северо-кавказские племена.

Такой смысл обобщения Страбона хорошо согласуется и с грузинской исторической традицией; Леонти Мровели (XI в. н. э.) сообщает предание, что Саурмаг сын Фарнаоза (IV—III вв. до н. э.) заселил южные склоны центральной части

³¹ Конкретным и ярким примером, подтверждающим это положение, может послужить факт наличия „Гаргареев на Северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавскими“.

(Страбон—цитировано по Латышеву, стр. 144).

Гаргареев упоминают и другие античные писатели. Локализация—северные предгорья Керавских гор—совпадает с территорией занимаемой чечено-ингушскими племенами. Поэтому мы считаем возможным этноним „Гаргареев“ отождествить с одним из чечено-ингушских племенных названий Галга-ᠭᠠᠷᠭᠠᠷᠡᠢ. Тем самым в свидетельстве Страбона и других можно видеть прямое указание на наличие чечено-ингушских племен на северных склонах Кавказа еще до I века нашей эры.

³² В. В. Латышев, цит. соч., стр. 136.

Главного Кавказского хребта, от Дидости до Сванети выходили из Дзурдзукии, т. е. засели горную полосу Иберии вейнахской этнической массой. Следовательно, и грузинская историческая традиция признает, что горная полоса Иберии была заселена коренным кавказским племенем, родственным и грузинам и дурдзукам, т. е. вейнахоязычному племени. Как мы уже убедились, такого же взгляда держался и Валушты.

Поэтому, если соседние с севера сарматы «находятся в родстве» с горцами Иберии, следовательно эти сарматы являются племенами родственными грузино-вейнахским племенам.

Таким образом Страбон рисует нам общую этническую картину Кавказского хребта, его северных склонов довольно так определенно: Кавказский хребет уже на грани старой и новой эр представлял собою «гору языков», был населен многими мелкими «народцами», в большинстве принадлежащими к сарматам, являвшимися собственно кавказскими народцами, родственными горцам Иберии, т. е. грузинским или вейнахоязычным племенам.

У Страбона мы не нашли ничего конкретного непосредственно относящегося именно к двалам; но поскольку двалы являлись непосредственными соседями Иберии с севера, населяли северные склоны и предгорья Кавказа, все сказанное о «народцах у Кавказа», их принадлежности к Сарматам и родстве с горцами Иберии со значительной долей вероятности может быть распространено и на двалов (хотя, конечно, полной абсолютной уверенности в правильности такого обобщения нет), и тогда двалы оказываются племенем родственным опять-таки грузинским или вейнахским племенам.

Таков тот позитивный результат, который мы добыли подойдя к двалам со стороны Кавказского этнического мира.

Подойдем к вопросу о двалах с другой стороны. На территории Двалетии распространен в настоящее время язык, причисляемый к группе иранских языков. Этот единственный иранский язык, бытующий в горах Кавказа и в частности в Двалетии — осетинский язык, который признан скифо-аланским языком, т. е. языком одного из скифских племен — аланов. Поэтому происхождение ираноязычного населения в горах Кавказа и в частности в Двалетии должно быть связано и связывается обычно со скифским племенем аланов.

Что же известно о взаимосвязях и взаимоотношениях населения Двалетии с племенем аланов в 1 в. н. э.? Можно ли признать двалов 1 в. н. э. аланами? Достоверно известно, что аланы в I в. н. э. жили еще у Меотийского озера. Еще Стра-

бон писал «между Танаидом и Борисфеном живут Роксаланы»³³.

Иосиф Флавий пишет «племя Аланов есть часть аланов, живущая вокруг Танаида и Меотийского озера»³⁴; это самое пишет Лукриан Самосатский³⁵, идентичную локализацию аланов показывает Плиний С.³⁶ Даже на карте Европейской Сарматии по Птолемею изданной Ю. Кулаковским, «Аланам» отмечены к Сев.-Западу от Меотийского озера, а «Роксаланы» — по западному берегу Меотиды. Одновременно Ю. Кулаковский пишет «В таком быту («кочевников, передвигавшихся в степях со своими кибитками и табунами». — В. Г.) находились как во время Птолемея, так и два века позднее, Аланы»³⁷.

Несомненно, это признание Кулаковским сделано на основании сообщений Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.)³⁸.

Единодушное свидетельство этих авторитетных источников не может вызывать сомнения в том, что в I в. н. э. аланы еще кочевали в западных приазовских степях, весьма далеко от Двалетин.

Взаимная территориальная удаленность и оседлый образ жизни двалов и кочевой образ жизни аланов, признаваемый всеми единодушно, не позволяет связать тал-валл-уалов непосредственно с аланами.

Особого внимания заслуживают известия Иосифа Флавия и Корнелия Тацита о нашествиях в I в. н. э. с Сев. Кавказа на Мидию и Армению.

При суждении о нашествиях с Северного Кавказа на юг нужно обратить внимание на имена нападающих племен и на путь их проникновения из Северного Кавказа в Закавказье. Эти моменты прямо помогают установить их племенную принадлежность и локализовать очаги их местожительства на Севере. Тем самым дается возможность судить косвенно и условно, конечно, о племенах севернее Кавказского хребта.

³³ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1, стр. 120.

³⁴ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 2, стр. 484.

³⁵ Там же, стр. 559.

³⁶ Там же. II том, вып. 1, стр. 171.

³⁷ Ю. Кулаковский, Карта Европейской Сарматии по Птолемею, 1899. Киев, стр. 22.

³⁸ Обращает на себя внимание также тот факт, что и на карте середины IV в. н. э., в т. н. Пейтингер. Таблице, надпись Alani стоит на Сев.-западном Кавказе в истоках реки впадающей в Меотийское озеро; между надписями Alani и Divali значительное расстояние занято несколькими различными племенами.

Иосиф Флавий (середина 1 в. н. э.) пишет: «Аланы есть часть скифов, живущая вокруг Танаида и Меотийского озера... замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем ирканцев, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы напали огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... без сопротивления они дошли до Армении, все опустошая...»³⁹ (к. н.—В. Г.). То обстоятельство, что аланы вели переговоры с царем ирканцев и он владел проходом запертым железными воротами, что Иберия при этом ни разу не упомянута, что нашествию подверглась сначала Мидия, а затем Армения говорит убедительно за то, что аланы прошли с востока, а не через Дарьял.

Армянский историк М. Хоренский (VII—VIII вв. н. э.) описывает⁴⁰ нашествие алан на Армению тоже приуроченное к 1 в. н. э. Хотя он не называет прямо пути проникновения алан в Закавказье, но контекст позволяет предполагать скорее Дербентский чем Дарьяльский проход.

Показательно в этом смысле, что М. Каганкатуйский (X в.) описывая этот же эпизод⁴¹ и следуя при этом дословно за М. Хоренским, однако нападающих называет албанами, т. е. нападение представляет происшедшим с сев.-востока, со стороны Дагестана и Прикаспия, а не со стороны Дарьяла.

Тот факт, что нашествия аланов в Закавказье в I в. н. э. происходили через Дербент и через южный берег Каспия, а не через Дарьял указывает ясно на то, что жители центральной части Кавказского хребта, в том числе и двалы (тал-валуалы) не стояли ни в какой связи с этими нападающими аланами.

В рассказе К. Тацита (2 пол. 1 в. н. э.) о войне Иберов с парфянами в 35/36 г. I в. н. э. содержится такое известие: царь иберов в помощь против парфян «призвал сарматов, князья которых по своему обычаю взяв деньги с обоюющих сторон, обещали помощь той и другой...»⁴², те из сарматов которые шли на помощь иберам были пропущены через горы, те же, которые шли на помощь парфянам не были пропущены иберами через горы.

³⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 2, стр. 484.

⁴⁰ М. Хоренский, История Армении, 1893, 2 кн. § 50.

⁴¹ М. Каганкатваци, История агван. СПб, 1861, 1 кн., VII гл.

⁴² В. В. Латышев, цит. соч. т. 2, вып. 1, стр. 234.

Из этого рассказа Тацита видно, что приглашенные для войны в Закавказье, во-первых, названы сарматами, а не аланами, во-вторых, проход их через горы зависел от иберов, т. е., что сами эти сарматы не населяли высокогорную зону Кавказа, в-третьих, эти сарматы имели князей, следовательно, социально были по тому времени значительно развиты, чего нельзя предполагать у тогдашних жителей высокогорной зоны Кавказа. Этим самым Тацит подтверждает: отсутствие алан в 1 в. н. э. в центральной части Кавказа и то, что сарматы участвовавшие в войне иберов с парфянами не стоят в какой-либо связи с племенами высокогорной зоны Кавказа, в частности с двалами.

Следовательно, между известиями Иосифа Флавия и Корнелия Тацита о нашествии алан в Закавказье и участии сарматов в войне иберов с парфянами есть полное согласие по интересующему нас пункту, о взаимосвязях двалов — Двалетии с аланами: они оба подтверждают, хотя и в различных формах, что в центральных частях Кавказского хребта и Северного Кавказа в 1 в. н. э. аланов еще не было, что жители центральной части Кавказа не принадлежали к аланам.

За ограниченностью времени и места мы не можем здесь обстоятельно коснуться сообщений о подготовлявшемся Нероном походе на Восток во второй половине 60-ых годов н. э. Но мы сочли нужным определить свое отношение к этим сообщениям. Некоторыми историками (Моммзен и др.) этот поход понимается как направленный к Дарьяльскому ущелью против алан и таким образом якобы свидетельствующим о наличии алан в это время в Центр. Кавказе. Существующая по вопросу научная литература: М. Ростовцев⁴³, В. Шур⁴⁴, Я. Манандян⁴⁵, О. Кудрявцев⁴⁶, Н. Ломоури⁴⁷, и др. «История

⁴² См. его „Эллинизма и иранства на юге России“, Пгд. 1918.

⁴³ См. его статьи „Die Orientpolitik des Kaisers Nero“, и „Zur neronischen Orientpolitik“, в Klio 1923 г. Beiheft XV, 4, XIX и 1925 г.—XX.

⁴⁴ См. его статью „Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода“ в журн. „Вопросы истории“ за 1946 г., № 7, стр. 66—74.

⁴⁵ См. его статьи „Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона“ в журн. ВДИ за 1948 г. № 2, стр. 83—95 и „Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона“ в журн. ВДИ 1948, № 3, стр. 52—65.

⁴⁶ См. его статью „Հռոմեացի և արեւելաքաղցքական յիշատակագրության մասին“, в Трудах Тбил. Гос. университета, 77 т. 1959, стр. 127—154.

Азербайджана» I т., 1958 и др. прямые свидетельства источников: Плиния («Естественная история» кн. VI, 46) и К. Тацита («Истории», кн. I, § 6) и множество косвенных данных или прямо свидетельствуют, что поход намечался не к Дарьялу, а в другом направлении; или свидетельствуют (будь то вольно, или невольно) об отсутствии достаточного основания для утверждений, будто Нерон намечал поход именно к Дарьяльскому ущелью против алаи. Мы предполагаем еще вернуться к этому вопросу и рассмотреть его обстоятельно, здесь же ограничимся вышесказанным и признанием того, что существующий материал в своей совокупности не дает основания для убедительного утверждения, что Нерон подготавливал поход к Дарьялу против алаи, как это утверждал еще Т. Моммзен, и потому неоправдано ссылаться на сообщения о приготовлениях этого похода, как на аргумент в пользу наличия алаи в Центр. Кавказе, ибо сам этот аргумент еще подлежит быть доказанным.

Второе этническое имя, с которым связывается также происхождение осетинского языка и населения, бытующих на территории Двалетии, является «Асси», «Асеи».

Раннее упоминание их мы встречаем у Страбона (I в. н. э.).

Описывая при-и-закаспийских скифов он пишет: «Все они ведут по большей части кочевую жизнь. Наиболее известны из кочевников... ассины, ласканы, тохары, сакаравлы пришедшие с того берега яксарта...»⁴⁸.

Ассины видимо продолжали еще долго кочевать, так как еще Птолемей Кл. (2 пол. II в. н. э.) перечисляя племена занимавшие азиатскую Сарматию среди ряда имен называет и «Асеев»⁴⁹ у среднего пояса Танаида с востока. И на карте Сарматии изданной Ю. Кулаковским⁵⁰, «Асеи» указаны к востоку от среднего пояса Танаида, а на западе Танаида указаны «Оссины». Наконец, и Томашек так определяет вкратце асеев: «Осеи, сарматское племя, у поворота Танаида, было может часть аланов»⁵¹.

Таким образом «Асси—Асеи» локализируются в I в. н. э. далеко на север от Кавказа у берегов Танаида и вблизи Каспийского моря и я не мог обнаружить какие-либо признаки присутствия «Асси—Асеев» вблизи центральной части Кавказских гор в I в. н. э. или в более раннее время. Вследствие этого «Асси—Асеи» также не могут быть поставлены в какие-либо интимные, генетические связи с Двалами.

⁴⁸ В. В. Латышев, цит. соч. т. 1, вып. 1, стр. 151.

⁴⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1, стр. 238.

⁵⁰ Ю. Кулаковский, Карта Европ. Сарматии по Птолею.

⁵¹ Paulys—Real—Encyclop. II т., 1896, стр. 1514.

Словом, аланы и асы, по имеющимся свидетельствам античных писателей, в 1 в. н. э. и ранее нигде не соприкасаются с тал-валл-уалами, т. е. двалами и постольку признать двалов аланским—асским племенем или «осколком» алан-асс нет никакого основания.

Этим кончаем мы обзор сведений античных писателей (живших в интересующий нас 1 в. н. э. и в смежных веках) для определения этнической принадлежности тал-валл-уалов, т. е. двалов.

В результате ознакомления со сведениями античных писателей мы пришли, с одной стороны, к позитивному выводу, что со значительной степенью вероятности тал-валл-уалов, т. е. двалов можно причислить к аборигенно-кавказским племенам, родственным горцам Иберии и вейнахам, а с другой стороны, пришли к негативному выводу, что нет никакого основания для причисления тал-валл-уалов, т. е. двалов к пришлым аланским племенам.

Позитивный и негативный по форме выводы, по существу между собой вполне согласуются, взаимно подкрепляют и восполняют.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ ОБ АЛАНАХ В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

До 1 в. н. эры упоминание племени аланов в памятниках античных писателей не встречается. Является общепризнанным⁵², что первое по времени упоминание аланов у античных писателей мы находим у поэта Лукана и философа Сенеки (50—60-ые годы 1 в. н. э.). Несколько позже, но во второй же половине 1 в. н. э. аланов упоминает поэт Валерий Флакк, Плиний Секунд и, наконец, Иосиф Флавий.

Разберемся в этих сведениях.

Упоминание аланов Луканом в связи с походом Помпея в Закавказье и упоминание аланов Вал. Флакком в поэме «Аргонавтика» в связи с именем Медуи, есть отчасти результат смешения имен албан и алан, отчасти результат поэтической вольности⁵³. Сообщаемые ими факты в связи с упоминанием аланов не являются исторически реальными фактами и потому содержание этих сообщений не имеет для нас значения и лежит вне интересов настоящего исследования.

⁵² Кулаковский. Аланы по сведениям античных и византийских писателей, 1899, стр. 9; Täubler—„Zur Geschichte der Alanen.“ изд. в Кюю—IX в 1904 г. стр. 14; и др.

⁵³ См. там же, стр. 14.

Здесь важен лишь тот факт, что этнический термин «Аланы» входит в обиход античной литературы со второй половины 1 в. н. э.

Более значительными являются фразы Сенеки «...Истра, представляющий пути к бегству диким аланам...»⁵⁴, сообщение Плиния «к северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена то геты..., то сарматы..., то неблагородные рабского происхождения скифы, трогодиты, затем аланы и роксаланы»⁵⁵, и, наконец, сведения Иосифа Флавия, что «племя аланов есть часть скифов живущая вокруг Танаида и Меотийского озера»⁵⁶.

Таким образом, Сенека, Плиний, Иосиф Флавий локализуют аланов по северному побережью Черного моря, у северной части меотиды (Азовское море) и у Танаида (р. Дон) до Истра (р. Дунай).

Позже, во II в. н. э. Клавдий Птолемей также локализует аланов по западному берегу Танаида, а Периегет Дионисий в припонтийских степях.

В последующие века они встречаются у Дуная, там же упоминаются область Алания и река Алана (приток Дуная).

Таким образом, с 1 в. н. э. в античной литературе установилась прочная традиция связывающая имя аланов территориально с бассейном р. Танаида (Дон), с приазовскими и причерноморскими степями до Дуная.

Заслуживает серьезного внимания тот факт, что ни один из важнейших источников историко-географических сведений 1 века н. э., как Страбон, Плиний Секунд, Корнелий Тацит, не знает аланов в прикавказских степях. Территория Северного Кавказа именуется у них «сарматскими степями», а населяющие Северный Кавказ племена «сарматскими племенами».

Тайблер (Täubler), посвятивший специальное исследование истории аланов, признает, что «о степях севернее Кавказа, где впервые (?! — В. Г.) встречаются (?! — В. Г.) аланы, дает нам Страбон надежнейшие сведения, в особенности ко времени Митридатовской войны;... Однако, Страбон не знает алан-

⁵⁴ В. В. Латышев; цит. соч., т. 2, вып. 1, стр. 133.

⁵⁵ Там же, стр. 171.

⁵⁶ Там же, т. 1, вып. 2, стр. 484.

нов и сверх того, называет во всех областях, в которых они могли бы попасть в поле зрения, другие народы...»⁵⁷.

Далее еще Тейблер обратил внимание на то обстоятельство, что войны римляни 35/36 г. и 49 г. н. э. в прикавказских областях не дали сведений об аланах.

«Тацит использовал военные донесения этих войн, однако аланов не называет так же, как и Плиний в шестой книге, в которой он, по собственному свидетельству, использует новые знания, которые принесли эти войны»⁵⁸.

Все это очень важный аргумент, говорящий об отсутствии аланов еще в середине 1 в. н. э. в непосредственной близости Кавказского хребта.

Тем не менее существует и другая традиция, связывающая первое появление алан на историческом горизонте с Северным Кавказом и приурочивающая хронологически первое появление алан на Северном Кавказе ко второй трети 1 в. н. э.

Эта традиция (Кулаковский, Моммзен, Тейблер и друг.) опирается, вернее старается опереться на свидетельство Иосифа Флавия. Но изначальная, органическая слабость этой традиции заключается в том, что приверженцам ее приходится каждому по своему подправлять Иосифа Флавия, чтобы получить нужную опору в авторитете Иосифа Флавия; ибо сам Флавий непосредственно и в прямой форме не свидетельствует нигде присутствия аланов во второй трети 1 в. н. э. в северных прикавказских степях. Рассмотрим и этот вопрос.

Ю. Кулаковский пишет «точное приурочение имени Алан к обитателям степей переднего Кавказа дано у Иосифа Флавия, писателя несколько более ранней даты чем Тацит»⁵⁹. При этом он разумеет сведение Флавия о нашествии Алан на Мидию и Армению в 72 г. н. э.

По поводу нашествия алан на Мидию в 72 г. н. э. Флавий пишет: «аланы...замыслив вторгнуться с целью грабежа

⁵⁷ „Über die Steppe nördlich des Kaukasus in welcher die Alanen zuerst begegnen, bietet Strabon die sichersten Nachrichten, besonders für die Zeit der mithridatischen Kriege... Strabon kennt aber die Alanen nicht und nennt überdies in allen Gegenden, für welche sie in Betracht kommen könnten, andere Völker“... Klio, int. соч., стр. 15.

⁵⁸ Tacitus benutzte die Lagerberichte dieser Kriege, nennt aber die Alanen ebensowenig wie Plinius im 6. Buche, in welchem er nach eigenem Zeugnis die neuen Kenntnisse, die diese Kriege brachten wertete“, там же, стр. 17.

⁵⁹ Ю. Кулаковский, int. соч., стр. 9.

в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканцев, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... без сопротивления они дошли до Армении, все опустошая...»⁶⁰.

Из контекста ясно, что нашествие совершено по представлению Флавия с востока через Гирканский проход; однако Кулаковский считает, что Иосиф Флавий «очевидно знал только один кавказский проход»⁶¹ и поэтому допустил ошибку, что «мы вправе предположить» в его сообщении неточность и утверждать, что аланы прошли на юг не через Каспийские, а через Кавказские ворота»⁶².

Это «предположение» ошибки у Иосифа Флавия довольно-таки произвольно и совершенно не убедительно; ибо если аланы прошли в 72 г. н. э., через Дарьял, то они опустошили бы сначала Иберию, затем Армению и под конец Мидию; а по Флавию аланы разорили сначала Мидию, а затем Армению, а Иберия и вовсе не упомянута, т. е. нашествие произошло с востока, а не с запада или севера.

Таким образом, или Флавий дает сведение полное ошибок—смешаны проходы Кавказа, неверно изображено направление нашествия с востока на запад—и тогда это известие не заслуживает вообще доверия и опираться на эти сведения нельзя, или же проникновение Алан по Каспийскому побережью и направление нашествия с востока на запад верно, но тогда аланов нельзя локализовать в центральной части Северного Кавказа.

Пытаясь объяснить и преодолеть очевидную внутреннюю противоречивость этого сообщения Иосифа Флавия Тейблер пишет: «...это... сообщение оправдывается тем доводом, что в 72 (73) г. нашествие аланов с востока было возможно. Этот довод может быть представлен с двух сторон»⁶³. Во-первых, Птолемей различает европейских и азиатских, на территории современного Туркестана, аланов; с фактом локализации имени алан восточнее Каспия мы встречаемся и после Птолемея, а именно у Аммиана Марцелина, во-вторых,

⁶⁰ В. В. Лагмшев, цит. соч., т. 1, вып. 2, стр. 484.

⁶¹ Ю. Кулаковский, цит. соч., стр. 10.

⁶² Там же, стр. 11.

⁶³ „...der... Bericht durch den Nachweis rechtfertigen lässt, dass in J. 72 (73) ein Alaneneinfall von Osten her möglich war. Und dieser Nachweis lässt sich von zwei Seiten erbringen“. Там же, стр. 19.

китайские анналы, относящиеся ко времени 25—221 гг. н. э., упоминают имя аланов, причем из общего контекста явствует, что упомянутые в них аланы находятся восточнее Каспия. На этом Тейблер заключает: «раз этим удостоверяется возможность нашествия алан с востока, то тем самым»⁶⁴ разрешается и внутренняя противоречивость сообщения Флавия.

Таким образом Тейблер отрицает толкование, предложенное Ю. Кулаковским и, признавая некоторую путанность сообщения И. Флавия, считает верным толковать это как сообщение о нашествии алан из Ср. Азии через Гирканский горный проход.

Критически отнесся к этому вопросу и Маркварт⁶⁵. Он не разделяет мнения Тейблера, что в 72/73 гг. н. э. возможно было нашествие алан с востока, т. е. из Средней Азии; но он опровергает и Моммзена признававшего, что данное нашествие произошло через Дарьяльское ущелье. Решающим аргументом для него является маршрут движения (Мидия—Армения) кочевников. Увязывая с этим предание о железных вратах, сделанных якобы Александром Македонским в Дербенте, и вероятную подчиненность Дербентского прохода в 1 в. н. э. (в 35 г. и 72/73 гг. н. э.) Гирканскому царю, Маркварт приходит к выводу: «Из этого следует, что кочевники могут быть проникнувшими не через Дарьяльский проход — ибо этот путь привел бы их сперва в Армению, — а только лишь через собственно Каспийские врата, через Дербентский проход»⁶⁶.

Итак, Маркварт расходясь с Тейблером в вопросе положительного определения откуда (через Гирканский или Дербентский проход) произошло нашествие алан в 72/73 г., полностью согласуется с Тейблером в том, что этим проходом не был Дарьял. А это и является наиболее существенным для исследуемого нами вопроса.

Данного сообщения И. Флавия коснулся и акад. Я. Манандян⁶⁷. В итоге своего анализа, в процессе которого он признает это сообщение И. Флавия в целом путанным и спор-

⁶⁴ „Ist somit die Möglichkeit eines Alaneneinfalls von Osten her gesichert, so ist damit...“ Там же, стр. 21.

⁶⁵ См. его статью „Iberer und Hirkaner“ в журн. „Caucasica“, № 8, 1931, стр. 78—113.

⁶⁶ „Hieraus folgt, daß die Nomaden nicht durch den Paß von Darial gekommen sein können—dieser Weg hätte sie zuerst nach Armenien geführt—, sondern nur durch das eigentliche Kaspische Tor, den Paß von Darband“. Там же, стр. 84.

⁶⁷ См. его статью „О местонахождении Caspia via и Caspiae pertae“ в журн. „Исторические записки“, № 25, 1948, стр. 59—70.

ным, Я. Манандян приходит к выводу: «можно предположить, что вторжение аланов в Армению, о котором сообщают Тацит и Иосиф Флавий, могло иметь место именно оттуда, по магистральному пути из Колхиды, а не через Дарьяльский проход»⁶⁸. И еще «через какой из этих (Дарьяльский, Зекарский, Сурамский, Дербентский—В. Г.) проходов вторглись Аланы в Армению и Мидию, определить очень трудно, т. к. об этом нет прямых или косвенных указаний в источниках. Однако... в 72 г. они могли быть впущены царем Иберии в Армению и Мидию по этой же магистрали (т. е. по Мэотидо—Колхидской дороге—В. Г.⁶⁹).

Итак акад. Я. Манандян не разделяет категорического утверждения будто сообщение И. Флавия разумеет нашествие алан через Дарьял и со своей стороны считает скорее возможным признать путем следования алан в 72 г. н. э. Мэотидо-Колхидскую дорогу, считает Мэотидо-Колхидскую дорогу более вероятным путем движения алан на Армению и Мидию, чем Дарьяльский проход.

Одновременно акад. Я. Манандян в форме общей фразы допускает наличие алан в I в. н. э. в Центр. Кавказе, хотя и не указывает конкретно на чем основано его такое допущение. Вследствие этого последнее его признание мы не можем подвергнуть обсуждению.

Тот факт, что многие ученые (Моммзен, Тейблер, Маркварт, Манандян и др.) признают сообщение И. Флавия о нашествии алан в 72 г. н. э. на Мидию-Армению путанным и внутренне противоречивым; что о пути следования алан имеются разнообразные концепции (Дарьяльский, Дербентский, Гирканский проходы и Мэотидо-Колхидский путь); что при этом первоначально (Моммзен, Кулаковский) был признан Дарьяльский вариант, а именно последующие ученые (Тейблер, Маркварт, Манандян) отрицают Дарьяльский путь и предпочитают отдать другим путям—все это делает несомненным во всяком случае, что на свидетельстве И. Флавия строить утверждение о наличии алан в I в. н. э. в Центр. Кавказе нельзя—делает несомненным, что такая аргументация не выдерживает критики.

В Сев. Кавказских степях локализует первое появление алан и Тейблер, но ссылающийся при этом не на приведенную цитату из «О войне иудейской», а на текст из «Иудейских древности», также Иосифа Флавия. При этом Тейблер приурочивает первое появление и упоминание алан к войне рим-

⁶⁸ Там же, стр. 66.

⁶⁹ Там же, стр. 70.

Аланы и Даклы
в I в. н.э.
локализация
по античным данным

лян в союзе с иберами и албанами против парфян в 35/36 г. н. э. и пытается найти поддержку своему этому утверждению в сообщениях Иосифа Флавия.

Упомянув Вал. Флакка и Плиния Сек. он продолжает: «затем следует по времени упоминание аланов у Иосифа в 35 г. н. э., которое следовательно было бы рассматриваемо как первое (хронологически упоминание алан.—В. Г.) если бы можно было оградить его аутентичность от недавно выраженного сомнения»⁷⁰.

Дело в том, что аутентичность упоминания Флавием имени аланов не признается многими учеными — специалистами (Набер, Маркварт и др.), что подчеркивает и сам Тейблер; по установленному тексту Иосифа Флавия принято читать имя «скифы», а не «аланы»⁷¹.

Но Тейблер пытается рассеять это неверие в аутентичность упоминания имени «аланы» и косвенным доводом (передвижением Сираков и Аорсов на запад и север) старается доказать возможность присутствия в этих местах и в это время аланов. Однако этот косвенный довод висит в воздухе, так как передвижение сираков и аорсов связывается им с движением аланов без наличия на то каких-либо подтверждающих объективных данных и является по существу плодом его собственных домыслов.

Наконец, Тацит писавший несколько позже Иосифа Флавия об этом же событии, в соответствующем месте называет не «алан» а «сарматов».

Это обстоятельство значительно укрепляет недоверие к гипотетическим предположениям Тейблера; с другой стороны, оно убеждает, что сомнение в аутентичности выражения «аланов» у И. Флавия (в связи с войной 35 г. н. э.), возникшее по текстуально—филологическим соображениям, основательно и, признаваемое, на основании наиболее раннего латинского перевода, употребленным в оригинале выражение «скифы», должно быть не случайного происхождения.

Вследствие всего этого мы не можем разделить взгляд Тейблера о якобы упоминании Флавием в книге «Иудейские древности» имени аланов.

Итак, традиция, возникшая на базе сведений Иосифа Флавия и пытающаяся приурочить первое появление алан в I в. н. э. к степям Центрального Сев. Кавказа страдает в значи-

⁷⁰ „...es folgt nun der Zeit nach die Erwähnung der Alanen bei Josephus zum J. 35 n. Chr., die mithin als erste anzusehen wäre, wenn ihre Authentizität sich gegen jüngst geäußerte Zweifel sichera liesse“, там же, стр. 15.

⁷¹ В. В. Латышев, цит. т. I, вып. 2, стр. 482.

тельной мере произвольностью своих суждений и потому неубедительна. Одновременно, античная литература не содержит каких-либо других данных, могущих служить основанием для утверждений о наличии значительной массы алан в I в. н. э. в степях, примыкающих к горной зоне Центр. Кавказа.

Из всего вышеизложенного мы резюмируем: данные, содержащиеся у античных писателей локализуют алан у Дона и в приазовских степях, с одной стороны, и по северо-западному Каспийскому побережью, с другой стороны.

Поэтому правильнее сказать, что при первом появлении на горизонте истории, аланы у античных писателей локализованы не в степях, примыкающих с севера к Центр. Кавказу, а в южн. России, в южно-русских степях—между Доном и северо-западным углом побережья Каспия⁷².

4. ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДВАЛОВ

(О двало-картских взаимоотношениях)

Переход от язычества к христианству, будучи сменой религии, являясь глубоким идеологическим преобразованием, обусловленным тем глубоким преобразованием социально-экономического и политического строя, которые испытывала Европа и ближний Восток, переходя от античного рабства к средневековому феодализму. Это идеологическое преобразование в течение первой половины эпохи средневековья проявляет себя постепенно все более и более полно по мере становления нового социально-экономического и политического строя, по мере выявления потенций этого нового. У разных народов христианство вводилось в различные эпохи, в различных внутри и внешне-политических условиях; но как фактор идеологического порядка христианизация везде имела большое культурно-политическое значение. Христианство, как особая идеология, наложило сильнейший отпечаток на все области культуры эпохи средневековья и христиано-церковная организация играла важную роль в области внутренней и внешней политики средневековых государств.

В силу такого общего положения, в деле исследования исторических судеб двалов средневековья многообещающим представляется нам исследование вопроса христианизации двалов.

⁷² По существу тождественное определение дает и M. Vasmer „Alavoi Volk. urspr. in der Steppenregion nördlich des Kaspischen Meeres und des Kaukasus bis zum Tanais“. см. M. Vasmer—Die Iranier in Südrussland⁶, 1923, стр. 31.

При этом не касаясь общих вопросов христианской религии, как особой формы общественного сознания и особого вида религии, мы христианизацией двалов интересуемся лишь в аспекте культурно-политической роли, сыгранной ею в исторических судьбах двалов.

Изучение христианизации двалов, выявив пути проникновения христианства в Двалетию, хронологические рамки и исторический фон на котором протекал этот процесс, прочность — стабильность христианско-церковной организации даст основание судить и о культурно-политических связях двалов, и тем самым ознакомит нас с некоторыми моментами исторических судеб двалов.

Религиозный признак, принадлежность к той или иной церковной организации в средние века был одним из решающих моментов, определявших принадлежность, примыкание индивида или коллектива к соответствующей этнической общности. Постольку проработка темы христианизации двалов даст нам возможность судить не только о их культурно-политической ориентации, но, в некоторой степени, еще и об их этническом самосознании, о их сознании своей принадлежности к определенному этническому кругу.

Христианизация двалов является одним из звеньев в общем процессе внедрения христианства в высокогорную зону Большого Кавказа, поэтому правильно понять процесс христианизации двалов можно только в перспективе христианизации вообще населения высокогорной зоны Кавказа.

Ближайшим рассадником христианства, ближайшим центром христианской культуры для высокогорной зоны Центрального Кавказа являлась Картли; отсюда идут миссионеры, отсюда исходит пропаганда христианства и соответствующие государственные мероприятия.

Таким образом Двалетия становится сферой деятельности грузинской христианской церковной организации. Поскольку позволяют судить наличные исторические свидетельства, участие в христианизации Двалетии других, помимо грузинских, христианско-церковных центров исключено; во всяком случае, они не оставили каких-либо ощутительных следов. Поэтому к исследованию христианизации двалов мы подходим со стороны Грузии.

Процесс распространения христианства по Грузии, вследствие неблагоприятных внешне-политических обстоятельств и консерватизма быта и сознания населения, затянулся. Особенно упорно сопротивлялись распространению христианства горные общества не желавшие расстаться со своей родоплеменной религией, с язычеством. На этой почве возникает борьба между горными обществами и центральной государ-

ственной властью. В ней сказалась сила замкнутого в себе натурального хозяйства горцев, стремление к сохранению самобытности и идейно-моральная недоразвитость, как следствие консерватизма быта и сознания горцев, с одной стороны, а с другой стороны, стремление центральной государственной власти к созданию большого единообразия культуры, единых моральных понятий общенародного масштаба для большей консолидации страны и населения.

Борьба за и против христианства была формой борьбы между тенденциями за большую общенародную культуру и за сохранение племенной самобытности, борьбой тенденции за создание единого большого социального (народного) объединения с тенденцией к сохранению своей автономности отдельных племенами.

Эта борьба была проявлением стремления государственной власти привязать к себе и подчинить себе новыми узами народные массы горцев и стремления горцев отвести от себя, чуждые ему пути, нетребуемые ему в силу своего внутреннего развития и нежелания в той или иной степени и форме закабалиться.

Государственная власть настойчиво добивается в течение ряда веков распространения христианства в высокогорной зоне Кавказа¹. Несмотря на это горные общества туго поддаются христианской проповеди².

Такова была общая обстановка в первые века после признания христианства государственной религией в Грузии: тьковы были общие условия первоначального распространения христианства среди горного населения.

Что можно сказать о распространении христианства в частности в Двалетии? Какими фактами мы располагаем для этого?

Мцхета³ давно став очагом общегрузинской государственности и государственным центром, теперь стала и очагом рели-

¹ *ქართველი ეკლესიის ისტორია*, თბ., 1935, стр. 125, 130, 229 и др.

² Цит. соч., стр. 116, 126, 200, 205 и др.

³ Сообщения Леонтия Мровели, Эфрема Мцире и др. о миссионерской деятельности апостола Андрея Первозванного и Симона Кананита в Абхазии и Осетии, а также Варлаама—Варфоломея в Карли и в высокогорной зоне Большого Кавказа, если при всей сомнительности, и отражают в некоторой степени какие-то исторические факты, то эти факты при наличии в I в. н. э. господства язычества в Римской империи Армении, Грузии и других странах могли бы иметь исключительно и крайне ограниченный эпизодический характер. К тому же в этих сообщениях Двалетия не упомянута. Поэтому для интересующей нас темы они не могут быть использованы и мы считаем себя вправе их игнорировать.

тии претендующей быть единой общегрузинской религией и центром христиано-церковной организации. Этот очаг излучая энергию постепенно расширяет ареал своего действия. Для нас в высшей степени важно проследить экстенсивное распространение христианства в зоне Большого Кавказа и тем самым сделать очевидным ту реально-историческую связь, в которой произошла христианизация двалов.

Оно тем более интересно, что в грузинских летописях христианизации именно населения Большого Кавказа уделено много внимания. Это нужно признать показателем того, что христианизации горцев государственные и церковные власти придавали большое значение и прилагали к этому много усилий. Такое направление устремлений христиано-миссионерской деятельности для Картли было естественным, так как юг, юго-запад и запад были в сфере влияния уже христианизированных государств, там развернули свою деятельность Византия, Антиохия, Армения. Оставались лишь север и восток, как поприще для миссионерской деятельности, где еще можно было вербовать прозелитов, за счет которых еще можно было и нужно было расширять свою паству. Этот север и восток представляли собой в основном именно зону Большого Кавказа и сюда устремилась экспансия грузинской церкви, поощряемая и поддерживаемая государством.

В этом отношении весьма показательны маршрут миссионерской экспедиции Нины сначала на север к горцам (до Цобени), затем на восток (в сторону Кахети) и слова, приписанные царю Миряну о его желании в принудительном порядке приобщить к христианству горцев и зятя Пероза (эристава ранского)⁴.

За этими словами и фактами, имеющими ряд параллелей в других исторических памятниках, скрывается большой вопрос борьбы царской власти и христианской церкви над разрешением задач по дальнейшей консолидации грузинского народа и государства.

Можно указать несколько этапов постепенного распространения христианства от Мцхета в сторону Двалетии.

1. После крещения жителей Мцхета и всей Картли остались некрещеными горцы Б. Кавказа⁵. Стремясь приобщить

⁴ ქართლის ცხოვრება. თბ., 1955, სტრ. 125.

⁵ „და წარემართა მოთე და ყოველი ქართლი ქრისტიანობასა მონებრად ემბრთა დი აითა“. მოკც. ქართლისაჲ. E. Такайшвили, опис. рук. . . . II т., III в., стр. 7.5:

„ნათელ ილეს ყოველმან ერმან... ქართლისამან თენიებო არა ნათელ ილეს მთიულთა ქვეახიანთა“, ქართლის ცხოვრება, изд. 1955., სტრ. 116.

к христианству и кавказских горцев просветительница ^{Нина} переносит свою деятельность в ущелье Арагви. Царь поручил эриставу сопровождать Нину. Эристав—воплощение вооруженной силы государства. Дойдя до местности Цобени «они призвали к себе горцев... чартальцев, пховцев, цилканцев и гудамакарцев». Население названных ущелий враждебно встре-

⁶ „მოქცევის მთელი... კართაღელთა, ფოცელთა, წილკანელთა და გუდამაყრელთა“, ქართლის ცხოვრება, цит. изд., стр. 125, см. также მოქცევა ქართლისაჲ, цит. изд., стр. 716. Считаю нужным остановиться на вопросе текстуального характера. В „Картлис цховреба“, издании С. Каухчишвили, текст дает перечень „чартальцев, пховцев, цилканцев и гудамакарцев“. Мы ставим под сомнение правомерность чтения слова „цилканцев“ в данном контексте, и предполагаем правильнее читать здесь „წილ(ლა)კასანელთა“, что буквально означает „закасанских“.

В пользу чтения „циаглакасанцев“ у меня следующие аргументы. I. Текстуального характера.—Проф. С. Каухчишвили в итоге своих наблюдений над рукописями „Картлис Цховреба“ объясняет разночтения „Картлис Цховреба“ списка царицы Анны, содержащей именно форму „циаглакасанელი“ тем, что редактор первоначальной рукописи, послужившей оригиналом для списка царицы Анны, имел под рукой один вариант „Обращения Картли“—отличный от шатбердского и челишского вариантов—, а редакторы других списков „Картлис Цховреба“ пользовались другим вариантом „Обращения Картли“. „ანასეული ქართლის ცხოვრების ახალი ადგილები ლეონტი მროველის თხზულების თარგუმში აღსანიშნავია იმით, რომ ანასეული „ქართლის ცხოვრების“ პირველ-დედნის რედაქტორს ხელმოქონია „მოქცევა ქართლისაჲ“ (წინის ცხოვრების ჩათვლით) სხვა ვარიანტი ზოლო მარიამისეული „ქართლის ცხოვრების“ და დანარჩენ ნუსხათა რედაქტორებს—სხვა“. (ქართლის ცხოვრება, ანა დედოფლისეული ნუსხა, თბ., 1941, გ. XVIII).

Следовательно, не исключено, что форма „циаглакасанელი“ могла быть уже в той ранней рукописи, которая послужила прототипом для „Картлис Цховреба“ списка царицы Анны.

Помимо того, что древнейшая рукопись „Картлис Цховреба“—список царицы Анны (XV в.)—содержит форму „циаглакасанцев“, и в армянском переводе „Картлис Цховреба“ (рукопись XIII в.) мы встречаем (в соответствующем месте) форму „цилкаси“, и в челишском варианте (рукопись XIV в.) „Обращения Картли“ соответственно форму „цалкасиелта“. Фиксированная в двух последних случаях в корневом слове „с“ („-каси“) дает основание разуметь здесь название реки „Касани“ (var, Ксани). Первый же слог „цил-цал“ может быть объясняется как титло, или искаженные „циаг“—„циагла“.

II. Логического характера.—Нина, направляющаяся из Мхета в горы для проповеди христианства, должна была пройти попутно через Цилкани. Поэтому приглашение Ниной цилканцев в Цобени, находящегося

чает проповедь христианства, не желает отказаться от своей языческой религии. Тогда на сцену выступает государственная власть (эристав) и в принудительном порядке приобщает часть горцев к христианству. Итак, после того как христианство было признано государственной религией в Карли христианская проповедь направилась сперва в ущелья р. Араги (и Ксани). Но встречает здесь прямое сопротивление и имеет небольшой успех.

2. При ближайших преемниках царя Мириана продвижение христианства в ущелья Араги идет успешнее и закрепляется постройкой ряда церквей.

Так, Л. Мровели сообщает, что уже следующий царь Бакар Мирианович «обратил в христианство большинство кавказцев»⁷. (По грузинской этнонимической номенклатуре термином «кавказцы» обозначались не лезгин-дагестанцы и ни осетины, а чечено-ингушские племена, двалы, чартальцы и др. мелкие племенные единицы Центрального Кавказа; этого вопроса мы касались подробно уже выше).

Тогда же построили церковь в Цилкани⁸, несколько позже церковь Степан-Цминда тоже по ущелью Араги⁹.

По сообщению Джуаншера ко времени Вахтанга Горгасала «некоторые из них (царей кавказских — В. Г.) верили в распятие»¹⁰.

Следовательно, нужно признать, что во 2-ой половине IV в. и 1-ой половине V в. н. э. христианство достигло заметных результатов по ущелью р. Араги и вообще среди населения высокогорной зоны. Однако не все, а лишь часть «кавказцев», естественно разумея территориально ближайших, приняла христианство. Поэтому предполагать и двалов в чис-

много дальше в горах, кажется неестественным. Одновременно, ксанское ущелье отдалено от Цобени примерно на такое же расстояние, что и Гудамакари, Чартали, Пхови. Поэтому упоминание ксанцев рядом с пховцами и чартальцами кажется естественным.

Если наши аргументы и недостаточны для категорического утверждения, тем не менее они представляются нам достаточными для постановки вопроса имеющего некоторый интерес.

⁷ „ამან მოაქცივნა უმრავლესნი კავკასიანი“ — ქართლის ცხოვრება, სტრ. 130.

⁸ „ამან ალაშენა ეკლესია წილკნისა“ — ქ. ცხოვრება, სტრ. 131; см. также მოქცევაჲ ქართლისაჲ, цит. изд. სტრ. 720.

⁹ „ალაშენეს სტეფან-წმიდათ არაგოსა ზედა“ — მოქცევაჲ ქართლისაჲ, სტრ. 721; см. также ქართლის ცხოვრება, цит. изд., სტრ. 140.

¹⁰ „რომელთამე მათგანთა აქუნდა სასოება ჯუარცმელისა“ — ქართლის ცხოვრება, სტრ. 179.

ле уже христианизированных, хотя бы даже только формально и поверхностно, нельзя; нам кажется это еще преждевременным.

3. Армянский письменный памятник конца VI в. «Книга посланий» — *Գրք թղթայ* сохранил перечень грузинских епископств начала VI в.; это список грузинских архиереев, участвовавших на церковном соборе в 506 г. В числе присутствовавших на церковном соборе были епископы Циланский, Самтависский, Руисский и др.¹¹. Из этого вытекает, что еще раньше того существовали епархии Циланская, Самтависская, Руисская и ближайшие горные ущелья не только Арагви, но и Ксани, Рехулы, Исроли, Проне являлись естественным полем их деятельности. Это означает большое расширение линии, с востока на запад, наступления христианства на южные ущелья Центр. Кавказа. Итак во 2-ой половине V в. христианство уже распространено в ущельях между р. р. Арагви и Лиахви и здесь организованы особые Циланская и Самтависская епархии.

4. Джуаншер сообщает¹², что Вахтанг Горгасал в последние годы своего царствования построил церковь в Никози, у выхода р. Лиахви из гор, и назначил там епископа.

Никозский епископ не виден среди участников церковного собора 506 г. Но одно это обстоятельство еще не опровергает сообщения Джуаншера. По признанию акад. И. Джавахишвили¹³ не все епископы грузинской церкви участвовали на этом соборе так, что и Никозский мог быть среди отсутствовавших. Тем более что и по Джуаншеру она была только-только организованной. Но если даже сомневаться в хронологической точности сообщения Джуаншера о времени создания Никозской епархии, все же на основании этого сообщения и факта наличия еще во 2-ой половине V в. Самтависской и Руисской епархий, территориально смежных с Никозской, можно легко допустить датировку этого факта 1-ой половиной VI в. Учреждение Никозской епархии было логически неизбежным шагом в процессе поступательного развития христианства в Грузии.

Наличие же такого процесса в Грузии тех чеков вне всякого сомнения.

Таким образом, в 1-ой половине VI в. возникает Никозская епархия, которая должна была иметь полем своей деятельности ущелье р. Б. Лиахви. Тем самым проповедь хри-

¹¹ ს. კაკაბაძე, ქართული საბუნწიფოებრივობის გენეზისის საკითხები, № 1, საისტ. მონაბე, 1924, სტ. 103.

¹² ქართლის ცხოვრება, ტტ., იზდ., სტ. 199.

¹³ ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, ტ. I, 1951, სტ. 202.

стианства в 1-ой половине VI в. подходит вплотную к территории Двалетии, находящейся в самых верховьях р. Б. Лиахен и севернее Лиахвского ущелья, за хребтом.

5. Метафрасная редакция жития Давида Гареджели, одного из 13-ти сирийских подвижников, уже прямо называет Двалетию. В этом сочинении сказано, что Давид Гареджели «приказал ученикам своим, чтоб каждый из них пошел в другие места и проповедывал евангелие божие и покаяние для прощения грехов». И ученики «пошли как овцы меж волков и некоторые из них пошли к пределам Кахетии, а другие в горные места к жителям Дуалетии»¹⁴.

Давид Гареджели историческая личность, но в датировке эпохи деятельности сирийских подвижников имеются некоторые разногласия. Поэтому мы будем не далеки от истины если примем середину VI в. за время деятельности Давида Гареджели. Итак, с середины VI в. Двалетия непосредственно стала полем христианско-миссионерской деятельности.

Правда, в древнейшей, много более короткой, редакции жития Давида Гареджели о Двалетии ничего не сказано. Это легко объяснимо краткостью повествования. Метафрасная же редакция, возникшая по С. Какабадзе¹⁵ в начале X в., а по определению К. Кекелидзе¹⁶ в 1-ой половине XII в., включила сведения о Двалетии, видимо, пользуясь неизвестными другими источниками или на основании существовавшей устной традиции. Тот факт, что Двалетия названа поименно, наравне с Кахетией, говорит за определенное значение придававшееся грузинской церковью христианизации двалов, говорит о наличии прямых связей Картли с Двалетией, о заинтересованности Двалетией.

Конечно, литературное произведение X—XII вв. как источник исторических сведений о событиях VI в. не может не вызывать некоторого сомнения в своей достоверности. Поэтому

¹⁴ „უბრძანა მოწაფეთა ჴვისთა, რათა წარვიდეს თითოეული მათი სხვათა მიმართ ადგილთა და ქადაგებად სახარებასა უფლისასა და სინანულსა მოსატევებლად ცოდვათა...“ და ისინიც ე. ი. დავით ვარესკელის მოწაფეები „წარივლინეს ვითარცა ცხოვარნი შორის მგელთა, და რომელნიმე მათგანნი კახეთისა საზღვართა მიმართ მიიწივნეს, ხოლო სხვანი მთისა კერძოთა დუაღეთისა მკვიდრთა მიმართ“ ასურელ მოღვაწეთა ცხოვრების წიგნთა ძველი რედაქციები — გამოსცა ილ. აბულაძემ, 1955. სტრ. 150.

¹⁵ ს. კაკაბაძე, ასურელ მამათა ცხოვრებათა არქეტიპები, 1928, სტრ. 8.

¹⁶ კ. კეკელიძე, ძველი ქართ. მწერლ. ისტორია, ტ. I, 1951, სტრ. 506—507.

му на основании одной только метафрасной редакции жизни Давида Гареджели мы не смогли бы признать середину VI в. временем первого проникновения христианства в Двалетию. Но предпосланный обзор процесса распространения христианства в горных районах Грузии делает вполне приемлемым такую датировку.

В пользу реальности такой датировки говорит еще одно сообщение хроники VIII—IX в. «Обращение Картли», «Персы покорили Картли и вступили в Кавкас и взяли (или построили) осетинские врата. Одни большие врата в Осетии же и двое в Двалетии и одни в Парчуане, Дордзокетском». Это сообщение касается событий VI в., о которых повествует и Прокопий Кесарийский¹⁷.

Следовательно «Обращение Картли» подтверждает, что в VI в. Двалетия вместе с Картли находилась в орбите Персидского политического господства. Нахождение в единой политической орбите безусловно должно было облегчить и поощрить культурно-религиозные связи. Поэтому проникновение христианства в Двалетию в середине VI в., в силу существовавшей тогда политической обстановки, представляется вполне реальным и правдоподобным.

У нас нет каких-либо сведений о том как встретили двалей христианских проповедников. Но история распространения христианства среди других племен и обществ горцев, а также эпитет «Волки», примененный автором метафрасной редакции жизни Давида Гареджели к населению, подлежащему обращению, заставляет предполагать недружелюбный прием миссионеров двалами. Несомненно, что христианство не привилось бы среди двалов с первых же проповедей. Тем не менее знакомство двалов с христианством, с новой моралью, с новым мировоззрением, с новым жизненным чувствованием произошло уже в VI в. и это, конечно, было знаменательным событием в истории населения Двалетии.

Не исключено, что в Двалетии были христианские миссионеры и ранее. Вспомним Варлаама умершего в горах Кавказа. Несомненно, что до Двалетии еще ранее дошла бы весть о христианизации Картли и т. п. Но в отношении этой более ранней эпохи мы лишены почвы конкретных исторических фактов и попадаем в сферу домыслов и умозаключений.

Итак, основываясь на грузинских письменных памятниках можно заключить, что христианская проповедь впервые проникает непосредственно в Двалетию по меньшей мере с середины VI в. и эту проповедь несут миссионеры из цент-

¹⁷ ს. ყაუხჩიშვილი, პეორტეკა, ტ. II 1934.

ральных районов Картли (Вост. Грузия). С этого времени можно твердо говорить о христианстве в Двалетии. А следовательно о возникновении новых уз, связующих Двалетию с Картли.

Таким образом, христианство, признанное официальной религией в Картли в 30-ых годах IV в., постепенно распространяется по периферии Картли. Государственная власть — цари Грузии и возникающий класс феодалов поддерживают христианскую церковь, содействуют ей всемерно. С первых же шагов мы видим тесный союз и контакт между христианской церковью и государственной властью Грузии. Несмотря на сопротивление горских общин, при содействии государственной власти, христианство, преодолевая трудности, проникает в середине VI в. даже в столь отдаленные ущелья, какими были ущелья Двалетии.

Конечно, первоначально христианство привносилось лишь формально и поверхностно, но с течением времени, по мере социал-экономического развития оно должно было проникать глубже и более органично вживаться в быт и сознание населения. Так должно было быть и в Двалетии.

VI в. это эпоха когда старая грузинская государственная организация была уже разбита и царский институт в Картли ликвидирован. Поэтому грузинская светская власть не может оказывать столь эффективной и энергичной поддержки деятельности церкви. Тем не менее, во 2-ой половине VI в. положение христианской церкви уже улучшается. Этому содействуют приход и подвижническая деятельность «сирийских отцов», усиление Византии, прекращение притеснений со стороны персов, установление светской власти картлийского эристава.

О росте силы и значения грузинской христианской церкви в VI—VII вв. красноречиво свидетельствует постройка в это время столь выдающегося памятника грузинской культовой архитектуры, каким является монастырь Джвари около Мухета, затем Атенского Сиона и др. Одного из картлийского эристава того времени Джуаншер характеризует так: «Степанос этот был более всех карталинских царей и мтаваров верующим и очиститель веры, строитель церквей»¹⁸.

Грузинская церковь чувствовала себя настолько окрепшей, что в борьбе за паству смогла пойти на разрыв сношений с армянской церковью в начале VII в. Это все дает основание пред-

18. «ესე სტეფანოს იყო უმეტეს უოველთა ქართლის მეფეთა და მთავართა მორწმუნე და განმწმენდელი სჯულისა, მამუნებელი ეკლესიათა». ქართლის ცხოვრება, იმ. изд., стр. 228.

полагать, что до середины VII в., до нашествий арабов, ^{и тюрк} же и хазар, христианская проповедь в дальних ущельях Большого Кавказа, а следовательно и в Двалетии не прекращалась ^{и должна была сделать дальнейшие шаги.}

В последующем, до X в. о положении христианства в Двалетии мы не располагаем прямыми свидетельствами. А ригористично можно признать, в эпоху арабов, неблагоприятную для христианства, ослабление христиано-миссионерской деятельности и колебание в положении христианства среди племен Большого Кавказа, в том числе и в Двалетии.

Положение христианства в центральных районах Картли было шатким (вспомним Иоанна Сабанисдзе), власть эриставов картлийского сильно ограничивалась арабами; в силу этого Картли — центральная государственная и церковная власти — не могла оказывать своим адептам нужную поддержку в дальних ущельях Кавказа. Сильные местные, вблизи Двалетии, феодальные образования в эпоху VII—VIII вв. не известны. Кавское эриставство если и было уже учреждено, то в эту эпоху играло второстепенную роль¹⁹. Во всяком случае, наличие исторические памятники не дают основания говорить о какой-либо значительной деятельности и о влиянии того или иного феодала или областного правителя в пределах высокогорной зоны Центрального Кавказа. Так, что, христианство в Двалетии не могло рассчитывать на сильную поддержку и местных феодалов.

Но из этого не следует полное прекращение, перерыв процесса христианизации двалов. Христианство находит другие пути и формы для своего проникновения в высокогорную зону Грузии и в частности в Двалетии.

Картли, лишенная сильного единого центра, тем не менее проявила большую силу сопротивляемости, большую духовную и физическую энергию. Основную тяжесть сопротивления несет периферия. Авторитет христианской церкви в антиарабских настроенных кругах повысился, христианство стало открытым идеологическим знаменем борьбы против арабского господства, знаменем самобытности и свободы. В данном конкретном грузинском историческом материале мы видим яркую иллюстрацию общего положения, что в средневековьи социально-политическая борьба принимает религиозную окраску.

Наибольшее число мучеников, причисленных грузинской церковью к лику святых, приходится именно на эпоху арабов: Абд Тбилели, царь Арчил, Гоброн, Давид и Константин, Кос

¹⁹ დ. გვრიტიშვილი, ფეოდალური საქართველოს სოც. ფორმების ისტორიიდან, 1955, სტრ. 68.

тенти Каха и др. В этом проявилось упорное сопротивление сказанное молодой и растущей феодально-церковной общественностью арабскому игу.

Общественная самодеятельность выдвинула целую плеяду выдающихся личностей в ряду тао-кларджетских сподвижников — строителей: Григоли Хандтели, Серапион Зарзмели, Саба Ишхieli, Микэль Парехели и др. Сильно развилась христианско-церковная литература, оригинальная агиография, в частности мартирология и т. д. Общий удельный вес христианской церкви в общественно-политической и культурной жизни страны значительно вырос. Соответственно возрос и авторитет церкви. Поэтому налицо основание для утверждения, что в целом влияние христианской церкви в позднюю пору эпохи арабов там, куда не достигала власть арабов, значительно возросло.

Основная струя морально-стойкого и творчески—созидательного элемента устремилась на юго-запад, развернув здесь исключительно кипучую деятельность (строительство обителей в Тао-Кларджети, рост тао-кларджетского феодума). Это положение и значение Тао-Кларджети, осмысленное грузинской общественностью, позже выразил Джуаншер устами Вахтанга Горгасала: «Если одолеют нас персы, то здесь (в Артануджи.— В. Г.) должно быть наше убежище»²⁰.

Но общественные круги неуживавшиеся с арабами из центральных районов устремляются на периферию и в других направлениях.

Одним из направлений в поисках убежища был центральный Кавказ. Так, во 2-ой половине VIII в. неужившийся с арабами картлийский эристав Нерсэ вынужден в сопровождении своих подчиненных 300 человек бежать на север, через хребет к хазарам, а оттуда перейти в Абхазию, где находилась его семья.

В нашествие Мурвана-кру (глухого) 30-ые годы VIII в. «все мтавары и питиахши, родня эриставов и знатных укрылись в горах Кавказа»²¹. В середине IX в. в нашествие Буга Турка Феодосий царь Абхазский был разбит в бою в Картли и бежал дорогой двалетскою»²². Все эти побежденные и разбитые в центре Картли, придя в горы, приносили туда с собой духовно-материальную культуру Картли; тем самым неудачи грузин в центре Картли отражались на периферии в некотором смысле и в некоторой степени положительно.

²⁰ — «ვეფხისტყაოსნის განმარტებულ სპარსნი ჩვენზედა, საყუდელი ჩუენი აქა ყოფად არს». «ქართლის ცხოვრება», цит. изд., стр. 178, см. еще стр. 241.

²¹ «ქართლის ცხოვრება», цит. изд., стр. 234.

²² Там же, цит. изд., стр. 256.

Несмотря на отсутствие прямых указаний касательно Дзалаетни, конечно, нет сомнений, что все эти события в той или иной степени отразились и на Дзалаетни, волны, подымающиеся в Картли докатывались и до ущелий Дзалаетни.

Помимо этого, в результате торговой деятельности и военных походов арабов значительно оживилась дорога через Дарьяльское ущелье. Это, конечно, стимулировало проникновение в Дзалаетнию из Картли предметов материальной культуры, достигшей в области агрокультуры и ремесленного производства. Это одновременно должно было стимулировать рост экономических интересов двалов к Картли. Следовательно, и в эпоху арабов, Центральный Кавказ подвергался воздействию миграционных волн и культурно-экономическому влиянию, идущим с юга, из Картли.

Поэтому в целом в эпоху арабов продолжается прочношение и укрепление христианства в Дзалаетни²³.

С ростом производительных сил страны и оживлением экономической жизни, с подъемом национально-освободительной борьбы грузин против арабов и формированием единой Грузии, с одной стороны, и с усилением распада Багдадского Халифата и, в дальнейшем, обмельчанием Тбилисского Эмирата, с другой стороны, в корне меняется ситуация в центральном Закавказьи и центральном Кавказе; меняется положение и во взаимоотношениях Картли с высокогорной полосой центрального Кавказа. По мере усиления феодалов-грузин на периферии тверже должна была становиться и политическая опора христианской церкви.

Весьма показательны в этом смысле и строительство церквей в Рача и особенно в Хеви; построение в IX—X вв. базилик в с. с. Сиони и Ахалцихе и зальной церкви в Гарбани²⁴.

В X в. заметно оживление религиозной пропаганды Никосской епархии, в сферу деятельности которой входила и Дзалаетни. Это проявилось в строительстве церквей. В X в. построены церковь сперва в с. Эредви (Эредви село между Большой и Малой Анахви, у их выхода из гор), после и глубоко в горах

²³ Мы предпочитаем, в данном случае, воздержаться от ряда высказываний, чтобы не отвлекаться сильно в сторону от темы; скажем только, что в истории Грузии эпоха арабского господства нам кажется пока еще мало изученной и необъясненной; она представляется нам пока некоторой загадкой, ибо при всех ужасах арабского господства, несомненно, что в эти века происходит выработка того фундамента, на котором воздвиглось здание грузинского феодального государства (рост производительных сил; окончательное оформление феодализма; рост периферий—Тао-Кларджети Эрет-Кахети, Абхазии; завершение процесса слияния зап. и вост. грузин в единый народ и др.)

²⁴ ვ. დოღონძე, გადბანი, თბ., 1958.

в с. Сохта²⁵ (Сохта село в горах, в ущельи р. Пада, одного из притоков Большой Алахви). Это дает прямое основание предполагать более глубокое проникновение христианства и в двалетскую среду.

Сдвиги и изменения, постепенно накапливаясь, привели в конце X в. к объединению основной части территории Грузии, к выдвижению сильных монархов Давида III Куропалата и Баграта III. В летописях и хрониках незамедлительно появилось сообщение об успехах возрождающегося грузинского государства в высокогорной зоне Большого Кавказа. Уже первый царь объединенной Грузии Баграт III «покорил весь Кавкас самодержавно от Джикети до Гурганского моря»²⁶. Если даже признать эту фразу содержащей преувеличение, все же она свидетельствует о значительном успехе и укреплении позиций грузинского государства в полосе Большого Кавказа.

В первую очередь это продвижение грузинского государства территориально должно было произойти в смежных с Картли с севера местах. Такой территорией являлся именно Центральный Кавказ, полоса от Дарьяла до Мамисона, где проходили важнейшие перевальные дороги, пути связывающие юг и север. Таким образом в этом свидетельстве историка Сумбата Давидовича позволительно усмотреть сообщение о включении Двалетии в состав возрождающегося объединенного грузинского государства с начала XI в.

Имеется солидное свидетельство тому, что расширение государственных границ Грузии в Центральном Кавказе шло рука об руку с культурно-церковным проникновением.

Недавно, в 1951—1953 гг. был изучен средневековый архитектурный памятник культового назначения — церковь Хозита-Майрам в Зругском ущельи (это территория исторической Двалетии; р. Зруг один из притоков в верховьях р. Ардон). Ему посвящены в Сообщениях АН ГССР № 2 и № 6 за 1954 г. статьи В. О. Долидзе и А. И. Вольской²⁷.

Оба автора согласно признают Зругскую церковь памятником грузинской архитектуры. «По решению своего плана Хозита—Майрам занимает место среди зальных памятников гру-

²⁵ ვ. ბერიძე, ძველი ქართველი ხერობმოდგებები, თბილისი, 1956, სტრ. 35—36.

²⁶ «დაიპყრა ყოველი კავკასია თვითმპყრობელობითა ჯიქეთითგან ვიდრე გურგენადმდე». ქართლის ცხოვრება, цит. изд., სტრ. 382.

²⁷ Упоминания об этом памятнике часты: см. Пл. Иоселмани, Краткая история груз. церкви, стр. 33; проф. Семенов—в XII т. Известий СОННИ, стр. 52, 108 и др.

инской архитектуры X—XI вв.²⁸. Особенно близкими к Зругской церкви являются грузинские церкви Эхвеви и Патары Они²⁹. Стройматериал, согласно преданию зафиксированному еще в 1906 г.³⁰ был привезен из-за хребта, т. е. из Грузии.

На основании характера архитектуры Зругской церкви и сопоставлений с другими грузинскими церквями В. Долидзе считает возможным постройку этой церкви датировать «первым десятилетием XI в. (Это точно совпадает с годами царствования Баграта III). А. Вольская не оспаривает и принимает эту датировку³¹. Ясно, строительство такой церкви должно было иметь своей предпосылкой зашедший глубоко процесс христианизации Двалетии. Как мы видели из описания Грузии предыдущих веков, наличие такого процесса в Двалетии вне сомнения.

Таким образом, церковь в Зругском ущельи яркий документ начала XI в., свидетельствующий о внедрении грузинской церковно-христианской организации в Двалетию. Она, одновременно, вещественное подтверждение сообщения «Картлис—цховарба» о распространении власти Баграта III на высокогорную зону Большого Кавказа.

Зругская церковь, а следовательно и Двалетия, оставались предметом забот грузинской церкви и в последующем. Позже она — была украшена фресковой живописью. По мнению А. И. Вольской «можно, приблизительно, отнести время исполнения росписи храма ко второй половине XII в.»³². «Роспись — грузинская»³³. «Иконографические черты... обычные для... средневекового грузинского искусства»³⁴.

Это находится в полном соответствии с исторической действительностью, ибо XI—XII вв. время роста грузинского государства и Двалетия продолжает находиться в его составе.

Но нельзя согласиться с той перспективой, в которой была сделана попытка осмыслить Зругскую церковь. Во-первых, неверно связывать ее с христианизацией Алании в X в., ибо Двалетия была связана не с Аланией, а с Грузией и христианизация Двалетии шла самостоятельным, независимым от Алании путем.

²⁸ Сообщения АН ГССР, т. XV, 1954, г., № 2, стр. 121.

²⁹ Там же, стр. 121, 125 — 126.

³⁰ Там же, стр. 123.

³¹ Там же, № 2, стр. 126 и № 6, стр. 393

³² Там же, № 6, стр. 397.

³³ Там же, № 6, стр. 394.

³⁴ Там же, № 6, стр. 394.

Во-вторых, наличие христианских церквей в Двалетии следует рассматривать не только как «документы культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа»; эти архитектурные памятники, увязываясь с сообщениями письменных памятников, говорят, в первую очередь, о том, что эти территории и их население были включены в грузинский политический культурно-экономический мир.

Опять-таки кандидат искусствоведческих наук В. Долидзе изучил остатки другой христианской церкви в Двалетии, у сел. Тли³⁵. Сохранность церкви с. Тли меньшая, чем церкви Зругского ущелья. Несмотря на это удалось по ряду архитектурных черт датировать эту постройку I пол. XI в. и признать несомненной ее грузинскую принадлежность³⁶.

Вахушти упоминает наличие христианских церквей в сел. Верх. Зрамага и Закка³⁷. Последнюю видел еще в 1869 г. путешествовавший В. Пфафф.³⁸ В свою бытность в Двалетии летом 1958 и 1959 гг. автор этих строк проверил правильность сообщения Вахушти. В Закка (сел. Кесатикау) местный житель показал мне маленький заросший бугор, сказав, что это основание церкви, разрушившейся, за ветхостью, лет 70—80 назад. А в сел. Верх. Зрамага мне показали обветшалую церковь, построенную в XIX в. Обществом восстановления христианства на Кавказе. При этом в стенах бессистемно использованы тесанные туфовые квадраты, явно отличающиеся от горного плитняка, из коих сложены в основном стены этой церкви. Местный житель (Цола Кайтмазов, в возрасте около 90 лет) рассказал, что прежде здесь стояла другая церковь меньшего размера (но больше, чем Нузальская часовня), очень высокая с весьма отвесной крышей. В его детство, когда ему было 8—10 лет, прежнюю церковь разрушили и построили новую (ту, которая стоит в настоящее время); при этом были использованы туфовые квадраты, из которого были сложены стены прежней церкви. Таким образом, указанное сообщение Вахушти о наличии церквей в Закка и Верх. Зрамага, подтверждается на фактах.

Что христианство пустило корни в двальской среде, свидетельствует еще и наличие в XI в. ряда лиц двальского происхождения, подвизавшихся на общегрузинском литературно-цер-

³⁵ В. Долидзе, Архитектурный памятник Тли—новый документ культурных взаимоотношений Грузии и Двалетии, Сообщения АН ГССР, т. XXI, 1958 г., № 6, стр. 767—773.

³⁶ Там же, стр. 773.

³⁷ Вахушти, цит. соч., стр. 114, 115.

³⁸ В. Пфафф, Путешествие по ущельям Сев. Осетии, Сборник сведений о Кавказе, т. I, Т., 1871, стр. 154.

ковном поприще: священник Микэль Двали, монах Иоани Двали, Сомеон Двали, тоже духовного звания³⁹.

Наличие в Двалетии церквей и церковных деятелей в начале XI в. и строительство церквей в Хеви и в Никозской епархии в X в. говорит за то, что христианская пропаганда в Двалетии приобрела по меньшей мере уже с X в. интенсивный характер и имеет значительный успех.

Следовательно, с ослаблением арабского господства и экономическо-политическо-культурным подъемом Грузии Двалетия включается вновь в единую грузинскую государственную и христианско-церковную организацию. Христианство с новой силой проникает в Двалетию. Оно действует теперь с большим успехом, так как ему обеспечена поддержка окрепшей центральной государственной власти. И в свою очередь христианская церковь связывая между собою отдельные районы Грузии, укрепляет единство государства и оказывает ему тем самым ответные услуги. В народившейся объединенной феодальной Грузии нашлась место и Двалетия, начавшая вместе с тем активно участвовать во всех сферах обще-грузинского поприща.

XI—XII вв. и первая треть XIII в. — это время большого роста экономической — политической — культурной жизни Грузии, что должно было привести к дальнейшему укреплению христианства в Двалетии. Грузинская христианская проповедь проникает дальше на север и более прочно внедряется в сознание и быт горского населения.

Несомненным подтверждением этому служит роспись Зругской церкви и сохранившиеся до настоящего времени христианские церкви в с. Нузал, с грузинской стеной росписью, и в с. Дзвгис, находящихся значительно севернее Двалетии и ряд других подобных фактов.

Интересный факт сообщает относительно Цейского ущелья еще Вс. Ф. Миллер. «Местные предания упоминают о существовании грузинского монастыря в Рекоме и производят несколько семейств в ауле Цей от грузинского духовенства»⁴⁰.

Все святилища носят название «дзуар»-ов. Название это происходит от грузинского слова джуари — дзуар. Весьма показательно, что и прочая христианско-культурная терминология в речи современного населения Двалетии в основном грузинского происхождения: пост-мархо от грузинского мархва, архангел-

³⁹ შ. ჯორჯანიძე, ქრონიკები, ტ. 1, სტრ. 177, 203, 210; также А. Цгарели, св. о памятниках грузинской письменности, вып. 2, стр. VI, 15, 22, 31, VI.

⁴⁰ Вс. Миллер. Осетинские этюды, II ч., 1883, стр. 256.

тарангелоз от грузинского мта в а р а н г е л о з и, культовый пирог кере от к в е р и и др.

О том, что христианство прочно привилось в Двалетии, говорят сообщения Вахушти и других исторических источников, факт причисления двалов к пастве Никозской епархии, наконец, литературный памятник рубежа XIV—XV вв. «Мучения Николоза Двальского»⁴¹. В нем сказано, что Николоз был родом двал и родители его жители с. Цай были правоверными христианами. Николоза родители готовят в церковнослужители, ввиду чего направили его на обучение в Кларджетские пустыни, и т. д.

Наконец, следует учесть также то обстоятельство, что восточные и западные соседи двалов — мохевцы и сваны в эпоху развитого феодализма представлены христианизированными: наличие церквей — монастырей, сохранившихся в них богослужебных книг, содержание региональных летописных памятников «Гергетская летопись», сванские исторические памятники (изданные П. Ингороква в 1941 г.) и др. исключают какие-либо сомнения на этот счет. Такое христианское окружение, конечно, должно было иметь также свое действие.

В своей совокупности все это убедительно представляет нам христианство в XI—XIII вв. значительно продвинутое дальше на север и Двалетию в целом христианизированной.

Итак, началом христианизации Двалетии следует признать середину VI в.; когда закончился этот процесс сказать нельзя, за отсутствием нужных данных, но в начале XI в. христианизация двалов представлена свершившимся фактом.

Являясь сильным фактором идеологического характера христианство везде сыграло определенную роль в истории народов.

Каково же было значение христианства для Грузии в целом и, в частности, для Двалетии? Какую роль сыграло христианство в истории двалов в аспекте его связей с грузинским народом? За недостатком исторического материала исключена возможность проследить многие линии этих связей, но на некоторые результаты культурно-политического характера указать можно.

Одной из характерных черт грузинского христианства является то, что оно сначала же выступает под покровительством государства, как религия, провозглашаемая центральной государственной властью, и находится в сравнительно большой зависимости от светской власти.

Это вполне естественно, так как к III—IV вв. христианство потерпело значительную эволюцию в сторону приспособления к интересам государственной власти. Оно становится столпом

⁴¹ ძველი ქართული ლიტერ. კრესტომათია. ს. ყუბანეიშვილის რედაქციით, ტ. I, 1946, სტრ. 254—255.

государства, его идеологическим оружием, идейно оправдывающим государственные установления и организационно его централизующим.

Благосклонность грузинской государственной власти к христианству подчеркнута в «Картлис цховреба» указанием на то, что будучи еще язычником «царь Мириан желал христианства, так как из Греции и Армении до него дошли слухи о чудесах христианства и поэтому он не препятствовал проповеди Ниши и ее учеников»⁴².

Независимо от степени аутентичности этого сообщения, нельзя не признать, что оно содержит вполне здравую мысль, что пример соседних стран (Римской империи и Армении) внушил верховодителю Грузинского государства интерес и доверие к христианству и благосклонное к нему отношение. Наличие такого общественного сознания в эпоху раннего средневековья весьма показательно.

Если к этому еще вспомнить, что конец III в. и первая половина IV в., это время действия Низибинского мира, время преобладания западного влияния в Грузии, то станет вполне ясным наличие внутри—и внешнеполитических мотивов сыгравших решающую роль в признании христианства в Грузии государственной религией в 30-х годах IV в.

Благосклонность светской власти к христианству приняла в дальнейшем форму прямого поощрения и покровительства светской власти христиано-церковным делам, чему есть многочисленные свидетельства. Кроме строительства многих церквей в Мцхета и Тбилиси, Джвари и др. царями, эриставами и азнаурами особый интерес заслуживает завещание царя Мириана.

Как в более ранней редакции (Шатбердской), так и в более поздней (Арсения католикоса), сохранено завещание царя Мириана (первого крещенного царя Грузии) своему наследнику. Опять-таки мы не ставим вопроса об аутентичности этого завещания. Но в данном случае и не важно действительно ли оставлял такое завещание царь Мириан. А важно то общественное сознание, сознание светских и церковных кругов, которое нашло себе отражение в этом завещании. В этом смысле завещание царя Мириана является весьма характерным и постолько ценным свидетельством для раннего средневековья.

В завещании царь Мириан говорит своему наследнику: «где найдешь в своей стране... идолов сожги их огнем и пе-

⁴² „მირიან მეფესა აქუნდა სურვილი ქრისტეს სჯულისა, რამეთუ ესმოდა სასწაული ქრისტეს სჯულისა საბერძნეთით და სომხითით, და არა დაამბრკოლებდა იგი ქადაგებად ნინოს და მოწაფეთა მისთა“. ქართლის ცხოვრება, სტр. 102—103.

бел их дай испить тем, кто будет по ним горевать. И это возвести детям своим, ибо я знаю, что они (идолы — В. Г.) внутри Кавказа не переведутся скоро»⁴³ (к. XI, стр. 103).

Тут ясно видно, что государство само ставит себе задачей распространение христианства, не колеблясь применять для этого сильно действующие средства принуждения. Это говорит за живую заинтересованность государства в христианизации населения. При этом, в интересах темы нашей работы, следует отметить особую заостренность внимания государственной власти к христианизации племен высокогорной зоны Большого Кавказа. (О чем мы говорили еще на стр. 73).

На основании всего вышесказанного и исходя из ряда данных грузинских письменных памятников мы убеждаемся, что мало-мальски значительной борьбы низших общественных слоев во имя христианства против государственной власти в грузинской действительности не было.

Репрессии царя Адерка⁴⁴ против новообращенных метрелов и эристава кларджетского, вынужденность первоначально при Миряне проповедывать христианство нелегально не дают еще основания говорить о борьбе народа за христианство. Грузинская христианская церковь не знает ни одного святого мученика за веру христову пострадавшего от грузинской светской власти.

Судя по грузинским письменным памятникам не народ боролся с государством за христианство, а наоборот сама государственная власть различными средствами, не исключая и принуждения, стремилась распространить в народе христианскую религию. Центральная власть настойчиво в течение столетий проводит мероприятия добиваясь своей цели. Такое упорство должно было питаться реальными интересами государственной власти. Чрезмерная заинтересованность государственной власти в успехах христианизации населения, в частности в высокогорной зоне Большого Кавказа, может быть объяснена лишь тем, что государственная власть связывала с успехом христианства, христианско-церковной организации решение важных социально-политических задач.

Действительно в политических расчетах картлийской го-

⁴³ „სადაცა კვონე ქუეყანასა შინა შენსა.. კერპნი იცხლითა დაწუნენ და ნაცარი მათი შეასუ მათ ვინ მათ ევლოდის. და ესე ამცენ შეილთა შენთა; რამეთუ მე ვიცი იგი მსწრაფლ კაცასითა შინა ვერ დაიღუეიან“. — Шатбердская редак. „Жизнь св. Нины“ под редакцией Е. Такайшвили. Описание Рукоп. „Общества распрот, грамот—“ т. II, вып. III, 1908, стр. 805:

⁴⁴ ქართლის ცხოვრება, цит. изд. стр. 42.

сударственной власти христианской церкви отводилось важное место.

Христианство превратилось в сильное идейно-организационное орудие борьбы против внешних врагов, каковым являлся в то время главным образом сасанидский Иран. Противопоставляя себя иранской языческой религии, христианство отмежевывало население Картли от иранского влияния и способствовало росту грузинского народного национального самосознания. Еще ярче эта общественно-политическая роль христианской церкви выступает в эпоху арабского господства.

Одновременно с этой внешне-политической задачей, выполняемой христианско-церковной организацией, она выполняла важную внутри-политическую задачу.

Христианство борясь с язычеством отвергало все родоплеменные божества, разрушало идейную замкнутость отдельных обществ по ущельям, прививало этому населению новую более широкую точку зрения и тем самым становилось средством некоторой нивелировки племенной пестроты, средством выращивания относительно более многочисленных и более влиятельных культурно-идеологических черт и ценностей имеющих общенародный характер. Это тоже вело к усилению общегрузинского народного сознания и постольку к укреплению государства.

Сверх того христианско-церковная организация став средством охвата единой организацией всего населения страны усиливала его консолидацию вокруг картского-грузинского этноса, что в итоге опять-таки вело к укреплению и росту центральной государственной власти.

В этом отношении особенно важным было проведение христианизации племен и обществ Большого Кавказа.

Важность задачи обуславливалась значимостью Большого Кавказа для Картли и наличием неблагоприятной обстановки в высокогорной зоне. Большой Кавказский хребет имел на протяжении всей истории грузинского народа для него очень большое и многостороннее значение. Мы укажем лишь на некоторые важнейшие конкретные стороны содержания этого значения. Владеть прочно хребтом Большого Кавказа означало для Картли:

- 1) иметь безопасный север; исключительное облегчение обороны севера и почти снимало заботу о враждебном фронте с севера; 2) одновременно это означало иметь глубокий тыл, иметь надежное убежище, в трудные минуты, когда центр — основные районы государства переходили во враждебные руки вторгающиеся с юга; 3) оно означало также располагать

большими резервами человеческих ресурсов, что помогало как в военных операциях, так и в случаях поредения населения центральных районов; 4) наконец, оно означало еще иметь в экономике горных районов весьма многозначительное и ценное дополнение к экономике районов низменности.

Перечисленные моменты, не исчерпывают всей полноты вопроса; но по своей значимости они достаточны для понимания всей важности владения прочно хребтом Большого Кавказа и для понимания солидности реальной подоплеки интереса государственных деятелей Картли к Большому Кавказу.

Но языческий Кавказ совершенно не удовлетворял этим интересам и никак не мог вызывать благодушного к себе отношения со стороны государственных деятелей Картли.

Большой Кавказ, населенный множеством мелких обособленных, самобытных и самовольных племен и обществ был для Картли неблагонадежен. В собственных интересах, в интересах поступательного развития страны, государство Картли должно было позаботиться об этих племенах. Необходимо было организовать эти племена и внести в них сознание благоприятное интересам государства в целом. Решению этой задачи и должна была служить христианизация горцев Кавказа, в том числе и двалов. Христианизация племен Большого Кавказа в сильнейшей мере содействовала бы решению вопроса о владении Кавказом, помогла бы царям Картли мирно владеть центральной частью Кавказского хребта, подведя под это идеологическую базу.

Церковь превращалась в приводной ремень, посредством которого приобщались к единой народной и государственной жизни и проникались некоторыми едиными культурными традициями не только центральные районы Картли, Кахети, Кларджети, Эгриси и т. д., но и отдаленные ущелья Большого Кавказа. Здесь радиус действия грузинской церковной организации местами включал племена, хотя и родственные картвельским племенам, но еще не вовлеченные или слабо вовлеченные в процесс формирования грузинского народа.

Церковь стала фактором культурно-идейного взаимного сближения населения отделенных друг от друга районов Грузии, фактором, вырабатывавшим и питавшим чувства дружбы и солидарности между теми племенами и обществами куда оно проникало. В этом заключалась одна из прогрессивных, для того времени, общественных функций выполнявшейся грузинской христианской церковью в условиях Большого Кавказа.

Таким образом церковь создавала идеологическую основу для формирования народа и государственного объединения. Значительно позже, вполне осознанно эту мысль сформулировал

выдающийся писатель X в. Георгий Мерчуле: «Картлией⁴⁵ об- значается великая (большая) страна, в которой богослуже- ние отправляется на грузинском языке».

Следовательно, границы Картли определены территори- распространения грузинской церковной организации; церков- ная организация создала русло для распространения в офи- циальной жизни единого грузинского—картского языка. Гру- зинский-картский язык атрибут грузинской церкви. Церков- ная организация и грузинский язык два признака для опреде- ления границ Картли.

Из этого со всей ясностью выявляется крупная роль церк- ви и единого официального языка в формировании, в процессе становления грузинского этноса (народа) и государства.

Высокая оценка роли церковной организации, произне- сенная устами Георгия Мерчуле соответствует особо высокому положению церкви в общественно-государственной жизни Гру- зии в IX—X вв.; но основание для этого возводилось созида- тельной, организационной и идейной работой церкви за пре- дыдущие века.

Итак, христианизация племен Большого Кавказа, и в ча- стиности двалов, вела к более органичному включению их в состав Картли, в состав грузинского народа и грузинского государства⁴⁶. Тем самым христианизация помогала в реше- нии задачи владения Кавказским хребтом.

В этом заключалось политически-государственное значе- ние христианизации горцев Кавказа, и в частности двалов.

Для нашей темы, однако, важно указать и определить обратную сторону этого же вопроса: какое значение имела хри- стианизация для племен Большого Кавказа и в частности для двалов.

Основываясь на опыте других народов и племен, можно в отношении двалов по аналогии высказать ряд следующих общих положений: нельзя преувеличивать степень духовного преобразования горных племен под влиянием христианства; и особенно в первые века по принятии ими официально христи- анства.

⁴⁵ „ქართლად ღრიალი ქუეყანად აღიარებებოც, რომელსაცა შინა ქართლთა ენითა ვამი შეიწირვის და ლოცვად ყოველი აღესრულებოც“. გ. მერჩულე, ცხორებად გრიგოლ ხანძთელისაჲ, ძვ. ქართ. ლიტ. კრესტომ., ტ. I, ს. ყუბა- ნგი შვილის რედაქციით, 1946, სტრ. 132.

⁴⁶ Кстати сказать, эту же мысль высказал еще давно чешский ученый Томашек: Двалы „ursprünglich ein Sonderstamm... haben sich seit Annahme der georgischen Kirchensprache unter S. Nino und der Königin Thamar dem iberischen Volkstum völlig angegliedert“. Paulys—R. E. V v., стр. 1231.

В это время племена высокогорной зоны Кавказа по своему социально-экономическому развитию были еще не дозревшими для восприятия христианского вероучения. Христианство не могло явиться для них внутренней, органической потребностью.

Так понимается одна из причин неизбежности принудительных мер при христианизации горцев. Поэтому христианство, христианская идеология могли быть ими восприняты на первых порах лишь внешне и формально. Язычество отвергнуто открыто, но психика, характер и образ мышления сохранялся языческий. Христианство не выжило язычество, а наслонилось на него, за счет отказа от некоторых внешних проявлений языческой веры.

Такое наслоение и сосуществование—переплетение язычества и христианства объяснялось не только консерватизмом идеологии и традиций культуры; оно соответствовало также сохранности пережиточно в значительной мере общинного строя, его натурального хозяйства, при одновременном подчинении феодальному государству, пребыванию в зависимости от классового общества и в связях с ним. Смешение элементов язычества и христианства в религиозно-моральных и обычных понятиях горцев базировалось на переплетении социально-экономических фактов общинного-бесклассового и классово-феодалного характера и было обусловлено этим комплексом гетерогенных социально-экономических условий.

Несмотря на это и одно формальное принятие христианства имело определенное значение. В условиях раннего средневековья культура имеет ярко выраженную религиозную окраску, во всех сферах культуры тон задают церковники, духовная пища фильтруется церковью; поэтому идейно-духовная ориентация людей, определение их этнического и политического самосознания зависели от принадлежности к той или иной церковной организации. Поэтому, естественно, формальная церковно-религиозная принадлежность являлась одной из основных черт линии размежевания людей по этническим общностям.

Таким образом, христианизация двалов означала создание сильного идеологического рычага по сближению двалов с картлийцами, ведущего двалов к слиянию с ними в одну народность. Слияние с Картли в истории двалов было большим положительным и прогрессивным явлением. Для социально-поступательного развития двалов слияние с Картли являлось исторической необходимостью. Ибо двалы за ограниченностью людских и материальных ресурсов, в силу их территориального расположения в высокогорной зоне, лишены были необходи-

мо нужных средств к созданию нечто самодовлеющего на более высоких стадиях социального развития чем община племени. Поэтому ради их собственного социального прогресса было полностью оправдано слияние с Картли.

Теснейшее смыкание с Картли диктовалось двалам и их текущими экономическими интересами. Экономические потребности и интересы выходящие за пределы натурального хозяйства, а эти потребности и интересы в течение средних веков все более росли, находили себе удовлетворение именно с помощью и через Картли.

В силу естественно географических условий двалам легче было общаться с Картли, чем с северо кавказской равниной.

Вспомним в этой связи слова крупнейшего осетинского поэта К. Хетагурова о том, что до проведения военно-осетинской дороги в середине XIX в., жители Нарской котловины, т. е. исторической Двалетии больше общались с югом чем с севером; что пути на юг в Грузию «перевалы Мамисонский, Рукский и Зекарский только в летние месяцы были доступны для переправы», а пути на север «Кассарское ущелье... и Куртатинский перевал были еще менее доступны». (к. и. — В. Г.)⁴⁷. Поэтому их горная экономика искала и находила необходимое себе дополнение именно в экономике низменных районов Картли.

И действительно, в своем этнографическом очерке «Особа» К. Хетагуров свидетельствует преобладание в предыдущих веках культурно-экономических связей Нарской котловины именно с югом, т. е. с Грузией⁴⁸.

Для середины XVIII в. Гюльденштедт также свидетельствует оживленную торговлю в Они с горцами железными и хлопчатобумажными изделиями, солью и др. товарами⁴⁹.

Тем более оживленными должны были быть экономические связи в XI—XIII вв., в эпоху сильного оживления кустарно-ремесленного производства и торговли иностранными товарами, в эпоху величия Грузии.

Наконец, многократно засвидетельствованы в Кассарском ущельи развалины и остатки существовавшей здесь в эпоху средневековья заставы, стены преграждавшей путь. При этом грузинские источники (Вахушти) говорят, что стена эта построена в древние времена грузинскими царями для ограды от

⁴⁷ К. Хетагуров, Собр. соч., 3 т., 1951 г., стр. 183.

⁴⁸ Там же, стр. 183, 194, 196.

⁴⁹ Cöldenstädt J. A., Reisen durch Russland... 1 т., St.-P. 1787. стр. 279—280

набегов осетин; а осетинские источники⁵⁰ уверяют обратное, что стена построена осетинами для ограды себя от нашествия грузин. Из этого видно ясно, что хотя каждая из обеих сторон толкует по своему целевое назначение постройки этой преграды, обе стороны в равной мере признают Кассарское ущелье границей между Грузией и Осетией и что, следовательно, Двалетия, в эпоху средневековья входила в состав Грузии, была экономически и политически с ней непосредственно связана.

Итак, связи устанавливаемые христианизацией двалов полностью соответствовали их экономическим и политическим связям. Тем самым христианизация содействовала прогрессивным тенденциям социально-экономического развития края, являясь способствующим обстоятельством этому развитию. Это является одним из важных моментов, определяющих ее историческую ценность.

Принятие христианства сопровождалось обычно у бесписьменных или малописьменных народов возникновением и развитием письменности. Так было и в высокогорной зоне Кавказа. Христианизация вела здесь к распространению картского-грузинского языка и вместе с ним к применению грузинской письменности. Этим самым христианизация приобщила двалов к столь важному приобретению человеческой культуры, каковым была письменность; одновременно в их среду внедрялся богатый и высококультурный язык, каким являлся уже в то время грузинский язык. Ведь в IX—X—XI вв., и еще много ранее того, на картском языке написано много замечательных сочинений; известны имена многих выдающихся писателей. Но картский язык рос не только вглубь, а и вширь. В VIII—IX вв. картский язык окончательно вытеснил греко-византийский язык из Западной Грузии и вместе с христианской проповедью должен был распространиться и на север.

Памятников письменности эпохи раннего средневековья в Двалетии пока не обнаружено. Обнаружение таковых не исключено, поскольку Двалетия в археологическом отношении изучена пока еще совершенно слабо. Но от более поздней эпохи сохранился до настоящего времени ряд надписей грузинскими письменами и словами; как например, на стенах часовни в с. Нузал, на каменных плитах в с. Калаки и др.

И если даже в эпоху упадка Грузии возникали подобные памятники в Центральном Кавказе то несомненно, что в эпо-

⁵⁰ См. Известия СОНИИ XI, т., 1947, стр. 80. Работу Скитского Б., с ссылками на осетинские народные предания.

ху подъема и расцвета грузинской культуры и государства (XI—XIII вв.) таких памятников должно было быть ^{много} больше.

К этому же времени, если не к еще более раннему, должно быть приурочено появление в Двалетии топонимов картского происхождения и картского оформления; Кошки, Мугис-вела, Рока, Зекари, Калака, Гори, Саниба-Самеба⁵¹, Магала и др.

В своей совокупности это делает очевидным общую распространенность грузинской письменности и грузинского языка в Двалетии.

Распространение грузинского языка в Двалетии, конечно, объясняется не только христианством. Большую роль в этом сыграли еще миграционные волны из центральных районов Картли к периферии, вызываемые периодическими нашествиями и продолжительными притеснениями арабов. Это вызвало усиление картского этнического элемента на периферии и большее распространение картского языка. Картизация, должна была, естественно, и в первую очередь коснуться магран-двалов, в меньшей степени двалов Нарской котловины.

Слияние двалов с грузинами воедино, давало возможность наиболее способным, энергичным и инициативным лицам из двальской среды, участвовать в разнообразных сферах общегрузинского поприща. Мы уже упоминали ряд лиц двальского происхождения на церковно-культурном и христианско-подвижническом поприще. Нет сомнения, что они участвовали и на военно-государственном поприще, хотя, за ограниченностью сохранившихся исторических памятников, мы не можем назвать отдельных лиц⁵².

Слияние основной массы двалов по ряду признаков в единый народ с грузинами следует признать завершенным еще в эпоху величия Грузии. К такому выводу нас приводят не только литературно-исторические свидетельства. Например:

1. Рукопись хранящаяся в Государственном музее Грузии под шифром Н 1296 содержит перечень народов мира, датированный акад. К. Кекелидзе «не позднее как XIII веком»⁵³. Этот перечень народов включает в себя свыше 70 этнонимов. В ос-

⁵¹ В. И. Абасев, цит. соч., стр. 118.

⁵² Упоминаемый в поэме Низами Ганджеви «Шараф-наме» под именем «Дувал» «полководец абхазской земли» и «правитель Абхазии» не может быть двалом, ибо он назван, «курдом» и ему подчинены армяне.

⁵³ ქ. ქველძე, ხალხთა კლასიფიკაციისა და გეოგრაფიული განბუნების საკითხები., თბ. სახ. უნივ. შრომები. ტ. VII, 1938, стр. 21.

новой части перечень народов зависит от известной *Libet Generationis* Ипполита Римского (III в. н. э.), но в части кавказских племен он оригинален и выражает местные традиции и взгляды. При этом последовательность перечня такова.....

28. кетелы, 29. гергеселы, 30. картвелы, 31. абхазы, 32. сваны, 33. мегрелы, 34. двалы, 35. греки, 36. болгары... 55. аланы⁵⁴.

Перечень весьма показателен тем, что среди генетически чуждых народов картвельские племена (карты, мегрелы, сваны) перечислены подряд вместе, при этом рядом с ними названы и двалы. Таким образом в этом перечне XIII в. двалы представлены в ряду тех этнических единиц (карты, абхазы, сваны, мегрелы), которые вкуче составляли грузинский народ. Тем самым, несомненно, что автор перечня считал двалов племенем особенно близким к бесспорно картвельским племенам: картам, мегрелам, сванам.

2. Вахушти называет средневековое население Маграи—Двалети «грузинскими крестьянами»⁵⁵.

3. Иоани царевич называет мученика Николая Двальского (XIV в.) грузином⁵⁶ и т. д.

В позднее средневековье (XIV—XVI вв.) налицо процесс, обусловленный различными причинами, спускания двалов в низменные районы. Южнее Двалети возникли села: Двалети⁵⁷, Двалта⁵⁷, Надвалевы⁵⁷, Двалиант-кари, Двалула⁵⁸, Двалишвилеби⁵⁸. В местах, примыкающих к Кударо и Маграи-Двалети, в окрестностях г. Сталинири, в Раче и Имерети зафиксированы фамилии: Двали, Дваладзе, Двалишвили, Двалашвили и, (вероятно, вариант этой последней), Твалашвили — считавшие себя природными грузинами и признаваемые таковыми окружающим грузинским населением.

Мы назовем, как двальские, еще три фамилии: 1. Тваури—в форме Таваури встречается в грамоте Шномгвимского монастыря 1250—1260 гг. и в настоящее время фамилия Тваури бытует в ущ. Малой Алахви. 2. Гиладзе и Гилашвили — упомянуты

⁵⁴ Рукопись Гос. Музея Грузии, фонд Н, № 1296, «თარგმანება წმინდისა იპოლიტისა», стр. 11.

⁵⁵ ვახუშტი, цит. соч. стр. 71.

⁵⁶ იოანე ბატონიშვილი, კალმასობა, ტ. II, 1948, стр. 132.

⁵⁷ თ. გორდანიას, ქრონიკები II ნაწ., стр. 195, 272, 349, 387; დ. გვრიტიშვილი, ფეოდალ. საქართველოს სოც. ურთიერთობათა ისტორიიდან.

⁵⁸ 5-ти верстная карта Кавказа; и Д. Гвритишвили указан, сочинение.

крестьянами в с. Эредви (у выхода Большой Алахви из гор), в церковных документах 1392 г. и 1610 г.⁵⁹

Основы этих фамильных имен вейнахские: Тва Туа Тоа-овца по-ингушски. Ги́ла-ко́нь, верховая лошадь по-чеченски. Следовательно, Тваури и Гиладзе имеют такую же семантику как русские Баранов и Конев. 3. Бурдули и Бурдисшвили — встречаются в «Пам. Эриставов» приуроченным к XIV в. Фамилия Бурдули и в настоящее время бытует в Ксанском ущелье.

Основа этих фамильных имен Бурд; по-аварски буртед — чеченцы.

Вследствие обнаружения этих фамилий в непосредственной близости к Магран-Двалети еще в средних веках и в связи с предполагаемой нами близости (а может быть и принадлежностью) двальского языка к группе вейнахских языков мы и считаем носителей этих фамилий двальского происхождения; но они одновременно представлены обычными картлийцами и тем самым иллюстрируют картизацию двалов.

Итак, мы приходим к выводу, что на грани I и II тысячелетия н. э. происходит усиленный процесс картизации двалов, приведший двалов к слиянию с грузинами в один народ, что совершившееся слияние двалов с картами социально-экономически, культурно стоявшими значительно выше, было для двалов положительным — прогрессивным фактом во многих отношениях. Горцев Большого Кавказа Ленин признавал в прошлом «стоящими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории»⁶⁰. Эти слова применимы, в частности, и к древнему населению Двалетии, которую местный уроженец К. Хетагуров называет «горной трущобой» и признает «идеалом изолированности и неприступности»⁶¹.

Картли послужила двалам и некоторым другим небольшим племенам именно путем выхода из этой изоляции, путем приближения к мировому хозяйству и к истории. В этом резюмируется вкратце то великое благо, что дало двалам и другим небольшим горским племенам — общинам слияние с Картли. Из этого вытекает и положительное значение христианизации для двалов

⁵⁹ Возможно от них идут и теперь часто встречаемые между Сталинградом и Гори фамилии Геладзе и Гелашвили. Переход гил в гел документирован грузинским глаголом гелвеба — გელვება — могогелвебс — მოგოგელვება, что означает — мчать, бег лошади. Основа гел, в этом глаголе, явно от гил = копь. Распирение артикуляции (и — е) звуков у плоскостных жителей в сравнении с горскими — часто встречаемое явление.

⁶⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3., стр. 521.

⁶¹ К. Хетагуров, Собр. соч., т. 3, 1951 г., стр. 183.

ՀԱՐՈՑԵՐՈ
ԹԵՂԻՍԻՍԻՆ

Քաղաքային շրջանը միջին դարերում (մինչև XV դ.)

Оно заключалось в том, что содействовало процессу их сближения с Картли, со всеми вытекающими из этого последствиями.

5. ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ДВАЛОВ В XIII—XIV вв.

В вопросе изучения исторического прошлого двалов и для понимания их положения в составе Грузии важным является выяснение общественного строя существовавшего у двалов в эпоху средних веков, определение той ступени общественного развития, на которой находились двалы в исследуемый период. Конечно, в этом, как и в других исследованиях, мы в сильнейшей мере зависим от объема и характера материала, сохранившегося в качестве свидетельства прошлого.

Основным источником, из которого можно почерпнуть сведения касающиеся общественного строя и быта двалов, служит хроника «Памятник Эриставов» (XIV ст.), которая содержит описание многих событий из жизни двалов, населявших верховья р. Б. Лиахви, т. е. собственно из жизни магран-двалов. Сведения этого памятника есть свидетельства современника, возникшие из непосредственного общения со средневековыми двалами. Поэтому «Памятник Эриставов» ценнейший источник сведений о двалах.

Однако, следует отметить, что упоминаемые в хронике двалы суть собственно магран-двалы, двалы ущ. Б. Лиахви. А двалы самой Двалетии не упоминаются и повествование хроники вообще не касается двалов северного склона Б. Кавказа. Это обстоятельство следует объяснить региональным масштабом данного письменного источника; тем, что будучи фамильной хроникой ксанских эриставов его кругозор не выходит за рамки интересов ксанских эриставов и поля их деятельности.

Сохранившиеся в других грузинских письменных памятниках отрывочные упоминания двалов имеют случайный характер и могут служить лишь подсобным материалом. Что касается географического описания Вахушти, писанного в XVIII в., когда средневековых двалов уже не было, то оно может служить в целях нашей темы тоже лишь в ограниченных рамках. Освещению исследуемой темы могут способствовать также данные материальной культуры, но, к сожалению, материальная культура Двалетии и Магран-Двалетии эпохи средневековья изучена слабо; имеющийся материал относится исключительно к периоду развитого феодализма, причем и он представлен лишь фрагментарно.

Материальная культура позднего средневековья же выходит за хронологические рамки нашей работы.

Ввиду всего этого, привлекая весь известный нам исторический материал, мы все же строим свою работу в основном на сведениях сохранных в «Памятнике Эриставов» и вынуждены ограничиться в выводах эпохой развитого феодализма.

Автор хроники эриставов не задавался целью описать общественный строй и быт двалов и вообще для него двалы в повествовании хроники занимают второстепенное место. Поэтому нельзя ожидать от него многого по данному вопросу. Это обстоятельство в сильнейшей степени ограничивает возможности исследовательской работы в этом направлении. Но все же описания событий из жизни населения ущелий Лиахви—Ксани—Арагви содержат ряд таких сообщений, которые дают нам основание, хотя порой и лишь косвенное, судить о некоторых сторонах общественного строя двалов, дают возможность уловить некоторые существенные черты социального строя двалов, установить на какой ступени социального развития они находились в XIII—XIV в. в. и какова была основная тенденция их социального развития.

Исходя из этого, мы не беремся дать развернутую картину общественного строя двалов и ограничиваем свою задачу выявлением лишь некоторых его основополагающих сторон.

Для наглядности выпишем сначала те места хроники, которые наиболее значимы для освещения поставленного вопроса, а затем проанализируем эти сообщения.

Важнейшими строками «Памятника Эриставов» служат следующие:

1. «Этот (Давид Багратов.—В. Г.) весьма возвеличил Квепс-пневели Ларгвисского и назвал его эристав-эриставом и дал ему главенство над всеми дидебулами и дворянами, которые живут между Арагви и Лиахви...»¹.
2. Царь Давид со своим войском «подошел ко всем девяти ущельям эриставства Шалвы (ксанского—В. Г.) и привел двалов и хаделухаотцев и всех нижних мтиулов»².
3. «Царь подарил Шалве (эриставу ксанскому.—В. Г.) Трусю Гуда, Гагасдзени, Млете, Арахвети, Хандо, Каичавети, имение Абадзэ, Дзагна корнани, Дигуами, Гавази... Ацеришеви, Бехуше»³.
4. «Тогда собрались все двалы и сказали: «не хотим государя сидящего в нашей стране»

¹ შ. მესხია, ძველი ერისთავთა, Материалы по истории Грузии Кавказа. 30 вып. Тб. 1954, стр. 346—347.

² Там же, стр. 347.

³ Там же, стр. 348.

чтобы нас съесть. Но они (ищущие убежища осетины. — В. Г.) сказали и поклялись твердо: не будем называться государями, а назовемся именем той местности, которую нам дадите. Тогда дали им (т. е. двалы отвели эмигрантам — осетинам. — В. Г.) местность Бобалета и назвали их Бибилуры»⁴.

5. «Тогда двалы обратили внимание на это, собрались и сказали: видим с какой деятельностью начали строиться эти осетинские государи, и хотя мы их назвали Бибилурами, но имя это не скроет их рода и племени; и по истечении малого времени овладеют всею нашею страпою; двуглавою змею, прежде чем она выведет птенцов (змеенышей. — В. Г.) и окончательно закрепится, удалим из нашего чрева. Забрали они и привели в Исрольское ущелье, в Накапуани Ростома и всех его братьев и его холопьев»⁵.
6. «Виршели III-ий «собрал все свое войско и сказал... Теперь мы уделим время им (двалам. — В. Г.), или разорим их землю или же сделаем их слугами и податными нам»⁶.
7. «И услышали нижние двалы кошко-носебурцы, тлевцы — мугисвельцы, згубиро-рокцы. Содрогнулись и представили заложников, подарки и подать и клятвой обязались ему (эриставу — В. Г.) верно служить... и услышали магран-двалы и пришли Брутасшвины, келеур — кабушуры и все жители Сосхо — Цубенискеви, Ходжи и Цайи с заложниками, податью и множеством подарков: и (Виршели — В. Г.) взял с них клятву верности и обещали (двалы — В. Г.) преданно служить» (подчиняться)⁷.
8. «Но житель Кного⁸, которого звали Хареба, известил всех двалов, что ваш общий враг (враг вас всех) находится в моем доме, придите теперь и убьем его, ибо он находится в наших руках. Тогда собрались все двалы с радостью и пошли;... но добрый человек сообщил Виршелю об их намерении»⁸, и Виршели с семейством поспешно оставил Кного.
9. «Отец мой (Виршеля — В. Г.) столько сделал двалам, одним огнем, убийством, разорением, разрушени-

⁴ Там же, стр. 344.

⁵ Там же, стр. 344.

⁶ Там же, стр. 356.

⁷ Там же, стр. 357.

⁸ Там же, стр. 359.

⁹ Эристав Виршель находился временно с семьей в Кного.

ем крепостей.. а еще другим любовью, уважением, дарованием и одеянием в разноцветную одежду (курсив всюду наш. — В. Г.).

Приведенные выдержки из «Памятника Эриставов» говорят следующее:

1. При первоначальном установлении государственных функций, правомочий и правовых преимуществ ксанских эриставов, они территориально были ограничены местностью между ущельями Арагви и Б. Лнахви (см. выписку 1).

В конце XIII века эриставство ксанское включало в себя девять ущелий, а двалы и хадел-цхаотцы были вне пределов эриставства (см. выписку 2).

И позже, когда царь Вахтанг (1302—1308 гг.) за верность себе наградил ксанского эристава Шалва, он пожаловал ему ряд местностей, среди которых Двалетия не упомянута. Правда, в этом месте рукописи выскоблено несколько слов, но ничто не дает основания утверждать, что выскобленные слова содержали наименования двалетской территории, или утверждать обратное, что наименования Двалетии там не содержались. Данное место хроники (см. выписку 3) служит основанием лишь к тому, чтобы признать, что в начале XIV в. владения ксанских эриставов значительно расширились.

Все вышесказанное в своей совокупности дает основание формулировать положение, что до начала XIV ст. Магран-Двалетия и Двалетия не входили в пределы владений ксанского эристава.

2. На протяжении всего повествования хроники часто идет речь о двалах, но ни разу не назван среди двалов или на территории Двалетии какой-либо представитель феодального общества, нет указаний на наличие среди двалов социальных категорий феодального общества.

Наоборот, двалы очень настороженно и чутко относились ко всяким попыткам и поползновениям к зарождению феодальной власти, аристократии и общими усилиями в корне пресекали их.

Так, например, в отношениях со знатными осетинами, бежавшими из Осетии и желавшими натурализоваться в Магран-Двалетии, двалов беспокоит лишь один вопрос: не будут ли знатные осетины и в Магран-Двалетии претендовать на привилегированное положение и какие-либо преимущества.

Двалы согласились принять в свою среду знатных эмигрантов лишь после того, как они отказались от каких-либо претензий на знатность и привилегии. Как только стронтельство ба-

⁹ Там же, стр. 356.

шен эмигрантами вызвало подозрение у двалов, что за этим скрывается намерение пришельцев в будущем добиваться господства — привилегии, так они немедленно выселили Ростому и лиц его сопровождавших за пределы Двалетии (см. выписки 4 и 5).

В XIV в. значительным явлением в жизни двалов была борьба с ксанскими эриставами. Важным моментом этой борьбы была попытка эриставов наложить подати на двалов и подчинить их себе, с одной стороны, и непокорность двалов и их сопротивление этим устремлениям эриставов — с другой.

Самым значительным мероприятием эриставов в этом направлении был поход Виршели III-го в конце XIV в. против двалов. Но и это мероприятие имело лишь кратковременный успех, в конечном итоге двалы продолжали держать себя независимо от эриставов (см. выписки 6 и 8).

Вывод: судя по «Памятнику Эриставов» ни в XIII—XIV в. в., ни раньше в Двалетии не было феодальных отношений. Серьезная попытка ксанских эриставов в конце XIV в. подчинить себе двалов юридически и наложить на них подати, чтобы правовой зависимости дать экономическое выражение и, одновременно, создать себе новый источник доходов в конечном итоге оказалась тоже безуспешной. Двалы не несут феодальных повинностей и не признают себя ни податными, ни подвасальными эристава.

3. Каков же был уклад общественной жизни двалов в ту эпоху?

Из общего повествования хроники и в частности из приведенных выписок (см. выписки 4, 5, 7, 8) мы узнаем: а) что все важные вопросы, касающиеся данных ущелий и двалов в целом, обсуждались на общих сходках двалов; общие собрания выносили решения и двалы действовали соответственно этим решениям (например: прием и выделение земель Ростому и его сопровождающим и последующее их выселение); б) что от имени двалов выступает безличная масса, рядовые жители сел, сам сельский коллектив, а не какие-либо выборные уполномоченные лица или лица занимающие какое-либо преимущественное положение (например: приход с повинной и заложниками, подарками сперва нижних двалов, а после и магран-двалов к Виршели III-му у горы Бехуше и горы Сосхо); в) что при обращении к двалам обращались ко всем двалам сообща, а не к каким-нибудь главарям, вождям или особому сословию, и военные действия производят по общей инициативе (например: когда их призвал кнгогоец Хареба для нападения на эристава; карательные мероприятия эристава и царя Георгия направлены против двалов в их совокупности, а не против каких-либо вождей); г) что, не-

смотря на частое упоминание двалов отсутствуют совершенно признаки какой-либо общественно-организационной дифференциации этой массы; никакого иерархического деления среди двалов не видно. Единственным действующим лицом, субъектом, является народная масса, племенной коллектив в своей совокупности. Организационная форма, которую принимает этот действующий коллектив, является: в мирных условиях — общенародное собрание, а в военных условиях — общенародное ополчение.

Из хроники видно, что земля — территория верховья ущелья Бол. Лиахви в далеком прошлом была общей собственностью племени; народное собрание отводило переселенцам земельный участок для заселения; народное же собрание выселяло нежеланных поселенцев.

Призыв Хареба из Кного к вооруженному нападению на эристава обращен также к двалам в их совокупности. После этого следует собрание двалов, завершаемое организованным выступлением против эристава, т. е. начало военных действий есть дело всего населения.

Особенный интерес представляют собрания двалов, упомянутые несколько раз в хронике. Но о природе этих собраний двалов трудно судить за отсутствием нужных подробностей; по этой же причине мы воздерживаемся от проведения каких-либо аналогий.

Таким образом народное собрание двалов оказывается высшим органом регулирующим важнейшие вопросы общественной жизни; (вопрос земли, вопрос войны); в важнейших случаях действия двалов направляются решениями народного собрания. В самом этом собрании не видно, чтобы отдельные лица играли ведущую роль и имели бы решающее влияние на ход собрания. Поэтому, мы предполагаем, что в общине двалов XIII—XIV в. в. решающей общественной силой была общинная демократия.

Из всего вышесказанного явствует, что в XIII—XIV в. в Двалетии налицо сильно выраженные элементы общинного строя, которые имели определяющее значение при решении соответствующих общественных вопросов.

Приняв положение, что у двалов в XIII—XIV в. в. еще господствует ряд общинных начал, следует выявить, что можно сказать еще конкретнее на основании «Памятника Эриставов» и характеристике общественного строя двалов, и означает ли все это господства именно общинного строя.

Первая черта, которая поражает читателя хроники это та, что нет ни одного случая сигнализирующего о наличии общественной иерархии, и распределения общественных функций в среде двалов.

Двалы каждый раз изображаются единой массой, среди которой никто и ничто не выделяется; в хронике используются выражения просто «двалы» или «все двалы».

Эта черта тем более поразительна, что при упоминании соседних горных обществ, ксанских и арагвских горцев, в хронике мы неоднократно сталкиваемся со значительной и определенной социальной иерархией и распределением общественных функций.

Так у ихаватцев названы „თავადი ხვეისბერი“, „მამასახლისები“, „წურილი ერი“ (стр. 352), у арагвских мтиулов — „თავადი კაცები“ (стр. 355), у мзавцев — „თაენი და გოლიათნი ქუეყანისა“ (стр. 257); в Ларгвисе и вообще по ущелью р. Ксани и владениям Эристава упомянуты „დიდებულნი და აზნაურნი“ (стр. 345, 346), „მამასახლისი“, „ყოველი ერი“ (стр. 345), „ციხის თავი“, „საყდრისპეილნი“, „მონანი“, „ერისთავი“, „ერისთავთ-ერისთავი“ (стр. 345—347), „ბეგრის მკრეფელნი“ (стр. 353), „თავადნი და ლაშქარნი“ (стр. 354), „მღვდელნი და მონაზონნი“, „გლეხნი“ (стр. 352)¹⁰.

Показательно, что автор хроники знает и подмечает социальную иерархию даже у далеких осетин, говоря на первой же странице о «государях» (მეფენი) осетинских и об их «холопьях» (მონანი).

Эти факты означают, что момент иерархический учитывается автором хроники, момент социальной дифференциации автор не упускает из вида и он не забывает его отметить.

При таком положении однообразное упрощенное изображение двалов нельзя целиком отнести за счет неосведомленности автора хроники о структуре общественного строя двалов.

Конечно, отдаленность — бездорожье и глушь Двалетни должны были обусловить меньшую интенсивность общения и глубину проникновения в двальскую среду и меньшую, поэтому, осведомленность автора о строе общественной жизни двалов. Но при всей своей основательности это соображение может служить лишь частичным объяснением отсутствия в повествовании «Памятника Эриставов» даже намеков на какую-либо дифференциацию среди двалов. Все же примитивный облик общественной организации двалов в «Памятнике Эриставов» должен быть признан показателем того, что социально двалы были мало раз-

¹⁰ Наличие значительной общественной дифференциации, иерархического деления и распределения функций по ущельям рр. Арагви, Терека засвидетельствованы, кстати, и другими письменными памятниками («Дзеглис де-ба», «Гергетская летопись») относящимися к этой же эпохе (XIV — XV вв.).

виты и уж, конечно, значительно менее развиты чем мтиулы и осетины.

Даже в эпизодах приема и проводов эмигрантов-осетин во главе с Ростомом, когда хроника повествует о событиях внутри Магран-Двалети, и можно было ожидать более подробной картины быта двалов, мы, к сожалению, этого не находим.

Не видно ни инициаторов собраний двалов, ни направляющих ход этих собраний. Если в этих собраниях и проявилась племенная организованность двалов, то она действует лишь периодически, и лишена четких контуров, а института какой-либо постоянно действующей иерархии, или разделения общественных функций все же не видно.

Косвенным подтверждением вывода о том, что решающей силой в общественной жизни двалов была общинная демократия, служит свидетельство Вахушти Багратиони о том, что «и теперь (еще) родовитых из них зовут осетинами, а других не родовитых — опять (по-прежнему) двалами же»¹¹, и «они знают роды и более знатными родом являются осетины... а двалы являются родом низшими»¹².

Стало быть еще к началу XVIII ст. наименованием «двалы» отмечали низший, наиболее демократический слой местного населения. Это мы объясняем тем, что примитивизм их общественного строя, засвидетельствованный в XIV в. «Памятнике Эриставов» сохранялся длительное время и продолжением этой традиции служит тот факт, что при слиянии с осетинами этнический термин «двал» закрепился за низшим, демократическим слоем.

Для характеристики общинного строя двалов XIII—XIV в. в. нужно сказать еще следующее:

Бедность форм общественной организации двалов несомненна, однако это еще не дает основания предполагать у двалов общинный строй в его первоначальной стадии. Нельзя предполагать, что родовой общинный строй у двалов сохранялся еще в XIV в. в своей первобытной чистоте, в полной нерушимости и неприкосновенности своих норм и форм. Наоборот, есть полное основание утверждать обратное.

Общинный строй наших горцев в эпоху развитого и позднего феодализма имел ряд своеобразных черт отличающих его от общинного строя у древних народов и примитивных на-

¹¹ „აწუა გვარიანთა მათ უწოდებენ ოსად, ხოლო სხვათა უგვართა კვალად ღვალადეა“; ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსა, 1941, стр.107.

¹² „უწყვიან გვარნი და უწარჩინებულესნი გვარითა არიან ოცსნი... არამედ ღვალი უმდაბლესნი არიან გვარითა“, там же, стр. 110—111.

родов нового времени. Эти своеобразия проистекали от того, что здесь в Грузии получилось переплетение общинного строя, общинного демократизма горцев с феодализмом низменных районов; что в рамках общинной собственности возникла и окрепла частно-семейная собственность, что горцам была знакомой и форма феодальной собственности; Чувство родовой обособленности переплелось с сознанием общенародной государственной общности; получилось переплетение язычества с христианским монотеизмом, узко-родовой морали с общечеловеческой моралью христианства и др.

Важным фактором также нарушавшим чистоту, последовательность соблюдения родового принципа была относительная густота населения и вызванные этим относительно частые и тесные межродовые, межплеменные и международные отношения. Все это в равной мере относится, в частности, и к двалам.

Так, например, археолог Е. Г. Пчелина, обследовавшая Джавский район в археологическом отношении, пишет¹³, что по археологическим и фольклорным данным Джоматское и Урсдзуарское ущелья в эпоху средневековья были густо населены.

Затем известно из сванского исторического памятника, повествующем о вражде между сванами и князьями Джапаридзе, что одна из важных коммуникационных линий, соединяющая Восточную и Западную Грузию, шла через Двалетию. В частности сваны, лечхумцы, рачинцы и даже имеретинцы общались с Картли и Кахетией именно этой дорогой, через Двалетию¹⁴.

Одним из сильных факторов, нарушавших общинные рамки в жизни двалов являлась церковно-христианская организация. Наличие таковой в Двалетии, по крайней мере с X в. засвидетельствованно вполне убедительно¹⁵.

Уже в XI в. известен ряд духовных лиц выходцев из Двалетии и подвизавшихся на культурно-христианском поприще, проживая в грузинских монастырях внутри и вне Грузии: священник Микель Двали (1038 г.), монах Иоан Двали (1051 г.), Симон Двали (1066 г.)¹⁶. Это положение продолжалось и в последующем. Так, в XIV в. известен мученик за христианскую веру и причисленный грузинской церковью к

¹³ Е. Г. Пчелина, Отчет об археологической разведке в Джавском районе, 1950, Рукопись, стр. 3 и 12.

¹⁴ П. Ингороква, Исторические памятники Сванетии. II вып., стр. 31 ვგნატაშვილი ბერი, ახალი ქართლის ცხოვრება, თბ., 1940, стр. 172—173.

¹⁵ Этого вопроса мы касаемся подробнее в другом месте.

¹⁶ თ. ქობულაძე, ქრონიკები, ტ. 1, стр. 177, 203, 210.

лику святых Николоз Двали¹⁷. Не только Николоз, но и его родители, проживавшие в с. Цай в верховьях Б. Лиахви, были христианами¹⁸.

Проф. К. Кекелидзе еще называет культурно-церковного деятеля XIV в. некоего Микель Двали¹⁹.

Известен двал Георгий, переписавший Лабчинское четвероевангелие в XIII в.²⁰

Еще в X в. построена церковь в ущельи р. Паца, у нынешнего села Сохта,²¹ а в I-ой половине XI в. построены церкви на северном склоне Главного хребта в Зругском и Жгельском ущельях,²² т. е. в собственно Двалетии.

Вполне вероятно, что в те века в высокогорной зоне еще были церкви, но они или не сохранились или пока не известны, вследствие недостаточной изученности этих районов в археологическом отношении. О наличии некоторых следов этих церквей мы уже говорили.

Вахушти (начало XVIII в.) сообщает, что двалы, вообще, в прошлом были христианами,²³ и были включены в паству Никозской епархии.

Эти факты подтверждают распространенность христианства при Георгии II в 70—80-ых гг. XI в., произошел дальнейший подъем церковью.

Целостность общинного строя двалов нарушал и политический момент. С момента объединения основной части территории Грузии под верховенством первого общегрузинского царя Баграта III и Двалетия оказалась в составе Грузии.

После кратковременного ослабления грузинского государства при Георгии II в 70—80-ых гг. XI в., произошел дальнейший подъем государственной жизни при Давиде Стронтеле. Это привело к новому усилению Грузии в высокогорной зоне

¹⁷ Имя «Двали» указывает на их двальское происхождение. В грузинских исторических памятниках обычны такие наименования: Константи Кахи, Иванэ Кахи, Илариион Картуели, Петре Картуели, Микель Апхазн и др. где вторая часть указывает на племенную принадлежность данного лица, и в церковно-духовной жизни заменяет ему фамильное имя.

¹⁸ ძველი ქართული ლიტერატ. კრესტომატია ს. ყუბანეიშვილის რედაქციით, ტ. I, 1946, სტრ. 254.

¹⁹ კ. კეკელიძე, ძველი ქართული მწერლობის ისტორია, ტ. I, თბ., 1931, სტრ. 115.

²⁰ см. рукопись Института рукописей АН ГССР, А фонд № 1459.

²¹ ვ. ბერიძე, ქართველი ხეროთმოდღერები, თბ., 1956.

²² В. Долидзе «Ховита—Майрам... Сообщения АН ГССР, 1954, № 2; Архитектурный памятник Тли, там же, 1958, XXI т., № 6.

²³ ვახუშტი, ციტ. сочин., სტრ. 119

Кавказа. Это положение сохранялось неизменным в течении ряда поколений. Поколебленное монгольским господством положение было восстановлено при Георгии V (1 пол. XIV в.) Таким образом в XIV в. пребывание Двалетии в составе грузинского феодального государства имело уже большую давность. Это не могло не вызвать участия двалов в общеполитической жизни страны, т. е. Грузии. Так за один XIII век, в дошедших до нас немногочисленных исторических памятниках, дважды упоминается участие двалов в общегрузинских событиях: в начале XIII в. по призыву царицы Тамар, двалы участвовали наравне с цхаотцами, цхрадзмийцами, мохевцами, чартальцами и др. грузинскими горцами в подавлении восстания пховцев и дидойцев²⁴, а в конце XIII в. они участвовали в разорении владений ксанского эристава Шалва, предпринятом царем Давидом²⁵. Нет сомнения, что подобные факты в действительности бывали много чаще.

Следовательно, двалы помимо родо-племенной общности должны были сознавать себя членами и более широкой социальной организации—общности, т. е. членами феодального государства: помимо родо-общинных обязанностей должны были нести обязанности и более широкого социального масштаба, обязанности возлагаемые на них феодальным государством.

Особо следует отметить наличие частно-семейной собственности среди двалов. Так отец Виштели III-го одних двалов разорял, а других одаривал. Сам Виштели III-ий во время своей карательной экспедиции в Двалетию (конец XIV в.) «взял восемь крепостей и сел и все сжег и разорил кроме тех людей, которые оповестили его об измене двалов, их все сохранил (невредимым) в целости; и на другой день пришел в Кара и сожгли пять крепостей и сел»²⁶. Обращает на себя внимание количество разоренных крепостей и сел за день: 8 и 5. Такое количество дает основание полагать, что это были небольшие фамильные крепости или башни. Под выражением «их все» разумеется имущество данных лиц. Несколько ниже говорится об «отцах, женах и детях» двалов. Это все делает несомненным наличие семьи и частно-семейной собственности среди двалов.

Из «Памятника Эриставов» видно, что двальская среда уже не монолитна, что она уже дала трещину.

Ксанские эристави некоторых из двалов одаривают, награждают и покровительствуют им (выписка 9), конечно, за

²⁴ „ქართლის ცხოვრება“ изд. 1906, стр. 257.

²⁵ „ქველი ერისთავთა“, ЦИГ. издан., 1954, стр. 347.

²⁶ Там же, стр. 361.

ответные услуги. У этих двалов уже настолько развито стремление к богатству, что они в себе преодолевают даже общинную мораль и действуют, хотя и тайно, но против своих соплеменников, тайно информируя эристава о намерениях и действиях двалов (выписка 8). Этот момент является характерным проявлением перерождения общинного строя, раздвоения двальской среды.

Из памятника 1 половины XIV ст. «Дзеглис деба» мы знаем, что процесс общественной деморализации в Мтиулети, соседящей с Двалетией, зашел весьма далеко. Это, конечно, помимо прочих причин, должно было оказать также отрицательное влияние на соседнюю Двалетию. Это тоже должно было способствовать нарастанию тенденции к разложению общинного строя. Таким образом целый ряд разнообразных моментов заставляет предполагать у двалов XIV в. наличие процесса перерождения общинного строя, и общинный строй в значительной мере отошедшим от его первоначального состояния.

Наконец, важным симптомом является то, что среди двалов XIII—XIV в. в. весьма привились грабительские нападения и разбои с целью наживы. У них разбои с целью добычи материальных благ вошли в систему. В «Памятнике Эриставов» названы четыре случая нападения двалов на села ксанского эриставства с целью разбоя²⁷.

В этой связи мы вспоминаем, что писал Энгельс: «Мы видим... в греческом строе героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем, уже и начало подрыва ее: (курсив наш — В. Г.)... отцовское право с наследованием имущества детьми благоприятствовало накоплению в семье и усиливало семью в противовес роду...; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение их в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатства...»²⁸.

Разбои и грабеж, ставшие промыслом отмечает Ф. Энгельс и у американских индейцев и у германцев. Они

²⁷ «Дзеглис деба», цит. издан., стр. 353, 355, 356.

²⁸ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1948, стр. 122.

езде служат симптомом разложения рода и ведут к его дальнейшему перерождению²⁹.

Развитие грабежа и разбоев среди двалов, конечно, тоже связано с перерождением общинного строя, и со своей стороны должно было содействовать этому процессу, должно было породить имущественное неравенство.

Итак, приведенные выше факты ставят вне всякого сомнения наличие развивающегося процесса разложения у двалов общинного строя; причем этот процесс мы застаем в XIV в. не в начальной стадии, а уже прошедшим некоторые ступени.

Следовательно, общественная жизнь двалов XIII—XIV ст. не ограничивалась родо-общинными рамками. Но «стоило обществу выйти из рамок внутри которых эта (родовая — В. Г.) организация удовлетворяла своему назначению, наступил конец родовому устройству; оно взрывалось, его место заступало государство»³⁰.

Но община горцев Грузии распадаясь на группы имущих и неимущих не перерастала в рабовладельческое государство, а встречала уже готовое государственное устройство в виде феодальной Грузии; нарождающейся в среде общины аристократии оставалось лишь примкнуть и влиться в систему грузинского феодализма и тем укрепить свои социальные позиции.

Одним из путей, которым это происходило был переход некоторых горцев-горских фамилий в духовное сословие или сословие азнауров с санкции высших феодальных и церковных кругов Грузии.

В конкретных исторических условиях XIII—XIV в. в. распад общины мог своей обратной стороной иметь только то обстоятельство, что место общины заступало государство феодальной Грузии—т. е. грузинская феодальная организация.

Это было так тем более, что само грузинское феодальное государство, с самого своего возникновения, активно стремилось к проникновению в высокогорную зону Б. Кавказа и закрепило там своего верховенства.

Первоначально государственная власть должна была проникать в горы как верховная власть, как власть стоящая

²⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1948, стр. стр. 105, 163—164.

³⁰ Там же, стр. 164.

над общинной и присваивающая себе право диктовать и определять отношения общины с государством. Но по мере углубления процесса распада общины и во внутренней общественной жизни горцев место общины начинала занимать феодальная организация, т. е. нормы общинного строя начинали заменяться нормами феодального строя. Это последнее вело к органическому вживанию начал феодализма в общественную жизнь горских общин. Но судя по описаниям хроники «Пам. Эриставов» социальное развитие, в частности, двалов не было еще столь далеко зашедшим. Хотя в «Памятнике Эриставов» мы действительно видим упорное стремление феодализма проникнуть в Магран-Двалетию, с одной стороны, и, с другой, наличие некоторых элементов среди двалов, идущих навстречу устремлениям феодализма и строящих свою жизнь в перспективе этих устремлений, связывающих свою судьбу с судьбами грузинского феодализма.

Однако, несмотря на такое положение в XIII—XIV в. в. общинный строй в Магран-Двалетии находится «еще в полной силе», является решающей силой и организующим принципом их внутренней общественной жизни. Таково недвусмысленное впечатление от данных хроники «Памятник Эриставов».

Это означает, что ростки аристократии, элементы выделяющиеся из общинной массы еще слабы; процесс имущественной дифференциации, видимо, не зашел еще далеко и общинная демократия является решающей силой. Поэтому феодализм не имеет нужной опоры в двалах и встречает с их стороны упорное сопротивление.

Выводы настоящего исследования можно формулировать кратко следующим образом:

1. Собственно Двалетия в XIII—XIV в. в. не входила в сферу интересов ксанских эриставов. Но в отношении Магран-Двалетии ксанские эриставы добивались от двалов признания себя сюзеренами. Двалы оказывают этому сопротивление.

2. В Двалетии до конца XIV в. не было феодального строя и господствующим является общинный строй.

3. По социальному развитию двалы значительно отстают от мтиулов и от осетин.

4. Общинный строй у двалов характеризуется простотой общественно-организационных форм.

5. Решающей силой внутри общины является общинная демократия.

6. Есть ряд признаков говорящих о том, что общинный строй у двалов был в стадии перерождения.

7. Распад горских общин Грузии не вел к возникновению рабовладельческого общества. Место распадающейся общины заступало феодальное государство — феодализм.

6. О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ ДВАЛАМИ И ОСЕТИНАМИ В XIII — XIV вв.

В грузинских исторических памятниках часто упоминаются осетины и двалы, Осетия и Двалетия; упоминаются эти имена в различной связи и по различным поводам; но нигде, ни разу, ничего не говорится в прямой форме о соотношении между осетинами и двалами, за исключением Вахушти Багратиони (1 пол. XVIII в.).

Сведения Вахушти и его взгляды, касательно отношений между двалами и осетинами, мы уже изложили и проанализировали.

Судя по повествованию Вахушти, лишенного ссылок на отдельные источники и замечаний дискуссионного характера, следует признать, что Вахушти выражал традиционный взгляд общепризнанное мнение по данному вопросу.

Несмотря на это мы не ограничиваемся трудом Вахушти и попытаемся проверить какие данные содержат более ранние грузинские исторические памятники о двалах и осетинах.

Хотя, как уже было указано, эти исторические памятники не касаются прямо вопроса о соотношении между двалами и осетинами, тем не менее наличествующий в них фактический материал дает достаточное основание для решения поставленного вопроса.

Особенно ценными являются данные «Памятника Эриставов». Этот памятник, создан в смежном, Ксанском ущельи; жители Ксанского ущелья непосредственно и часто соприкасались с жителями Двалетии и их этническая сущность должна была быть им хорошо знакома. Потому свидетельства «Памятника Эриставов» относительно двалов и Двалетии заслуживают серьезного внимания и доверия.

Для характеристики всего круга взаимоотношений двалов и осетин, для уразумения комплекса вопросов о взаимосвязях между двалами и осетинами мы не находим в хронике «Памятник Эриставов» достаточного обширного материала. По целому ряду аспектов двало-осетинских взаимоотношений на основании «Памятника Эриставов» нечего сказать. Вместе с тем в хронике есть ряд сообщений и она фиксирует некоторые обстоятельства, факты исторической действительности, значимые

и показательные для возникшего вопроса. Остановимся на них.

Хроника начинается с предания о далекой старине, о поселении в Ксанском ущельи родоначальника ксанских эриставов. При этом повествуется: «в эти времена было великое волнение в стране Овсети (земле Осетинской) и было великое кровопролитие между их государями; тогда победили сыновья старшего брата и перевели через гору Захскую сыновей младшего:..... и привели в страну Двалети (землю Двалетскую). Тогда собрались все двалы.... отвели им страну (землю, местность) Бобалетан и назвали Бибилури. И начали строить крепость и дома велико-великие, подобно которым не бывало в стране Двалети (земле Двалетской). Тогда двалы обратили на это внимание, собрались и сказали: видите, с какой деятельностью начали строиться эти осетинские государи, и хотя мы их наименовали Бибилурами, но имя это не скроет их рода и племени (родо-племени) и они по истечении малого времени овладеют всею нашею странюю. Двуглавую змею, пока выведет детенышей и окончательно закрепится, удалим из нашего чрева».¹

В результате враждебного недоверия двалов к осетинам — переселенцам эти последние были переселены дальше в Исролис-хеви, а оттуда в Цхразмис-хеви, в верховья Ксанского ущелья.

Этот рассказ о первом появлении родоначальника ксанских эриставов Ростома, изгнанного из Осетии в результате междоубийств, конечно, не может претендовать на буквальную достоверность; мы не можем рассматривать его как непосредственное воспроизведение — отражение какого-нибудь конкретного исторического факта.

Но это повествование очень важный свидетель, непосредственный первоисточник в том отношении, что вводит нас в мир представлений и понятий жителей Ксани—Лиахвских ущелий времен XIV—XV вв.; непосредственно знакомит нас с тогдашним пониманием ряда исторических вопросов.

Наличие такого предания означает, что жители Ксани—Лиахвских ущелий XIV в. сохраняли память о том:

- 1) что двалы жили в ущельи р. Б. Лиахви еще задолго до эпохи монголов, за много веков до XIII столетия;
- 2) что страна Овсети и страна Двалети были две различные области;
- 3) что границей между Овсетией — Осетией и Двалетией считалась Захская гора;

¹ «ფრთხილი ცხოვრება», изд. III. Месхиа, см. Материалы по истории Грузии и Кавказа, 30 вып., Тб., 1954, стр., 314.

4) что в ту отдаленную эпоху двалы противопоставляли себя пришельцам осетинам не только социально, но и этнически, они чувствовали взаимную племенную обособленность (вспомним выражения приписываемые двалам «эти осетины-скские государи», «не скроет их рода и племени»);

5) что между двалами и осетинами была также заметная культурная разница — различная строительная техника и стиль строений;

6) что двалы относились с настороженностью и даже враждебностью к пришельцам — осетинам (вопрос о беглецах-осетинах обсуждался и решался всей общиной на общих сходках двалов), что между ними налицо была взаимная отчужденность, ни слова о взаимном родстве и близости племени двалов и осетин.

Эти положения сохраняют силу и для последующего времени.

Из хроники видно, что в дальнейшем, до самого XV в., до которого доходит повествование хроники, никаких существенных изменений во взаимоотношениях двалов и осетин не произошло.

На протяжении всего повествования мы не встречаем в хронике ни разу упоминания осетин как жителей территории Ксани-Лиахвских ущелий. В ущельи р. Б. Лиахви и местности Книго (верховья р. М. Лиахви) многократно упоминаются двалы и только двалы, с подразделением на магран-двалы, нижние двалы и вообще двалы; иные этнические наименования на этой территории ни разу не встречаются.

Ни разу не указано наличие каких-либо связей или отношений двалов с осетинами.

Во всех случаях употребления этнического термина «Осетины», этим именем обозначен этнический элемент, находящийся вне территории двалов: за Захской горой, в осажденной крепости Гори, некоторые жены ксанских эриставов являются дочерьми осетинских владетелей—государей², они происходят также с дальней территории неподведомственной ксанским эриставам и царям Грузии, следовательно, не из Двалетии.

Каковы показания других грузинских источников по этому вопросу?

Важнейшей летописью эпохи господства монголов, т. е. XIII—XIV вв. признан «Хронограф» («ქრონოგრაფი»). — памятник середины XIV в., довольно-таки объемистое произведение.

² Там же, стр. 344, 350, 348.

Этот памятник содержит целый ряд указаний о наличии осетин в Картли в конце XIII в. и в первой четверти XIV в. Возникает вопрос не было ли какой-нибудь связи между двалами ущелья Большой Лиахви упоминаемыми в хронике «Памятник Эриставов» и осетинами упоминаемыми в Картли летописью «Хронограф».

Этот вопрос уместен и интересен, поскольку двалы и эти осетины упоминаются в одних хронологических рамках, т. е. являются современными друг другу и потому еще, что эта фиксация двалов и осетин произведена самостоятельно каждым из этих двух летописцев; при этом автор «Памятника Эриставова» современник описываемых им двалов и близко их знающий; также и автор «Хронографа», почти современник описываемых им осетин и близко знакомый с событиями в Картли.

Ознакомление с летописью «Хронограф» и следующими продолжениями «Карлис Цховреба» привело нас к убеждению, что нет никакого основания связывать осетин, действующих в Картли в XIII—XIV столетии, с лиахвскими двалами. Описание в «Хронографе» осетинских «мтаваров» Пареджана и Бакатара с их дружинами и их действий характеризует их резко отлично от двалов и их действий, как они представлены в «Памятнике Эриставов».

Ознакомимся, что собственно сказано об осетинах в «Хронографе».

1. Относительно происхождения осетин в Картли во 2-ой половине XIII в.. Когда повествование «Хронографа» дошло до времен около 1260 года он сообщает, что в это время пришли бежавшие от хана Берке³ женщины и привели с собой маленьких детей из рода Ахасарпаканов — Пареджана и меньшого Бакатара, пришли и многие другие знатные люди пройдя врата Дарубандские и предстали перед царем Давидом сыном Лаша Георги, который их с почетом направил к иранскому ильхану (Улу-хану). Этот принял беглецов милостиво и назначил их на военную службу, «соратниками» и так их направил опять-таки к царю Грузии. А царь поселил их частью в Дманиси, частью в Живвани и частью в городе⁴.

Эта запись произведена автором «Хронографа» лет 80—100 после описанных событий, автором знавшим весь ход дальнейшего развития событий; этим объясняем мы упоминание в

³ Берке—преминик Батмья действительно был ханом Золотой Орды 1257—1266 гг. (см. Б.С.Э., 17 т., стр. 147).

⁴ «ქართლის ცხოვრება», изд. Е. Такашвили, 1906, стр. 688—689

этом эпизоде имен малолетних ребят: Пареджана и Бакатара, будущих осетинских мтаваров бесчинствовавших в Картли.

Нет основания полагать, что автор «хронографа» в отношении известий об осетинах пользовался бы какими-либо более ранними письменными источниками. Более вероятно, что он использовал устные сообщения своих старших современников, знавших непосредственно этих осетин. Старшие современники могли передать ему вполне достоверные сведения; достоверные если не в подробностях, то в своих основных моментах. Поэтому мы полагаемся в своих суждениях на основные моменты сообщений «Хронографа». Эти основные моменты следующие: осетины в Картли появились не в 90-ых годах XIII в., но раньше того — примерно между 60—80 годами; эти осетины происходят с Северного Кавказа, они политические враги монголов Золотой Орды, они потерпели поражение в борьбе с Золотой Ордой и нашли убежище в Картли и покровительство иранских ильханов — врагов Золотой Орды.

2. Относительно территориального распространения осетин в Картли. Осетины поселились в Живвани — верхний пояс р. Арагви, в Дманиси — южная Грузия; осетины встречаются в Гори, в Триалети, во внутренней Картли⁵. В Никози, Цхинвали, Ачабети и выше по ущелью Лиахви они ни единый раз не упомянуты. А двалы занимают именно территорию верховьев р. Большая Лиахви. Следовательно, территориально осетины нигде не соприкасались с двалами.

3. Относительно социального характера осетин поселившихся в Картли. Среди осетин, появившихся в Картли, упомянуты «много знатных». Пареджан назван «сыном овсского царя»⁶, другой раз он же назван овским «мтаваром»⁷, Бакатар также назван «овским мтаваром»⁸, основное ядро осетин эмигрантов — военная дружина; иранские ильханы возложили на них военные функции, как мы уже видели. В свободное от походов время они чинят в Картли разбой и насилия. Осетинские мтавары захватывают феодальные замки и стремятся стать самими феодалами. Этой стороной своей деятельности они собственно и сохранились в памяти жителей Картли и вошли в историю.

У двалов же в это время сохранял свою силу общинный строй; никакая аристократия не выделяется в среде двалов.

⁵ Там же, стр. стр. 689, 748, 752

⁶ Там же, стр. 745

⁷ Там же, стр. 750, 752

⁸ Там же, стр. 759

Следовательно, социально двалы и осетины — эмигранты взаимно чужды, стоят на разных стадиях общественного развития.

4. Относительно политической направленности и смысла действий осетин в Картли:

Автор «хронографа» неоднократно⁹ указывает на тягостность для Грузии монгольского ига (бесконечные войны монголов, в которых приходилось участвовать и грузинам, внутренние неурядицы и междоусобия, тяжелое экономическое положение), на недовольство грузин, казнь Димитрия II-го, неподчинение царя Давида VIII монголам, на решительную поддержку Давида VIII-го грузинскими горцами и картлийскими азнаурами.

Одновременно, наличие угрозы нашествия с севера полчищ Золотой Орды, чего иранские ильханы особенно опасались и наметившийся союз царя Давида VIII с Золотой Ордой делала положение иранских ильханов в Закавказье весьма шатким. Особенной остроты достигло положение в 90-ых годах XIII в. и продолжалось в первом десятилетии XIV в. Борьба приняла открытые формы и велась со всем напряжением.

В такой обстановке осетины в Картли, возглавляемые сначала мтаваром Пареджаном, а после него мтаваром Бакатаром, должны были выбирать между укrywшимся в Мтиулетн царем Давидом VIII и внешне-политической ориентацией на Золотую Орду, с одной стороны, и изменившей царю частью феодалов и господствующими в самой Картли ноинами иранских ильханов, с другой стороны. Непосредственная возможность пожить за счет картлийских азнауров, поддерживавших Давида VIII¹⁰, возможность занять, при поддержке ноинов, господствующее положение в Картли, подстрекательства самих ноинов, былая вражда осетин к Золотой Орде — все это толкало их к враждебным действиям против Давида VIII и поддерживавших его картлийских азнауров.

В сложившейся конкретной политической ситуации политические интересы господствующих кругов Грузии и овских мтаваров оказались взаимопротивоположными: Давид VIII с азнаурами восстал против «иранских ильханов» и в лице ханов Золотой Орды видел своих союзников, а овские мтавары, наоборот, в иранских ильханах видели своих покровителей, а в лице ханов Золотой Орды — своих врагов.

⁹ „ქართლის ცხოვრება“, изд. Е. Такашвили, стр. 753, 760, 765 и др.

¹⁰ Там же стр. 760

Политическая дезорганизация Картли и беззащитность картлийцев¹¹ также поощряла осетинские дружины к разбоям.

В итоге всего этого, осетинские мтавары Пареджан, а затем Бакатар с подчиненными им вооруженными отрядами оказались противниками народно-освободительной борьбы грузин против монгольского ига, подрывали те силы грузинского народа, которые вели освободительную борьбу против монгол.

Во всех действиях осетинских мтаваров и дружин никакого участия двалы не принимают. В «Хронографии» двалы вообще ни разу не упомянуты. Со своей стороны «Памятник Эриставов» ни разу не упомянул о борьбе двалов в союзе с осетинскими мтаварами против Давида VIII или картлийских азнауров. Наоборот, один эпизод со всей очевидностью и определенностью показывает, что лнахвские двалы и осевшие в Картли осетины примыкали к противоположным политическим партиям.

Монгольские войска, стремясь захватить в плен Давида VIII, вступили в Мтиулет; их проводниками названы «Шалва Квенишневели (эристав ксанский) и Бакатар мтаваровский»¹². В дальнейшем, по мере ослабления Давида VIII, свесский мтавар Бакатар все более и более свирепствует в Картли¹³, беспощадно разоряет и теснит азнауров верных царю Давиду VIII.

Двалы, наоборот, поддерживали царя Давида VIII. Они помогли Давиду VIII разорить имения и крепости ксанского эристава¹⁴, в наказание за его измену.

Таким образом в один из напряженнейших моментов борьбы Грузии с монгольским господством двалы и осетины оказались в противоборствующих лагерях; их политические устремления скрестились. Двалы были вместе с царем Давидом VIII и против ксанского эристава; дружины осетин, наоборот, вместе с ксанским эриставом против Давида VIII.

Следовательно, и в политической борьбе двалы и осетины эмигранты шли разными путями и были друг другу чужды.

С воцарением в 1314 году Георгий V в корне пресек бесчинства этих осетин в Картли; они сходят с исторической арены и далее не упоминаются в грузинских летописях. Двалы же упоминаются еще в событиях конца того столетия.

¹¹ Там же, стр. 750, 762, 765

¹² Там же, стр. 759.

¹³ «ქართლის ცხოვრება», изд. 3. Чичинадзе стр. 644, 645.

¹⁴ «მეგლი ერისთავთა», изд. Ш. Месхиа см. Материалы по истории Грузии и Кавказа 30 вып., 1954., стр. 347.

Итак, отсутствие взаимной интимной связи у двалов и осетин, сквозящие через все повествование хроники «Памятник Эриставов» находят себе яркое и бесспорное подтверждение в повествовании «Хронографа».

Не только осетины самой Осетии (Сев. Кавказа) не стоят в какой-либо связи с двалами, но даже и те осетины, которые переселились и действуют в Каргли никакого контакта не установили с двалами.

Это обстоятельство укрепляет нас в убеждении об ошибочности отождествления двалов и осетин, о наличии между ними существенных различий в XIII—XIV вв., в убеждении, что двалы XIII—XIV вв. — это особая этническая общность, независимая в отношении к осетинам.

Единственным языковым памятником двалов можно признать лишь часть топонимии, сохраненную от тех времен до наших дней. Источником, которому мы отдаем предпочтение перед всеми другими, в силу его местного происхождения, опять-таки является «Памятник Эриставов».

Топонимическая номенклатура Магран-Двалетии в «Памят. Эриставов» представлена двумя десятками названий, из которых одно не имеет ирано-осетинский облик; форма всех приведенных имен неосетинская. Даже учитывая возможную грузинизацию формы имен автором хроники и снимая грузинский налет с этих имен, все же под ними не обнаруживается, не чувствуется осетинская основа.

В этой связи мы учитываем также авторитетное заявление лингвиста-ираниста В. И. Абаева касательно топонимии Юго-Осетинской Автономной области. «В высокогорных районах (т. е. в Двалетии — В. Г.) она (топонимика — В. Г.) не объяснима ни из грузинского, ни из осетинского (к. и. — В. Г.) и является, по-видимому, наследием какого-то доисторического населения»¹⁵.

Это замечание Абаева следует отнести, конечно, на счет лишь древней топонимии края.

В другом месте мы специально занялись анализом части древней топо-этнонимии Двалетии и пришли к выводу о ее вейнахской природе¹⁶.

Следовательно, ни топонимика, ни описанные и относящиеся прямо к Двалетии события не дают каких-либо показаний о наличии осетин в ущельи р. Б. Лиахви до XV в.

¹⁵ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, 1, 1949, стр. 494.

¹⁶ ვ. ი. აბაევი, დვალეთის ტოპონიმის ანალიზისათვის, სსრ მეც. აკადემიის ისტორიის ინსტიტუტის შრომები, ტ. IV, ნაკვ. I, თბ., 1958, სტრ. 45—71.

Это обстоятельство служит вполне достаточным основанием для того, чтобы формулировать вывод: к началу XV в. верхняя часть ущелья р. Б. Анахви является еще заселенным двалами, среди которых осетины, как самостоятельный этнический элемент, не встречаются; взаимная размежеванность и чуждость двалов и осетин отмеченная в предании о Ростоме, легендарном прародители ксанских эриставов, сохранилась вплоть до XV в.

В полном согласии с этими данными и выводом находятся сведения юго-осетинского фольклора, сообщаемые З. Н. Ваневым. Ознакомившись с южно-осетинскими семейными преданиями, он пишет: «Самые коренные и многолюдные роды по Джавскому ущелью Хубуловых, Тедеевых, Цхурбаевых насчитывают по 10 поколений, причем Бегизовы по преданию «переселились на Юг раньше всех других фамилий». Исходя из количества поколений Ванев делает приблизительные подсчеты и заключает, «что современные юго-осетины живут в Юго-Осетии 4—5 ст., т. е. они переселились в период XV—XVI вв.»¹⁷.

Несмотря на неточность выражений и неточность (преувеличенность) подсчетов З. Н. Ванеева все же и юго-осетинский фольклор не свидетельствует наличия осетинского населения в ущельи Б. Анахви до XV—XVI вв.

По поводу появления осетинского населения на южных склонах Кавказа у лингвиста В. И. Абаева есть замечание: «Если заселение осетинами Джавского и Кударского районов, а тем более Туальского («от Кассарской теснины и до хребта») следует относить к достаточно отдаленной эпохе, отодвигая его на несколько столетий (к. и. — В. Г.), то нельзя же сказать о Ксанском... поселение ксанских осетин в теперешних местах по Ксанскому ущелью произошло не так давно, примерно в последние 200 лет»¹⁸.

Подчеркнутое мною выражение — «отодвигая на несколько столетий» — конечно, неопределенно, но вполне соответствует 4—5 стол., хотя бы в отношении «Джавского и Кударского районов», которые нас только и интересуют в данном случае.

Встречая такую поддержку со стороны сведений, исходящих из осетинского источника, мы позволяем себе более уверенно положиться на показания «Памятника Эриставов» и более категорически настаивать на вышеформулированном нами выводе.

Есть один единственный случай упоминания оседлого населения — осетин в пределах той части Грузии, которая попала

¹⁷ З. Н. Ванеев. К вопросу о времени заселения Ю/Осетии, Известия ЮОНИИ, вып. 2, 1936, стр. 274.

¹⁸ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, 1, 1949, стр. 501.

в поле зрения хроники, это в ущелье р. Терека в местности Мна, между Хеви и Трусо; они упомянуты в связи с походом ксанского эристави Виршели III против двалов, в конце XIV в.

Не встретив сопротивления со стороны двалов, получив от них подать, заложников и заставив их присягнуть на верность себе, Эристави перешел из ущелья р. Б. Лиахви в ущелье Трусо. Трусовцы также изъявили свою покорность и преданность Эриставу, но одновременно попросили помощи против своих врагов, населявших местность Мна. На вызов Виршели предстать перед ним мнавцы отказались явиться к нему, ответив: «не боимся мы тебя и не в силах ты вредить нам»¹⁹. Разгневанный таким ответом Эристави наступает на Мна. «Те люди (т. е. мнавцы. — В. Г.) были хорошие вояки, мужественные и ростом громадные и хорошо вооруженные»²⁰. Разгорается бой и эристави побеждает: главарей мнавцев убили, остальных взяли в плен, а крепости с селениями разрушили. Среди убитых главарей перечисляются «Сунгу, Пареджан, Амасаджан, Багатар и множество других»²¹. Эристав движется со своим войском дальше и к нему являются с дарами и изъявлением покорности мохевцы, хадцы, цхаотцы. На этом кончился поход Эристава и он возвращается домой.

Весь этот поход представляет, интересный своей характерностью, эпизод социальной борьбы, представляет попытку феодала распространить и закрепить свою власть в дальних горных ущельях, представляет попытку феодального государства организовать и внутренние укрепить, пользуясь предыдущей во внешне-политических трудностях и в предвидении грядущих бед и потрясений.

Наше внимание в данном случае привлекают два момента содержащиеся в этом рассказе:

1. Имена главарей мнавцев имеют явно осетинский характер—облик; из чего мы заключаем, что в Мна обитали осетины. Это вполне правдоподобно, так как Мна северная окраина Грузии почти граничащая с Осетией.

2. Вражда «трусовцев», т. е. коренных жителей ущелья Трусо с «мнавцами». Противопоставление в хронике «трусовцев» «врагами из Мна», тогда как Мна тоже относится к ущелью Трусо, находится в нижней его части, во-первых, и, во-вторых, описание автором хроники мнавцев, долженствующее передать их специфику, говорит о наличии какой-то существенной разницы между «трусовцами» и «мнавцами». Мы

¹⁹ „ძეგლი ვრცხთავთა“ цит. издан. 1954., стр. 357.

²⁰ Там же, стр. 357.

²¹ Там же.

поищаем эту разность как различие этнического — племенного характера. Признав жителей Мна осетинами, эта вражда легко объяснима как вражда между коренным населением, аборигенами и переселенцами уже обжившимися и укрепившимися на новом месте.

Эти мнавские осетины ни в какой связи не стоят с двалами ущелья Б. Лиахви, но в перспективе дальнейших судеб двалов рассказ о мнавцах многозначим, а именно.

К началу XV в. следов миграции осетин в ущелье Б. Лиахви еще нет, они встречаются пока только у входа в ущелье Трусо. После Трусо они современем смогут появиться и в соседнем ущелье Б. Лиахви. Осетинам-переселенцам придется занять ту или иную позицию в борьбе двалов с эриставами. Хотя бы в начале процесса заселения, объективное положение должно было вынудить их поддерживать двалов. К тому же, на примере села Мна мы видели их готовность бороться против притязаний эриставов. Поэтому двалы могли бы усмотреть в осетинах-переселенцах своих естественных союзников.

Борьба с эриставами должна была вынудить их изменить свое отношение к переселенцам—осетинам. Двалам трудно бороться с эриставами и это увеличивает значение и социальный вес осетин-переселенцев.

Следовательно, борьба с эриставами создавала основу, базу для сближения аборигенов с переселенцами, т. е. двалов с осетинами.

Учитывая слабость-малочисленность племени двалов, их социальную неразвитость, отсутствие прочной племенной организации и постоянно действующих племенных функционеров, техническую отсталость и пр. легко предугадать что такое сближение, при некоторых преимуществах осетин перед двалами вело к возобладанию осетин над двалами, а затем к подчинению и ассимиляции осетинами части двалов и к вытеснению из ущелий другой части двалов (вражда трусовцев и мнавцев показательна и в этом смысле).

Прямые показания и свидетельства такого смысла в достаточной мере содержит географический труд Вахушти Багратиони (XVIII в.).

7. ОТРАЖЕНИЕ СУДЕБ ПЛЕМЕНИ ДВАЛИ В СУДЬБАХ ТЕРМИНОВ «ДВАЛИ—ДВАЛЕТИ»

Для понимания исторических судеб племени двалов весьма показательна судьба терминов «двали-Двалети» в грузинском языке.

В грузинской литературе (и речи) можно различить три стадии для терминов «двали-Двалети».

А. Первая стадия — со времен первых упоминаний «двали-Двалети» до XVI столетия. До XVI столетия в грузинских письменных памятниках названия «двали-Двалети» употребляются постоянно¹ отдельно и независимо от наименований «оси-Осети». Терминами «двали-Двалети» и «оси-Осети» обозначали две самодовлеющие этнические группы и разрозненные друг от друга территории. Нет ни единого, даже косвенного, указания об их этногенетической, языковой или культурной общности.

Весьма показательными в этом отношении являются сообщения о христианско-миссионерской деятельности в Осетии и в Двалетии. В грузинской средневековой литературе (Л. Мровели, Эфрем Мцире и др.) первое проникновение христианской проповеди в Осетию связывается с именами Андрея Первозванного и Симона Кананита, оно приурочено хронологически к I в. н. э. и путь следования миссионера проходил через Мегрелию и Абхазию; следовательно Осетия разумелась на Северо-Западном Кавказе.

О миссионерах же, направившихся в Двалетию, повествует «Житие Давида Гареджели»; миссионерами названы ученики Давида Гареджели; хронологически это событие приурочено к VI в. н. э. и путь следования проходил через Картли; следовательно, Двалетия разумелась в центральном Кавказе. Таким образом, Двалетия и Осетия предстают территориально отдаленными друг от друга и сам процесс христианизации протекает в каждой из них самостоятельным путем.

В «Картлис Цховреба» несколько раз¹ (Л. Мровели и «Летопись Картли» XI ст.) упомянута «Дорога Двалетии» (двалетская), как дорога ведущая из Картли в Осетию и как дорога ведущая из Картли в «Абхазию» (подразумевается Западная Грузия, так как царь Феодосий именуемый «Абхазским» владел всей Западной Грузией и в ту эпоху термин «Абхазия» обозначал территорию всей Западной Грузии).

Следовательно, Двалетия находилась в высокогорной зоне центрального Кавказа, по обе стороны хребта, а Осетия разумелась на Северном Кавказе в отдалении от центральной части Главного хребта и даже в степной² его части. Таким образом Двалетия является нечто самодовлеющим, через нее проходит лишь одна из дорог в Осетию.

В приписках разных церковных книг, относящимся к XI в.³

¹ «ქართლის ცხოვრება», 1942. стр. 34, 42, 163.

² Там же. стр. 37, 99, 103 и др.

³ თ. ქართველიძე, ქრონიკები, I წ. 1892. стр. 177, 203, 210. А. А.

Цагарели. сведения о памяти грузинской письменности. вып. 2, 1889, стр. VI, 15, 22, 31, 41.

указывается несколько раз двальское происхождение того или иного лица, причем имя «оси» или «Осети» совершенно не упоминается.

По повелению царицы Тамар⁴ приносятся горцы Восточной Грузии для подавления мятежа дидо-пховцев. При перечислении призываемых горцев первыми названы двалы, затем ряд других имен в порядке их расселения с запада на восток. Следовательно двалы были самыми западными из горцев, относящихся к Восточной Грузии. Осетины при этом совершенно не упомянуты.

В рукописи Н 1296, хранимой в Институте рукописей АН ГССР и содержащей выборки из «Жемчужной книги» и Библии, дается перечень около 80 народностей и племен. По признанию проф. К. Кекелидзе⁵ этот перечень народностей должно быть возник не позднее XIII в. В этом перечне после «30. Картвелов, 31. Абхазцев, 32. Сванов, 33. Мегрелов», непосредственно следует упоминание «34. Двалов»; имя же осетин-аланов значительно отдалено от имени двалов и следует по порядку в пятом десятке имен. Следовательно, и в этом перечне племен и народов, двалы и осетины разрознены друг от друга.

В «Мученичестве Николая двальского» (памятник 1 пол. XIV в.) упомянуты⁶ село Цай и жители его Николай с родительской семьей, признаваемые по племенной принадлежности двалами. Во всем этом произведении ни единым словом не упомянуты осетины или Осетия. Следовательно, автор произведения считает двалов за самодовлеющий, особый этнический коллектив.

Какие данные содержит «Памятник Эриставов» (хроника начала XV в.) о двалах и Двалетии мы рассмотрели подробно отдельно. Здесь ограничимся только указанием на то, что двалы и Двалетия упоминаются в «Памятнике Эриставов» часто, но каждый раз совершенно независимо от осетин и Осетии, вне какой-либо связи с понятиями «оси-Осети».

В «Хронографе» (XIV в.) многократно упоминаются осетиним, находящиеся в Картли, но ни разу ни в какой связи с ними не названы двалы или Двалетия.

В сванских исторических памятниках—грамотах XIV—XVI вв. осетины и Осетия упомянуты многократно; эти имена приурочены к территории за Главным хребтом Кавказа: на-

⁴ «ქართლის ცხოვრება», 1906, стр. 527—528.

⁵ ვ. კეკელიძე, ხალხთა კლასიფიკაციისა და გეოგრაფიული განრიგების საკითხები ძვ. ქართ. მწერლობაში. თბ. უნივერს. შრომები, ტ. VII, 1938, стр. 12.

⁶ ძველი ქართული ლიტერატურის ქრესტომათია, ტ. I; ს. ყუბანეიშვილის რედაქციით, 1946, стр. 254.

ладывается запрет на общение с Осетией во избежание распространения эпидемии; запрещается продажа людей в рабство в Осетию и т. д.

В одной из сванских грамот⁷ рассказано, что правляясь в Кахетию и возвращаясь оттуда прошли через Двалетию и окрину Рачи. Наиболее естественно предположить маршрут через Эрцо и ущелья Паца-Лиахви и Картли, но не исключена возможность и другого маршрута: через Мамисон и Нарскую котловину к истокам р. р. Терека и Арагви, а оттуда прямо в Кахетию. Но суть не в том какая Двалетия здесь подразумевается, южная или северная; в данном случае важно то, что в этой же грамоте упомянута трижды и Осетия, но в совершенно иной связи, чем Двалетия. Существенно то, что в одном и том же документе сваны называют и Осетию и Двалетию, но совершенно независимо друг от друга, по совершенно различным поводам и они указаны в разных направлениях. Нет даже намека на наличие чего-либо общего у Двалетии с Осетией.

В «Новой Картлис Цховреба» (памятник первой четверти XVIII в.) авторы, имея источником армянского историка Ф. Мецопского (1 полов. XV ст.) и несколько видоизменяя его сообщения, пишут, что царь Баграт V просил Тимура отпустить его в Грузию и обещал обратиться в мусульманство «...людей живущих в горных местах: мтиулов, осетин, двалов, сванов, абхазов и всех там живущих...»⁸. Такая редакция сообщения Ф. Мецопского отражает представления грузинского ученого круга относительно этнического состава населения высокогорной зоны Кавказа. Мтиулы, осетины, сваны, действительно между собой этнически и языково значительно отличаются, хотя и не в одинаковой мере, но уже конечно, являются по отношению друг к другу совершенно самостоятельными и различными племенами. Самостоятельное упоминание «двалов» в таком ряду, конечно, показатель того, что средневековые двалы признавались учеными Грузии этнически некоей обособленной единицей.

Итак, в перечисленных памятниках X—XVI вв. встречаемые термины «двали-Двалети» и «оси-Осети» всегда упот-

⁷ П. Ингорюкв. Сванские исторические памятники, II вып. 1941, стр. 31.

⁸ ვახტანგის ცხოვრება, ახალი კართლის ცხოვრება, 1940, стр. 13. Не исключено, что составители „Новой Картлис Цховреба“, в данном случае, имели под рукой и независимый от Ф. Мецопского источник или даже общий с ним первоисточник: см. также Вахушти в изд. Брюссель, 1849., стр. 458.

ребляются разрозненно, даже без косвенных показателей о наличии между ними какой-либо связи и общности.

Б. Вторая стадия охватывает XVII—XVIII вв. В XVII—XVIII вв. имена «двали-Двалети» связываются именами «оси-Осети»; первые употребляются рядом со вторым, они как бы дополняют один другого; сближение этих имен в некоторых случаях механическое, внешнее (но и это показательно), но есть свидетельства и о их сближении внутреннем, органическом и о их слиянии.

Под 1601 годом имеется краткая хронографическая запись о покорении имеретинским царем Ростомом «...Двалетин, Осетин...»⁹.

Под 1658 г. и 1668 г. зафиксирован письменно полный титул царя имеретинского; владения имеретинского царя перечисляются в последовательности их расположения с востока на запад по их смежности. В том числе названы «...Венценосец... Осетин и Дуалетин, Сванетин и Кабарды, Джикети и Абхазин...»¹⁰.

Известная надпись 1674—1683 гг. на Рекомском колоколе, несмотря на некоторое разночтение этой надписи у Ф. Жордания и у Е. Г. Пчелиной, своим содержанием свидетельствует, что Реком являлось общим святилищем для Двалетин, Дигорин и Валлагир-Тагаурской Осетин.

Это дает основание говорить о некоторой культово-религиозной общности между Двалетией и Осетией XVII в. Но под Двалетией следует разуметь только собственно Двалетию, т. е. Наро-Мамисонскую котловину. Трудно допустить, чтобы при дальности расстояния и трудности общения через хребет, а также христианско-культовом влиянии идущим из Картли, жители Магран-Двалетин, т. е. Лиахвской Двалетин считали своим главным святилищем этот Реком.

В 80-х годах XVII в. царь Арчил с семьей ездил в Двалетию и Осетию, затем обратно в Двалетию; прожил около года в Осетии и почти столько же в Двалетии. Сохранились его записи об этих своих поездках. В них Двалетия и Осетия показаны хотя и размежеванными друг от друга, различными территориальными единицами, но между собой непосредственно смежными общающимися областями.

Судя по свидетельствам XVII—XVIII вв., население

⁹ «აქა დაიპყრა სრულგობით დუვალეთი, ოსეთი და აღიღო... მეფემან რომს-ტომ იმერეთისმან». თ. ჯორჯანიძე, ქრონიკები 1897, სტრ. 432.

¹⁰ «ახალ გვირგვინოსან ყოფილმან, ლახთ-იმერისა და ლახთ-ამერისა, ოსეთისა და დუვალეთისა, სვანეთისა და ყაბარდოსა, ჳიჭეთისა და აფხაზეთისა... Там же, სტრ. 472 и 484.

Двалетии уже в XVII в. было осетинским, т. е. переселенцами из Осетии уже составляли здесь основной и господствующий слой населения.

Так, например, католикос Бессарион (1-я четверть XVIII в.), печалась о тяжком положении Картаи, писал относительно первой четверти XVII в., что много зла обрушилось на Грузию от турок, персов и «от близких нам горцев осетии, которые поселились вблизи нас»¹¹. Из подчеркнутых слов можно заключить, что высокогорную зону Кавказа, в начале XVII в. занимали ново-поселившиеся осетины. О их распространенности и количестве можно только сказать, что они должны были представляли не единичные семьи, а некоторую компактную массу и занимали наиболее отдаленные ущелья.

Таким образом в начале XVII в. население Двалетии и Магран-Двалетии было уже осетинским, население Двалетии называют уже именем—«осетины».

Есть и обратный случай, когда население названо двалами, местность Осетией. Так Вахушти повествуя о Шахнавазе (2-ая половина XVII в.) говорит, что «двалы» отказались платить подать и царь с войском пришел в Цхинвали, чтоб вступить в «Осетию», но «двалы» узнав об этом прислали депутацию с изъявлением покорности¹². Это яркий пример переплетения терминов «двал» и «ос».

Далее, повествуя о походе Вахтаंगा VI в Зрамагу и оттуда до Кударо, Вахушти называет это походом «в Осетию»¹³. А С. Чхеидзе по поводу этого же похода от Нара до Кударо говорит о походе «в Двалетию»¹⁴. На этом примере мы убеждаемся в параллельном употреблении терминов Двалети и Осети для обозначения одной и той же местности.

Подробное описание Двалетии начала XVIII в. и ее населения мы находим у Вахушти. Вахушти, касаясь современного ему населения Двалетии, называет обычно рядом двалов и осетин. Двалы и осетины представлены в историко-географическом труде Вахушти определенно как два различных этнических элемента, о чем мы подробно уже говорили, и тем более показательно, что он, описывая современную ему Двалетию, называет все время связно между собой двалов и осе-

¹¹ ...მახლობელთა ჩვენთა მთიულთა ოვსთაგან, რომელნი დამკვიდრებულ ოვენეს მახლობლად ჩვენისა...—ძვ. ქართ. ლიტერ. ქრესტ., ტ. I, ს. 92 ბ-ნე ი შ ვ ე ლ ი ს რედაქციით, 1946, სტრ. 408.

¹² „ქართლის ცხოვრება“ ნაწ. II. СПб, 1854. სტრ. 54.

¹³ Там же., სტრ. 77.

¹⁴ Там же., სტრ. 324.

тин. Прошедшее сближение двалов и осетин Вахушти объясняет внедрением осетин в Кавказские ущелья под давлением нашествий монголов. Ко времени самого Вахушти (первая четверть XVIII в.) осетины уже закончили часть их вытеснение и частью их ассимиляцию. По этому поводу он дает ряд недвусмысленных указаний¹⁵. Вахушти был младшим современником заключительной стадии ассимиляции и вытеснения двалов осетинами и его свидетельства в этой части имеют ценность свидетельств современников.

Далее в течение XVIII в. ясно наблюдается процесс выпадения из практики грузинской литературы (и речи) терминов «двали-Двалети».

В XVIII в. в титулатуре имеретинского царя (Александра, Соломона) имя «Дуалети» отсутствует.

В своих грамотах Александр II (1736)¹⁶, Сефи-хан (1737)¹⁷, в 70—80-ых годах XVIII в. царь Ираклий¹⁸ называют жителей ущелья Б. Лиахви просто осетинами, совершенно не упоминая имени двалов.

Одновременно с выпадением из языковой практики забывается действительный, исторический смысл и значение терминов «двали-Двалети».

К концу XVIII в. «двали» и «оси» стали в грузинской речи почти синонимами. Это с несомненностью видно из описаний путешественников Гюльденштедта (1771—1772 гг.) и позже Клапрота (1807—1808 гг.) осведомленных по всем вопросам на месте грузинами и осетинами. Гюльденштедт называет в Наро-Мамисонской котловине «осетинский округ Двалети»; Кударо «принадлежит осетинскому округу Двалети»¹⁹.

А Клапрот пишет: «большинство осетин в Грузии принадлежит к племени Двали», «Округ Двалети полностью населен осетинами», «Двалети в широком смысле слова есть

¹⁵ ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსა, 1941, სტრ. 107, 110 და др.

¹⁶ ნ. ბერძენიშვილი, დოკუმენტები საქართველოს სოციალ. ისტორიიდან, ტ. I, 1940, სტრ. 255.

¹⁷ ექ. თაყაიშვილი, საქართველოს სიძველენი, ტ. III, 1910, სტრ. 447

¹⁸ Там же, т. II, 1909, сტრ. 457, და др.

¹⁹ „der ossetinische Distrikt Dwaletli“ (სტრ. 169) „gehört zum ossetinischen Distrikt Dwaletli“ (სტრ. 276). Cüldenstädt J. A.—Reisen durch Russland. I Theil. St. P. 1787.

общее название всех южным осетин», «Двалы живут как остальные осетины»²⁰.

Наличие к концу XVIII в. на территории Кударо-Ксангского ущелья большого числа осетинских фамилий переселившихся из-за хребта не подлежит сомнению (см. В. И. Абиева, Э. Н. Ванева и сборник «Юго-Осетинский фольклор» Стал. 1938 г. на осет. яз.). И если все же Клапрот со слов своих осведомителей иногда всех огульно называет «двалами», порой же неопределенно различает «двалов» и «осетин», то, следовательно, налицо смешение понятий «двали» и «оси», налицо механическое перенесение древнего названия «двали» на новое население—на осетин переселенцев из-за хребта, и столь же механическое отождествление двалов с осетинами (осетин называют двалами и двалов признают за осетин). При этом имя «двали» играет второстепенную роль и отошло на задний план, термин «оси» уже покрывает его. Подлинное значение терминов «двали-Двалети» явно забыто.

Если взять вместе все относящиеся к XVII—XVIII вв. письменные данные о двалах и Двалети, то получим картину сначала сближения терминов «двали-Двалети» с терминами «оси-Осети», их связанное упоминание и переплетение, а затем отмирание первых. При этом термин «Двалети» сохраняется дольше чем термин «двали»; первым отмирает термин «двали»; а через некоторое время стал отмирать термин «Двалети». На последней стадии их употребления термины «двали-Двалети» уже были утерявшими свое прежнее подлинное содержание и употреблялись в неправильном смысле (Клапрот).

В. Третья стадия для терминов «двали-Двалети» наступила с XIX столетия. В XIX в. термины «двали-Двалети» в грузинском письме и в печатном слове уже не употребляются, эти термины представляются уже забытыми²¹. В грузинской речевой практике остаются лишь одни «оси-Осети». Во всех случаях когда по топо-этнонимич-

²⁰ Klapproth J. v.—Reise in den Kaukasus... II. B., стр. 13, 47, 383. „Die meisten Osseten in Georgien gehören zu dem Hauptstamm Dwaleti“ стр. 13. „Der Distrikt Dwaletli oder Dwalta wird gänzlich von Osseten bewohnt“ (стр. 42); Dwaletli im weiterem Sinne des Wortes ist die allgemeine Benennung aller südlichen Osseten... Die Dwali leben wie die übrigen Osseten...“ (стр. 383).

²¹ Сохранился в живой практике лишь топоним Магран-Двалети, форме Магран-Долети, название района истоков реки Большая Анахви. Этим же «двали» встречается еще лишь в фольклорных произведениях.

ческой номенклатуре прежних веков следует назвать имя «два-
ли или Двалети» используется имя «оси или Осети».

Термины «двали-Двалети» с XIX в. встречаются лишь
в научной, кавказоведческой литературе (зачастую и то-
сетинской форме «туальцы-Туалетия»), но уже в смысле си-
нонима термина «осетин-Осетия». «Туалы» понимаются уже
как специфическое название всех южных осетин (см. Пфаффа,
М. Ковалевского и др.).

Такое переосмысление или толкование термина «туалы»
явилось результатом недоразумения и было проявлением на-
рушения исторической традиции существовавшей веками.

Нам кажется, что такая судьба (указанные выше три ста-
дии) топо-этнических терминов «двали-Двалети» в грузинской
литературе отражала в общем историческую судьбу самого
племени двалов.

До XV в. двалы были племенем совершенно обособленным
от осетин. Территориально, культурно, административно-по-
литически, языково—«двали» были нечто другое чем «оси».
Поэтому они упоминаются разрозненно, обособлено и незави-
симо друг от друга.

Начиная с середины XIII в. осетины проникают и засе-
ляют собственно Двалетию (Нарскую котловину). Со второй
половины XV в. началось постепенно заселение осетинами и
южных склонов Главного хребта, а в XVI—XVII вв. уже в
прогрессивно растущих размерах.

К началу XVIII в. возобладали во всех отношениях
(социально, по языку, культуре) осетины и ассимилировали
двалов. Но в течение этого периода еще ощущалось наличие
двух этнических элементов. Поэтому оба имени «двали» —
«оси» упоминаются связно, вместе, рядом.

Смешение понятий и отход термина «двали» на второй
план, отмечаемые в конце этого периода, служили отражением
того факта, что сближение двалов с осетинами совершалось
под знаком экспансии и преобладания осетин, ассими-
ляции двалов осетинами и что эта ассимиляция уже была пол-
ностью завершена.

К началу XIX столетия уже исчезли непосредственно
ощущаемые следы двалов, их специфика уже забыта и упо-
минание двалов также прекращается; в употреблении остался
лишь термин «оси».

Заменой одного термина другим («двали»—«оси») гру-
зинский язык отразил в себе этнические изменения проис-
шедшие в высокогорной зоне Кавказа и ущельи Б. Анахви,
такая замена терминов свидетельствует об осязательности для гру-
зин происшедшей перемены.

Но в грузинском языке параллельно с процессом отмирания употребления терминов «двали — Двалети» наблюдается процесс рождения южнее названий ряда населенных пунктов и фамилий, в основе которых оказывается «двал». Так, например, 1) в числе сел ксанского и смежных ущелий, из коих поступали доходы самтависскому собору названо (грамота 1459 г.) село Двалети, 2) в Триалети названо (грамота 1525 г.) село Двалта, 3) в числе Мухетских церковных имений упоминается (грамота 1546 г.) село Надвалеви, 4) по ущелью Малой Анахви есть речка Двалула, 5) около г. Кутаиси есть село Двалишвилеби. Из позднейших веков (XVIII—XX) известны многие фамилии: Двали (в Рача), Двалишвили и Дваладзе (в Имеретии), Двалашвили (Шида Картли). Эти данные свидетельствуют о том, что двады с верховьев спускались вдоль рек ниже и здесь фигурировали как обычные грузины-картвельцы, ничем не выделяясь из общей грузинской массы.

Это обстоятельство, что всякая разница между картами и двалами стерлась, должно быть, объясняет такую фразу из «Калмасоба» (литературный памятник начала XIX в.): «святой Николай Двальский был грузин» о Николае Двальском мученике 1 половины XIV в.); или сообщение Вахушти, что до поселения осетин в Маграи-Двалетии, там жили «грузины-крестьяне» позже спустившиеся в низменные места (см. изд. 1941 г. стр. 71). Это, конечно, отражение того факта, что часть двалов подверглась полной картизации.

Так свидетельствует судьба терминов «двали — Двалети» в грузинском языке о судьбе самого племени двалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центральной части высокогорной зоны Большого Кавказа, между западной границей Дагестана и горой Эльбрус, к числу наиболее известных горных племен после сванов и наравне с туши-дидо являются двады. Двалов упоминают античные историки (Плиний Секунд, Птолемей, Пейтингерова таблица), армянские (география VII в., Фома Мецопский) и множество грузинских источников («Обращение Картли», сванские рукописи XV в. и др.). Конечно, наиболее значительны грузинские свидетельства.

Если еще в прошлом столетии Вс. Миллер говорил: «Переходя к обзору сведений, сообщаемых о предках осетин древними писателями, мы должны поставить на первом плане то, что сообщается о них их ближайшими южными соседями грузинами»,¹ то еще более правомерно и естественно в вопросе о

¹ Вс. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 15.

двалах и Двалетии, среди письменных исторических свидетельств, на первый план выдвинуть грузинские свидетельства; тем более, что сравнительно с XIX в. грузинское источниковедение ушло далеко вперед.

Все эти свидетельства древних и средних веков рисуют двалов по своей значимости превосходящими многие другие горные племена, исключая сванов. Вместе с этим, обстоятельством первостепенной важности является бытование двалов между Колхидой и вейнахскими племенами, между осетинами и Картли.

Поэтому вопросы этнической принадлежности и исторических судеб двалов представляют серьезный интерес для изучения истории обитателей высокогорной зоны Центрального Кавказа, для изучения истории Грузии, истории и формирования осетинского народа. Исторические судьбы двалов переплетены с историей грузинского и осетинского народов и постольку исследование вопросов касательно двалов способствует выяснению ряда вопросов истории Грузии и Осетии.

В частности открывается перспектива обнаружения конкретно-исторической почвы происхождения иберо-кавказских элементов в осетинской этно-языковой культуре. С другой стороны, в научный оборот включается ряд вопросов древней и средневековой истории малоисследованной высокогорной зоны Центр. Кавказа, многие века находившейся в составе Грузии и именовавшейся Двалетией, а также Лиахвского и смежных ущелий.

Результаты своей исследовательской работы мы резюмируем так:

О ТЕРРИТОРИИ

В кавказоведческой литературе XIX в. общераспространенным было представление, что Двалетия или Туалетия — это территория на южной стороне Кавказского хребта, занимаемая южными осетинами.

Даже столь солидный ученый того времени как Вс. Миллер, заблуждаясь на этот счет, писал: «Осетины... на южном склоне хребта... занимают область известную в грузинской географии под названием Двалети».

Ошибочность этого представления отметил В. И. Абаев в статье «О языке южных осетин», еще в 1935 г. и внес правильный корректив. Однако это осталось не то незамеченным, не то непризнанным рядом ученых. Так, в 1936 г. Ванев З. Н. (г. Сталинири), а в 1947 г. Скитский В. (г. Орджоникидзе), повторяя прежнее, пишут, что «Южная Осетия в

старой географии Грузии называлась Двалетия». Неверность и произвольность такой локализации топонима «Двалети», дезориентируя интересующихся вопросом, вынудила нас обстоятельнее заняться локализацией топонима Двалети.

Сконцентрировав все имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства, определяющие территорию занимаемую двалами раз, и территорию называемую Двалетией два, мы убеждаемся, во-первых, в том, что территория занимаемая двалами в различные эпохи и в различные века не одна и та же, что границы этой территории менялись в течении времени, сильно сокращаясь на востоке и севере и немного продвигаясь на юг и запад. Во-вторых, мы убеждаемся, что топоним Двалетия и территория занимаемая двалами географически не полностью совпадают, что границы расселения двалов и границы «Двалетии» не покрывают друг друга, не тождественны.

Более конкретно, положение представляется нам следующим образом:

В древнейшую эпоху, определяя точнее—до 1 в. н. э., двалы занимали пространную территорию от ущелья Терека (Дарьял) на запад до Сванетии, распространяясь по северным склонам Большого Кавказа (Л. Мровели, Вахушти, Плиний С. Птолемей).

Но нет данных об употреблении топонима «Двалети» для обозначения всей этой территории.

«Обращение Картли», Л. Мровели, житие Давида Гареджели упоминают «двалетские врата» (горные проходы), «двалетскую дорогу», «горы двалетские», разумея их в высокогорной зоне центр. части Большого Кавказа; более точной локализации они не содержат. Поэтому, по ним невозможно очертить границы Двалетии.

Свидетельства Вахушти по данному пункту требуют к себе критического отношения; они вызывают сомнение, т. к. не ясно насколько они независимы от его общей этногенетической концепции; есть ли эти свидетельства выводы из общей этногенетической концепции, т. е. чисто субъективный продукт, или они имеют своим источником какие-либо другие, объективные показатели (факты). Тем более, что в прямой форме и Вахушти топонимом «Двалети» называет более ограниченную территорию, а именно, лишь ущелье Терека (Хеви и Трусо) и котловину между Кассарским ущельем и Мамисонским перевалом.

У античных писателей (Плиний С., Птолемей) форма топонима «Двалети» вообще не встречается. В Пейтингеровой таблице «Дивали» хотя и указывается в центр. Кавказе, но дальнейшему уточнению его границы не поддаются.

Но в Пейтингеровой таблице мы видим нанесенным на карту много юго-западнее центр. Кавказа вторично «Двала-ли». Также на юго-западе локализованы формы имени «Тусо-ли», по ассиро-вавилонским источникам, (см. публикации И. М. Дьяконова в ВДИ) и «Тубал» по Библии. Но в пределах изученного нами периода (1—XV вв. н. э.) не видна никакая-либо связь между ними и «двали-Двалети» Центр. Кавказа. Поэтому мы этих фактов не касаемся.

Тот факт, что в этот период территория занимаемая двалами шире территории «Двалети», может быть объясняется наличием за пределами Двалетии части собственно двалов или, что вероятнее, им близко-родственных племен, объединяемых в письменно-исторических свидетельствах общим этнонимом «двали».

Аналогичный пример мы имеем в «Памятнике Эриставов», где несколько раз названы «нижние двалы», но ни разу не названа «Нижняя Двалетия». Или, например, еще — широко признанным является в среде кавказоведов, что ущелье Терека в далеком прошлом было занято войскоязычным населением, позже сменное грузиноязычным населением. А ведь и Вахушти говорит, что ущелье Терека перестало именоваться Двалетией лишь после того, как его подчинили себе цари Картли и что двалы родственны войскоязычным племенам.

Следовательно, для древнейшей эпохи (до 1 в. н. э.) можно убедительно локализовать «Двалети» в высокогорной зоне Центр. Кавказа между ущельем Терека и Мамисонским перевалом с распространением на север от Главного хребта; но точно указать северную границу мы не можем. В эту эпоху наличие топонима «Магран-Двалети» не исключено, хотя и не подтверждается в положительной форме.

В эпоху раннего средневековья (VI—X вв.) территория, занимаемая двалами может разумеется лишь между ущельем Тусо и Мамисонским перевалом и не севернее Кассарского ущелья.

Восточным пределом распространения двалов мы считаем в эту эпоху ущелье Тусо согласно указанию Вахушти (о Тусо и Хеви) и фразы в армянской географии VII в., что аланские ворота находятся в землях цанаров; в этой же географии двалы названы особо.

Северным пределом расселения двалов следует признать Кассарское ущелье, т. к. после разорительных нашествий гуннов, более северные ущелья заняты аланами и это же в прямой форме подтверждает Пр. Кесарийский, с одной стороны; а с другой стороны, «Обращение Картли» упоминает о вратах в

Двалети на грани с Осетией и в местных грузинско-осетинских традициях с заставой в Кассарском ущелье связано представление границы Грузии и Осетии.

Учитывая предание, сохранившееся в «Памятнике Эриставов» следует признать наличие двалов и в верховьях р. Б. Лиахви.

По нашему представлению такова территория, которую занимали двалы в эту эпоху. Что касается топонима «Двалети», то точных пределов «Двалети» мы для этой эпохи не знаем, но они никак не шире территории, занимаемой двалами. В эту эпоху следует считать уже существующим и топоним «Магран-Двалети».

В эпоху зрелого средневековья (XI—XV вв.) двалы занимают котловину между Кассарским ущельем и перевалами Мамисонским, Зекарским, Трусовским, затем верхнюю часть ущелья р. Б. Лиахви и Кударо.

Топоним «Двалети» применяется к территории между Наром и Кударо, а к истокам р. Большой Лиахви в форме «Магран-двалети» (Сванские рукописи XV—XVI вв., «Памятник эриставов», С. Чхендзе, Вахушти, и др.).

В современное нам время этноним «двали» в живой грузинской речи (за исключением научного круга, и произведений фольклора) не употребляем.

В живой грузинской речи, например, в с. Пассанаури и выше по ущелью р. Арагви, и теперь еще бытует топоним «Магран-довлети», (в.г. Магран-долети) приурочиваемый населением к верховьям р. Б. Лиахви. Юго-западнее Лиахви есть название сел с основой двал; Двалишвилеби (Кутанский район), Довлети (Сачхерский район), и др., но со случаям употребления топонима «Двалети» я не встречался*.

В осетинской речи этнонимом «туаллаг» (параллельная форма грузинского «двали») называется житель Нарской котловины, а сама территория обозначается топонимом «Туалта» (ср. Двалети).

Следовательно, в осетинской речи оба термина сохранились и употребляются, в смысле локализованности, соответственно исторической традиции.

Таким образом несомненным является, что на протяжении последних 20-ти веков основной двальской территорией, территорией к которой применялся и топоним «Двалети»—«Туалта»—это Нарская котловина и верховье ущелья Б. Лиахви, которые мы соответственно именуем, собственно Двалетией и Магран-Двалетией. Но есть свидетельства, хотя

* Я имею только свидетельства третьих лиц, что в районе Рачи встречаются изредка случаи употребления грузинами топонима «Двалети».

и оставляющие место сомнениям, и требующие подкрепления, что территория, занимаемая двалами и пределы «Двалетия» не ограничивались вышеуказанными местностями и распространялись дальше на север и восток. Этот вопрос требует дальнейшего исследования и мы оставляем его открытым.

О ЯЗЫКЕ

До настоящего времени древнедвальский язык обычно признавался осетинским языком или диалектом осетинского. Этот взгляд был общепринят в XIX в. и вопрос о том, что древнедвальский язык мог быть каким-либо иным языком даже не ставился (Миллер, Ахвледиани и др.); но в XX в. намечается отход от этого взгляда. Ряд ученых (Томашек, В. И. Абаев, Гвретишвили) высказал предположение, что древне двальский язык должен был принадлежать к группе иберо-кавказских языков. Но попытки аргументировать это положение не было предпринято. Настоящим делается попытка суммировать данные соответственно достигнутому уровню кавказоведения и на основе этого сделать возможные выводы.

О древне двальском языке мы встречаем упоминание у Фомы Мецопского (армянский источник XV в.) и у Вахушти (XVIII в.). У Фомы Мецопского слово «язык» употреблено двусмысленно², поэтому мы в рассмотрение этого сообщения не входили. Относительно свидетельства Вахушти мы пришли к выводу, что по Вахушти древний двальский язык был языком особым, самостоятельным по отношению к окружающим его территориально языкам; однако эта самостоятельность не исключает ее генетических связей с одним или несколькими из окружающих языков. Эта связь должна была существовать, ибо с несомненностью можно постулировать, что двалы пришли в Двалетию из более низменных районов, из мест где шло более оживленное перемещение этнических масс, и следовательно, двалы этнически и языково были связаны с этими смежными районами.

Об этом же явно говорит древняя топонимика Двалетии, содержащая множество таких форм, которые имеют прямые параллели в смежных ущельях.

Какие же языки окружали в древние века Двалетию и, следовательно, связь с какими языками можно предположить и нужно выяснить?

Двалетия издавна окружена с юга и юго-запада картвельскими языками, с востока—вейнахскими языками, с севе-

² Ив. Джавахишвили, История грузинского народа, т. III, 1949, стр. 299, (на груз. яз.).

ра—осетинским языком, содержащим сильно выраженный иберо-кавказский субстрат, имеющий много общего конкретно с вейнахским языковым миром.

Таким образом Двалетия в древние века еще находилась исключительно в иберо-кавказском (конкретно-картвело-вейнахском) языковом окружении; следовательно и в самой Двалетии должен был быть распространен язык иберо-кавказской природы более или менее близкий вейнахским и картвельским языкам. Анализ топонимики Двалетии, произведенный хотя и на ограниченном материале, согласуется с этим выводом, поскольку этимологии топонимов раскрывались средствами вейнахских языков³. Это подтверждают и факты осетинского языка, бытующего теперь на территории Двалетии и смежных ущелий. Считается установленным, что осетинскому языку субстратом послужил иберо-кавказский язык, обладавший чертами, сходными более всего с вейнахскими и картвельскими языками.

Но выявление в топонимике и в субстрате осетинского общих черт с вейнахскими языками, не дает еще основания к непосредственному отождествлению этого древнего языка с вейнахскими.

Наличие особых топонима и этнонима—«Двалетия» и «двалы», изборожденный рельеф сильно затруднявший общение, свидетельство Вахушти о двальском языке склоняет нас предположить в этом древнем языке некий обособленный язык.

Соседство с картвельскими языками и ряд языковых фактов сигнализирует вероятность наличия связей у языка бытовавшего в древние века в Двалетии и с картвельскими, в частности с занскими языками. Необходимо вплотную подойти к лингвистической задаче, во-первых, проверке наличия «заимствов» в топо-этнонимике Двалетии и в субстрате осетинского и, во-вторых, к определению соотношения занских и вейнахских языков.

Выявление общих черт с занскими, поможет более полно охарактеризовать язык бытовавший в древности в Двалетии.

В процессе работы возникает сомнение: в какой мере можно считать топонимику Двалетии и субстрат осетинского языка остатками именно двальского языка?

За положительный ответ на вопрос у нас следующие аргументы:

1. Вахушти, выражавший местную традицию, и античные источники (Планий С., Птолемей), современные двалам.

³ См. нашу статью «К анализу топонимики Двалетии», Труды института истории АН СССР, IV вып. Тб., 1958 (на груз. яз.).

согласно свидетельствуют, что к началу н. э. двалы населяли гребень гл. хребта Б. Кавказа и его северные склоны. Иранский (аланский) этноязыковый элемент внедряется на эту же территорию, в современную восточную Осетию и в Двалетию позже и на всей территории сформировался один диалект осетинского языка—иронский.

Поэтому, мы считаем, что субстратом для осетинского языка на территории Восточной Осети и Двалетии послужил именно язык двалов и близких им общин—племен, которые населяли не только Двалетию, но, предположительно, и ущелья севернее Двалетии.

2. Часть топонимики Двалетии и Магран-Двалетии засвидетельствована еще в бытность там двалов; в особенности в Магран-Двалетии. Зафиксированные тогда формы топонимов сохранились с малым видоизменением до настоящего времени. Промежуточный слой между двалами, с одной стороны, и осетинами и грузинами, с другой стороны, на территории Двалетии и Магран-Двалетии не известен. Поэтому мы считаем сохранившуюся древнюю топонимику Двалетии и Магран-Двалетии унаследованной непосредственно от двалов.

На основании вышесказанного нам представляется правомерным заключить: древний двальский язык должен был быть именно тем иберо-кавказским языком, который отложился в дошедшей до нас местной топонимике и сохранился в осетинской речи в виде субстрактных фактов; в этом последнем случае под «двальским» мы разумеем язык собственно двалов и того населения, которое занимало более северные ущелья и по языку должно было быть близким к двальскому; термин «двальский» употреблен нами за отсутствием какого-либо другого термина.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ДВАЛОВ

Исторические судьбы двалов мы прослеживаем начиная с 1 в. н. э. до XV в., т. е. со времени их первого упоминания до времени их исчезновения как особой этнической общности. При этом мы имеем в виду лишь собственно Двалетию и Магран-Двалетию и двалов, населявших эти территории. Конечно, в зависимости от наличия исторического материала судьбы двалов прослеживаются в различные века не в равной мере.

О полноте говорить, разумеется, уже не приходится; на протяжении 1 тысячелетия н. э. налицо разрывы на целые века, когда двалы вообще не упоминаются; для более поздней эпохи (XI—XV в.) имеется относительно больше и, даже, значительный материал. В целом все же удастся уловить ряд

существеннейших моментов из исторического прошлого двалов. На основе имеющегося материала мы можем составить себе такую картину исторических судеб двалов:

С первой половины 1 в. н. э. двалы, как особое племя, засвидетельствованы в высокогорной зоне Большого Кавказа. В это же время в соседстве с ними существует восточное грузинское государство—Иберия, с крупным экономическим и политическим центром—Мцхета. Согласно грузинской исторической традиции Двалетия уже входит в состав грузинского государства. Это, конечно, следует понимать лишь относительно к указанной эпохе. Но наличие связи Двалетии с Иберией вполне вероятный и правдоподобный факт, причем эта связь может быть мыслима как некоторая форма зависимости, а именно зависимости экономического и политического характера.

В последующие века в Грузии, в частности в Иберии, продолжает развиваться поступательно процесс консолидации грузинского народа, вместе с ним растет и грузинская государственность. Этот процесс вовлекает постепенно в сферу своего действия высокогорную полосу Большого Кавказа и задевает также двалов. В VI в. в Двалетии начинают распространять христианство проповедники из Картли. Вследствии этого к политическим и экономическим связям прибавились еще связи идеологического характера. Конечно, все эти узы относительной силы.

У двалов в это время можно предположить лишь господство натурального хозяйства и общинного строя. Такой социал-экономический строй должен был определить и слабость уз связующих Двалетию с Картли, но эти узы имели по тому времени свою значимость и игнорировать их нельзя.

К началу средневековья, смежные с Двалетией с севера ущелья (Тагаур-Алагирское) в результате мощных волн переселения народов оказались аланизированными. Этот факт тоже должен был иметь свое влияние на двалов. Но насколько можно судить по сохранившимся отрывочным сведениям у Л. Мровели, о предположениях персидского царя Ануширвана в отношении возведения на престол Иберии своего сына (IV в. н. э.) и занятии персами горных проходов в Двалетии и Дурдзукетии (в VI в. н. э.)—то Двалетия в эти века была отмежевана от более северных ущелий и входила в орбиту Иберии—Картли.

Дальше, до X в. прямых свидетельств о положении двалов нет, но учитывая положение и развитие Грузии в эти века можно признать, что грузино-двальские связи не прерыв-

вались и должны были стать даже несколько более интенсивными.

Интенсификацию взаимоотношений позволяет допустить неизбежное за этот период поступательное социально-экономическое развитие и двалов и грузин. Такое развитие с железной необходимостью должно было их толкать ко все большему взаимному общению. Что это предположение не голый домысел доказывают факты XI в. В 1 половине XI века на грузинском религиозно-литературном поприще видно несколько лиц двальского происхождения. В начале XI в. в Двалетии, в Зругском и Дгельском (Тли) ущельях построены большие (7,8 x 13,3 м.), однонефные церкви, в строго выдержанном плане и художественно оформленные, грузинского происхождения.

Такие факты были бы невозможны без далеко зашедшего процесса взаимного сближения.

Завершением этому служит происшедшее объединение Грузии (Баграт III) и включение высокогорной зоны Б. Кавказа в ее состав.

В дальнейшем до середины XIII в., в период роста и могущества Грузинского государства Двалетия продолжает оставаться частью Грузии. Экономические — политические — культурные связи достигают максимальной интенсивности, мыслимой в условиях средневековья.

Ряд фактов приводит нас к выводу о картизации двалов и слиянии их южной части с Картами в единый народ. (Особенно показателен в этом отношении список народов мира относимый к XIII в., здесь рядом представлены карты, абхазы, мегрелы, сваны, двалы.).

На примере других горных племен Грузии известно, что картизация не означала полную потерю своих племенных особенностей. Поэтому даже при условии картизации несомненно, что двалы сохраняли еще в это время некоторую племенную специфику.

С выражением «южная часть» у нас не связано конкретное представление межевой линии с северной частью: эпитеты «северный» и «южный» мы употребляем лишь в относительном и сугубо условном смысле, границу между ними мы разумеем несколько севернее Главного Хребта Б. Кавказа.

Феодалный строй в это время еще не сумел проникнуть и стать господствующим ни в Магран-Двалети, ни тем более в собственно Двалетии. Но и общинный строй значительно отошел от своего первоначального вида; разбой перешедший

ь промысел, наличие частно-семейной собственности, наличие христианской церкви, отправление государственных обязанностей и т. д. нарушают целостность принципов общинного строя. Феодализм усиленно наступает на Мавран-Двалетию и имеет некоторый, хотя и не решающий, успех (XV в.).

С середины XIII в. вследствие нашествий монголов осетины оказались разбитыми и вытесненными из низменных районов Северного Кавказа и устремились в горы на юг. Грузия также разбита монголами, но она сохраняется частью примирясь с монголами, частью сопротивляясь им; такое положение сильно дезорганизует Грузию. В таких условиях происходит проникновение осетин в Двалетию, постепенное их возобладание там и вытеснение или ассимиляция двалов⁴.

⁴ Для определения времени проникновения осетин в Двалетию мы берем в соображение следующее: 1) прямое свидетельство Вахушти, что после разгрома монголами осетин, они ушли вглубь гор Кавказа и подчинили себе здесь двалов; 2) Наличие укреплений в Кассарском ущелье и на перевале в Куртатское ущелье, как пограничных сооружений между Грузией и Осетией; 3) Общую историческую традицию указывающую Аланию до нашествия монгол на равнине и в предгорьях Сев. Кавказа, севернее и западнее Двалетии; 4) Нет каких-либо конкретных данных, свидетельствующих осетин в Двалетии до XIII в.

Поэтому, мы считаем сообщение Вахушти о времени проникновения осетин в Двалетию верно отражающим историческую действительность.

Здесь же следует указать еще на одно недоразумение: в работе Ванеева Э. Н. «Исторические известия об аланах-осах» 1941 г. (Сталинград) использован старый неточный перевод грузинских летописей, принадлежащий М. Джанашивиани. Между прочим, она содержит фразу «Буга (арабский полководец IX в.—В. Г.) вступил в Дчарталетию, взяв с осов 300 заложников и желая разгромить Осетию, прибыл в Цхаоти» (стр. 45). Из этого следует, что еще в IX в. осетины были расселены по южному склону Главного хребта и поэтому, разумеется, и Двалетия должна была быть также населена осетинами. Но дело в том, что перевод искажает текст подлинника. Точный перевод подлинника таков: «Буга вступил в Чарталети, взяв с мтуалов (горцев.—В. Г.) 300 заложников и желая разгромить Осетию, прибыл в Цхаоти» (ბუგა... მთულთა კ:ბთაღუბს და დაჭვა მებ შობა: აღიკუზაბა მთულთაღაბ (ყარ. მთულთაღაბ), მბეკუღნი ჯავი ხაზხა...*) изд. 1941 г., стр. 163; изд. 1953 г., стр. 214; изд. 1906 г., стр. 220.

Чарталети и Цхаоти местности в ущелье Арагви — это действительно путь в Осетию, но населены они были мтуалами—грузинами-горцами, а не «осами».

К сожалению, публикация ошибочного перевода ввела в заблуждение и других; а между тем этот перевод содержит и другие неточности.

В Магран-Двалетни двалы сохраняются, как особая этническая общность, еще до XV в., о чем с несомненностью свидетельствует «Памятник Эриставов» и Фома Мецопский.

Вероятно с середины XV в. начинается процесс перехода осетин на южный склон Главного Хребта и одновременно спуск части двалов в более низменные районы, где они окончательно сливаются с картами. Часть двалов, оставшаяся в ущельи Лиахви и Кударо, позже сливается с осетинами. Такое сближение должно было стимулироваться помимо других моментов также общими социальными условиями, совместной классовой борьбой против феодализма.

Последняя треть XVI в. и первая четверть XVII в. самый критический момент в истории грузинского народа и грузинского государства эпохи феодализма. В это время перемещение осетин с северного на южный склон хребта должно было достичь решающего успеха и с этого времени двалы как особая этническая общность перестают существовать.

Этноним «двали» в силу традиции продолжает употребляться в отношении населения той же территории, несмотря на изменения в составе населения, но затем начинает отмирать и в XIX в. уже перестал употребляться.

Факт картизации двалов оценивается нами как положительное явление в историческом развитии двалов. Ибо они находясь в самой глубине кавказских гор, говоря словами Ленина «стояли в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории» и лишь вступив в связь с Картали, они в картизации находили выход из изоляции и путь приобщения к истории и культуре человечества.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДВАЛОВ

Соответственно охваченному историческому материалу мы можем говорить пока лишь об этнической принадлежности исторически засвидетельствованных двалов между I—XV вв. н. э.

XIX—XX вв. распространенным было мнение, относившее двалов этнически к осетинам, признававшее в двалах осетинское племя. При этом обычно не различали двалов средневековья и двалов — туальцев позднейшего и нового времени, несмотря на ярко выраженный миграционный процесс происходивший в центре Кавказа в направлении с севера на юг. А селл смену этнического состава и признавали, то все же отождествляли механически двалов с осетинами, оправдывая это формальной ссылкой на Вахушти (Пфафф, Миллер, Ваннев, Скитский).

В XX в. возникает новый взгляд на данный вопрос: высказываются мнения сближающие древних — средневековых

двалов этнически с иберо-кавказским миром. Но они не подкрепляются должной аргументацией и остаются лишь предположениями (Томашек, Абаев, Гвритишвиди).

Изучение доступных нам источников убеждает в неосновательности первой точки зрения. Глубокие изменения в этническом составе населения несомненны. Об этом говорят ep passe осетинские фамильные предания, наличие ряда археологических памятников не признаваемых местным населением за свое так называемое «царциата», предание сообщаемое Пфаффом — что современное население Куртатского ущелья пришло в XV — XVI вв., а прежнее ушло на юг, свидетельства Вахушти и т. д. Потому нельзя механически причислять прежних двалов к осетинским племенам только потому, что современное население Двалетии осетинское. А ссылки на Вахушти оказываются лишними основания. Ему приписывается то чего не содержат его труды. Более основательное изучение историко-географической работы Вахушти, а затем и других грузинских источников (Л. Мровели, «Памятник Эриставов» и др.), не оставляет сомнения в том, что грузинская историческая традиция размежевывает древних — средневековых двалов и осетин этногенетически, исторически, территориально, культурно, языково, социально. Таким образом выявляется необоснованность отнесения двалов этнически к осетинским племенам.

Одновременно, итоги проведенной нами исследовательской работы доказывают, что грузинская историческая традиция генетически связывает их в частности с вейнахскими племенами, считая их совместно потомками Кавкасоса и «кавказянами», что ряд других (античных) свидетельств и фактов дают основание для косвенных выводов о принадлежности двалов к собственно кавказским племенам; что лингвистические данные, добытые в процессе изучения субстрата осетинского языка в работах В. И. Абаева и анализ этимологий ряда топонимов дают основание сблизить двальский язык с вейнахскими языками.

Территориально двалы еще в первых веках нашей эры соприкасаются с вейнахоязычными племенами в ущельях Терска и Арагви. Их смежность подтверждается свидетельствами Плиния Секунда, Леонти Мровели, Вахушти и рядом объективных данных (топонимика), подтверждающая бытование вейнахоязычных племен в те века в ущельях Терска — Арагви.

Все эти данные приводят нас к выводу, что древние двалы этнически были ближе всего к вейнахским племенам. Однако близость не означает тождества.

Ряд моментов: наличие твердо установленных топо и этнонима (Двалети и двали), наличие резко отграниченной собственной территории и др. указывает на то, что первоначально,

в первые века н. э. двалы представляли собой в целом особое, своеобразное племя.

Таким образом, двалы будучи сначала обособленным иберокавказским племенем, ближе всего стояли к группе вейнахских племен. Причем под вейнахскими племенами следует разуметь не современный чечено-ингушский народ, а те этнические единицы иберокавказской природы, из которых позже сложилась вейнахская народность.

В процесс исторического развития двалы и родственные им племена, занимавшие смежные ущелья, подвергаются влиянию и воздействию с севера ираноязычного племени, а с юга картов. С начала средневековья Двалетия находится в едином политическом круге, возглавляемом Картли. С течением времени, в результате экономического, политического и культурного развития происходит интенсификация связей, двалы вовлекаются в процесс формирования и консолидации грузинского народа. Это дает основание считать с середины средневековья двалов составной частью грузинского этноса. Позже, с середины XIII в., когда начинает действовать миграционное течение осетин с севера на юг, более северная часть двалов подверглась процессу иранизации — осетинизации, вследствие внедрения осетинского этнического элемента в Двалетию; и в дальнейшем (XV—XVI вв.), по мере продвижения осетин на юг часть и более южных двалов, не спустившаяся в низменные районы Грузии и оставшаяся в своих ущельях, подвергается иранизации — осетинизации и оказывается в составе осетинского этноса.

Двалы, спустившиеся в низменные районы Грузии, т. е. оторвавшись от своей территории, теряют и свое этническое имя, полностью слившись с картами и сохранив свой этноним лишь в фамильных названиях и названиях сел. Поэтому употребление этнонима «двали» в грузинской речи отмирает.

А топоним Двалети—Туалта, сохранившись в осетинской речи, механически обусловил перенесение на жителей продолжавших населять эту территорию, этнонима двали-туаллаг, т. е. туалец.

DWALI UND DWALETHI

in I—XV J. J. nach u. Z.

(Zum ethnischen Wesen und historischen Schicksal
des Stammes Dwali)

In antiken, armenischen und georgischen schriftlichen Quellen seit I J. nach u. Z. wird der Ethnonim Dwali öfters erwähnt, obgleich auch etwas modifiziert: Valli, Ualoi, Dualk, Duali. Verhältnismässig zahlreicher und inhaltsreicher sind, natürlich, die georgischen Nachrichten. Demnach scheint Dwali im Alten ein bedeutender Stamm gewesen zu sein.

Über ihre ethnische Herkunft und Lokalisierung wurden einige Ansichten geäußert, die aber nicht für richtige gelten können. Nämlich, hielt man sie für einen ossetischen Stamm und Dwaleti (das Land der Dwali) wurde im Süden vom Hauptgebirge des Großen Kaukasus, in ostgeorgischer Provinz Kharthli hingewiesen. Man versuchte die Dwali einfach, mit südlichen Ossetern identifizieren und in diesem Sinne wurden sogar die Nachrichten Wachushti über Dwali wesentlich entstellt.

Der Autor unternahm ein Studium aller ihm zugänglichen und bekannten Urquellen, die die Dwali betreffen und daraus ergaben sich etliche Schlußfolgerungen. Kurz gefaßt wird in vorliegender Abhandlung folgendes festgestellt:

1. Das erste Erwähnen der Dwali treffen wir schon beim Plinius S. (I J.) und Ptolemäos (II J.). Sie kommen als eine Bevölkerung der hohen Gebirgsregion des Zentralen Kaukasus zum Vorschein. Ihre Wohnsitze befanden sich auf der Nordseite des Hauptgebirges, zwischen dem Terekthal, im Osten, und den Digoren und Sswanen, im Westen.

Für das Zeitalter des reifen Mittelalters kann man sie genauer lokalisieren: der größte Teil am Oberlauf des Ardon bis zur Kassara-schlucht (Nordseite des Kaukasus) und, das mindeste, am Oberlauf des Didi Liachwi (Südseite des Kaukasus).

Direkt zeugt davon der berühmte georgische Geograph des XVIII J. Wachushti und in diesem Sinne wird es auch in den modernen, georgischer und ossetischer Sprachen gebraucht.

2. Die mittelalterliche georgische sämtliche Historiographie stellt sich die Dwali, der Herkunft nach, als eine den nachischen Stämmen (Tschetschenen und Inguschen) verwandte Bevölkerung vor. Die Dwali werden in den georgischen Quellen gewöhnlich von den Osseten abgesondert und ihnen sogar gegenüberstehend dargestellt.

Die antiken Quellen bieten keine entsprechende direkte Zeugnisse dar, aber ihre indirekte Anweisungen geben doch einen Grund die Konsequenz zu ziehen, daß der Ansichten der Antiker nach waren Dwali keine Iranier, keine Alanen, sondern ein autochtonischer kaukasischer Stamm; dabei verwandt mit den Gebirgsstämen Iberiens (darunter sollen auch nachische Stämme gerechnet sein).

Der Autor hat die antiken schriftlichen Nachrichten über die Alanen für I J. nach u. Z. untersucht und zieht die Konsequenz, daß die Alanen zu dieser Zeit (I J. nach u. Z.) sich noch in den, dem Kaspischen, Azovischen und Schwarzen Meer benachbarten Steppenregionen befanden und bis zur Steppenregion des Zentralen Kaukasus in großen Massen noch nicht eingedrungen waren. Jedenfalls, für I J. nach u. Z. nennt die Alanen im Zentralen Kaukasus kein antiker Schriftsteller.

3. Die Anweisung Wachusehti, hinsichtlich der alt-dwalischen Sprache, Ethimologie etlicher Toponime des Zentralen Kaukasus, die substratischen Angaben der ossetischen Sprache, die in Betracht gezogen waren, zeugen in Grenzen des erworbenen Materials übereinstimmend, daß die dwalische Sprache Züge gehabt sollte, die sie in erster Reihe mit nachischen Sprachen verbinden.

Dessen ungeachtet muß man die Dwali doch für einen besonderen, wenn auch den Nachen (Tschetschenen und Inguschen) verwandten, selbständigen Stamm anerkennen.

Gleichzeitig gibt es einige Merkmale die uns vorsagen, daß eine fernere intime Verbindung der Dwalischen mit den Sanichen (tzanen und megrelen Sprachen) zu suchen und keineswegs dieses für ausgeschlossen zu halten ist.

4. Die älteste georgische historische Überlieferung be-
det, daß seit der Entstehung des georgischen Staates Dwaleti
stets zur Kharthli politisch dicht angeknüpft und unterworfen
gewesen war.

Nachdem (IV J.) in Kharthli das Christentum als staatliche
Religion anerkannt wurde, verbreitete sich (VI—X J. J.) die
neue Lehre von Kharthli auch nach Dwaleti. Während der Herr-
schaft der Perser und Araber im Frühmittelalter, befindet sich
Dwaleti mit Kharthli in einheitlichem politisch-ökonomischen
Kreise. Die Dwalen werden nach und nach zu den Konsolida-
tionsprozeß der georgischen Nation herangezogen.

Im XI J. wurden in Dwaleti ansehnliche Kirchen gebaut,
deren zweier Reste noch heutzutage existieren. Von etwas späteren
Zeiten haben sich sogar einige georgische Inschriften erhalten.

Für XI—XIV J. J. gibt es mehrere Zeugnisse über kulturelle
und politische Einheit von Dwaleti und Kharthli innerhalb des
georgischen Staates; dabei werden auch ökonomische Verhältnisse
gemeint. Diese und noch mehrere andere Zeugnisse schaffen
einen Grund um zu behaupten, daß ein Prozess der Kharthisie-
rung der Dwali sich weit verbreitet hat, und die Dwali werden
von der mittelalterlichen Historiographie als ein einheimischer
Teil georgischen Volkes betrachtet.

5. Einerseits, der Einbruch und die Herrschaft der Mon-
golen im XIII—XIV J. J. desorganisiert den georgischen Staat;
Tamerlans vielfache Invasionen verwüsten Kharthli vollständig.
Andererseits, vom Norden drücken die Mongolen auf die Osseten
und zwingen sie in der hohen Gebirgsregion des Großen Kau-
kasus sichere Zuflucht zu suchen. Etwa später (XIV J.) schlie-
ßen ihnen die vorgerückten Kabardiner die Ausgänge der Berg-
schluchten auf die Ebene zu.

Infolgedessen entstand, noch im Zeitalter der mongolischen
Herrschaft, ein Migrationsprozess vom Norden nach Süden, der
nach und nach sich entwickelt: in die hohe Gebirgsregion sind
die Osseten eingedrungen; Dwali steigen teilweise herab zu den
Tälern Kharthli und Imerethi; Wohnsitze der Dwali aber beset-
zen hervordrängende Osseten. Dieser Prozess zieht sich durch
Jahrhunderte. Allmählich nehmen die Ossetiner in Dwaleti über-

hand und assimilieren den gebliebenen minderen Teil der Dwali.

Die in die Tälern herabgestiegenen Dwali, aber haben sich vollständig mit den Kharthen (Bevölkerung der Kharthli und Jmerethi) vermischt.

Also darf das XV J. als die Zeit angesehen sein, wo das Dasein der Dwali, als einer besonderen ethnischer Einheit, sein Ende zu nehmen begonnen haben muß.

Der alte ethnische Name „Dwali“ aber wurde seit Zeiten der neuen Bevölkerung, den Osseten ossetinisiertem Teil der Dwali, angeeignet, insofern sie das Territorium Dwaletli einnahmen.

6. Über die gesellschaftliche Ordnung der Dwali überhaupt, haben wir keine hinreichende Nachrichten; aber für das XIII—XIV J. bietet die „Chronik der Eristawi“ einige beachtenswerten Zeugnisse über die Magran-Dwali d. h. über die Dwali welche um die Quellen des Didi Liachwi wohnten. Laut dieser „Chronik“ waren die Dwali den Feodalen nicht unterworfen. Zwar strebt der Eristawi von Kssani nach der Unterwerfung der Dwali, aber sie leisten hartnäckig einen Widerstand. Dessen ungeachtet nehmen sie an dem gesamt-georgischen politischen Leben teil.

Bei den Dwali herrscht noch eine Gemeindeordnung.

Im ganzen, der sozialen Entwicklung nach sind die Dwali ihren Nachbarn zurückgeblieben.

Eine entscheidende Kraft in der Dwaligemeinde bildet die Gemeinde-demokratie. Aber die Gemeindeordnung ist nicht in ihrem ursprünglichen Zustand; ein Prozeß der Entartung ist schon begonnen.

Послесловие

Предлежащая книга в основном представляет часть диссертации, представленной автором к защите еще в I полугодии 1958 года. Совершенно новой, т. е. не вошедшей в диссертацию является глава 5, «Об общественном строе двалов в XIII—XIV вв.».

Для данного издания отдельные главы нами несколько расширены и пополнены в отношении аргументации и фактического материала. Автором учтены и замечания, сделанные оппонентами во время защиты диссертации.

Первые три главы уже были изданы в 1957 г. («Материалы к этнографии Грузии» вып. IX, Тб. АН ГрузССР), но в объеме вдвое сокращенном сравнительно с тем, как они представлены были в диссертации. Поэтому расширив еще несколько аргументацию мы сочли целесообразным напечатать эти главы в полном объеме. Остальные главы (4—8), приложения (таблицы и карты), резюме печатаются впервые.

В настоящее издание не включены две главы диссертации напечатанные уже ранее: 1. Из истории социальной борьбы в горной Картии в XIII—XIV вв. Сообщения АН ГССР т. XIX, № 2, 1957, 2. К анализу топонимики Двалетии (на груз. яз., резюме на рус. яз.), Труды Института истории АН ГССР, вып. IV, 1958 г.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Известия ЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследоват. института Академии наук ГССР.
2. Известия СОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследоват. института.
3. В. Д. И. — Вестник Древней истории.
4. Paulys, R. E. — Paulys, Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ

1. Церковь в Зругском ущелье (Хозита—Майрам). Южный фасад.
2. Церковь в Зругском ущелье (Хозита—Майрам). Вид с северной стороны¹.
3. Церковь близ села Тли. Фрагмент южного фасада.
4. Роспись с грузинской надписью на западной стене часовни в селении Нузал².
5. Роспись с грузинскими надписями на северной стене часовни в селении Нузал.
6. Каменная плита с грузинской надписью в сел. Калаки
7. Вторая каменная плита с грузинской надписью в сел. Калаки.

¹ Фотографии воспроизведенные на первых двух таблицах принадлежат канд. искусствоведч. наук В. О. Долидзе. Выражаю искреннюю признательность В. О. Долидзе за предоставление данных фотографий.

² Данная фотография выполнена фотографом Корбань (Республиканский Музей Краеведения Сев. Осет. АССР г. Орджоникидзе); фотографии воспроизведенные на остальных таблицах принадлежат автору книги.

Տաճ. I

Տաճ. II

PLATE
10000

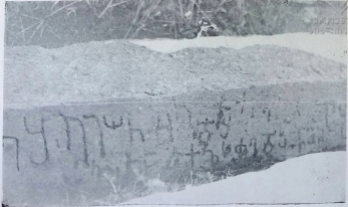
Fig. 4

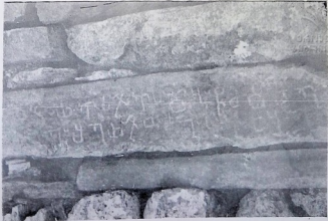
1000
1000

1926. No. 1

THE NATIONAL BUREAU OF GEOLOGY AND MINERALOGY

Tab. VII

Замеченные опечатки

Стр.	Строка		Напечатано	Должно быть
	Св.	Сн.		
9	6		это	эта
20	19		Зана	Зака
25	19		Хронографа (XVв)	Вахушти (XVIII в)
25		17	„Хронографа“	Вахушти
147	18		Konsequenz,	Konsequenzen,
147	20		Azovischen	Asowschen
148	16		kharthli	Kharthli
149	10		Osseten	Osseten und

В.Н. Гамрекли

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. К истории вопроса	5
2. Вахушти Багратиони о двалах	14
Относительно этногенеза и этнической принадлежности двалов	15
Относительно территории Двалегии	19
Об этнониме „Кавкасиани“	22
Об исторических судьбах двалов	28
Вахушти Багратиони о языке двалов	35
3. Свидетельства античных писателей о двалах	41
Дополнительно к вопросу о первом свидетельстве об аланах в античных источниках	63
4. Христианизация двалов	70
5. Об общественном строе двалов в XIII—XIV вв.	99
6. О соотношении между двалами и осетинами в XIII—XIV вв.	113
7. Отражение судеб племени Двали в судьбах терминов „двали—Двалети“	123
8. Заключение	132
9. Резюме	146
10. Послесловие	150
11. Принятые сокращения	151
12. Перечень таблиц	152
13. Таблицы	153

81 7664

Напечатано по постановлению
Ред.-Изд. Совета АН Грузинской ССР

Редактор Д. Г. Мегреладзе
Редактор издательства Д. С. Бакрадзе
Техредактор Н. А. Джапаридзе

Сдано в произв. 15.10.1960 Подписано к печати 10.4.1961
Формат бумаги $60 \times 92 \frac{1}{16}$ Формат набора 6×10 . Бумажи. л. 5.25
Печатных л. 10.50. Автор. л. 10.49 Уч. издат. л. 10.64.
Зак. № 1502 УЭ 02763 Тираж 1000.
Цена 80 коп.

Типография Изд-ва АН Грузинской ССР
Тбилиси, ул. Г. Табидзе, № 3/5

Цена 80 коп.

R2^{359.909}

3
31000000
31000000